

Д. И. Менделеев

в

воспоминаниях

современников

Д. И. Менделеев

в

воспоминаниях

современников

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Москва Атомиздат 1973

Составители

А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. Составители А. А. Макареня, И. Н. Филимонова, Н. Г. Карпило. Атомиздат, 1973, 272 стр.

Возрастающая роль науки в жизни современного общества повышает интерес к ее творцам, к личности тех ученых, которые предвидели ее будущее. Настоящая книга рассказывает о жизни и деятельности Дмитрия Ивановича Менделеева. Этот рассказ ведут его современники и последователи, друзья и родные, единомышленники и попутчики на его жизненном пути...

По словам В. Д. Бонч-Бруевича, Владимир Ильич Ленин «просил всех, кто общался с ним (Д. И. Менделеевым. — *Ред.*), записывать свои воспоминания и говорил, что все это немедленно надо печатать» [«Природа», № 4, 3 (1967)].

Составители книги — сотрудники Музея и Научного архива Д. И. Менделеева при Ленинградском государственном университете А. А. Макареня, Н. Г. Карпило и И. Н. Филимонова — приводят воспоминания 66 лиц. Многие из этих воспоминаний найдены в архивах или взяты из редких изданий. В столь полном виде воспоминания о Д. И. Менделееве публикуются впервые. Благодаря им облик Менделеева — ученого и человека — получает яркое освещение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени кончины Д. И. Менделеева прошло более 65 лет. Вероятно, уже нет в живых почти никого из сотрудников и учеников великого русского ученого, из родных, знавших его лично.

И если память о Менделееве как первооткрывателе периодического закона и авторе бессмертных «Основ химии» навсегда сохранится в истории науки, то его образ как человека и учителя уже теперь начинает забываться. Воспоминания о Менделееве, характеризующие его самообытную, неповторимую личность и его изумительный талант педагога, рассеяны по страницам малодоступных изданий, а некоторые лежат на полках архива.

Составители предлагаемой вниманию читателей книги — заведующий Музеем-архивом Д. И. Менделеева при Ленинградском государственном университете кандидат химических наук А. А. Макареня и сотрудники музея Н. Г. Карпило и И. Н. Филимонова — собрали воспоминания о Д. И. Менделееве его современников как ранее опубликованные, так и еще не печатавшиеся.

Воспоминания сгруппированы в четыре раздела.

В первом разделе читатель найдет воспоминания друзей и учеников Д. И. Менделеева, впоследствии занявших видное место в науке. Раздел открывается выдержками из краткой биографии Д. И. Менделеева, написанной Л. А. Чугаевым — одним из преемников великого ученого на кафедре химии Петербургского (ныне

Ленинградского) университета. Эти выдержки, содержащие, пожалуй, самую лучшую характеристику Менделеева как гениального и разностороннего ученого, являются своего рода вводным словом к сборнику воспоминаний о нем.

При чтении мемуарной литературы никогда не следует упускать из вида, что воспоминания характеризуют не только того, о ком они написаны, но также их автора. Поэтому собранный в первом разделе большой материал особенно интересен, поскольку он принадлежит перу многих крупнейших ученых различных специальностей. Среди них два президента Академии наук СССР — А. П. Карпинский и В. Л. Комаров, почетные академики И. А. Каблуков и Н. А. Морозов, академики А. А. Байков, В. И. Вернадский, В. А. Кистяковский, Д. П. Коновалов, Н. С. Курнаков, В. Е. Тищенко, известные зарубежные ученые У. Рамзай, Б. Браунер и другие выдающиеся деятели науки.

Первый раздел охватывает большой период жизни Д. И. Менделеева — от его пребывания в научной командировке в Гейдельберге в 1861 г. (воспоминания И. М. Сеченова) до последних лет работы в Петербургском университете, а затем в Главной палате мер и весов.

Здесь особенно выделяются воспоминания В. Е. Тищенко — ученика и сотрудника Д. И. Менделеева (привлекает внимание описание обстоятельств вынужденного ухода Менделеева из университета), а также весьма подробные воспоминания А. А. Байкова, слушавшего у Д. И. Менделеева курс общей химии, а позднее писавшего дополнение «О сплавах» для нового издания «Основ химии».

Очень много дают для понимания могучей и своеобразной личности Д. И. Менделеева воспоминания М. Н. Младенцева — его сотрудника по Главной палате мер и весов.

Во втором разделе собраны воспоминания лиц, с которыми встречался Д. И. Менделеев. Как-то он писал об одной из своих работ: «Сам удивляюсь — чего я только не делывал на своей научной жизни»*. С не меньшим правом Д. И. Менделеев мог удивляться своим много-

* Архив Д. И. Менделеева, Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 66.

численным встречам. Среди авторов воспоминаний этого раздела профессора химии (Н. А. Меншуткин, С. П. Вуколов, В. Я. Курбатов), физики (Б. П. Вейнберг, Е. А. Роговский), художественный критик (В. В. Стасов), художники (И. Е. Репин, Я. Д. Минченков), сотрудники Главной палаты мер и весов (О. Э. Озаровская, А. В. Скворцов), царские сановники (С. Ю. Вите, В. И. Ковалевский), писатели (С. Л. Толстой, О. Э. Озаровская, Б. М. Филиппов), инженеры, изобретатели, деятели культуры.

Третий раздел содержит отрывки из воспоминаний племянницы Д. И. Менделеева Н. Я. Капустиной-Губкиной, дочерей О. Д. Менделеевой-Трироговой и М. Д. Менделеевой-Кузьминой, сына И. Д. Менделеева и вдовы А. И. Менделеевой.

В четвертый раздел вошли заметки о Д. И. Менделееве, составленные писателями и журналистами, встречавшимися с ученым в различной обстановке (Ф. М. Достоевский — на литературных вечерах, А. А. Блок — в семейной обстановке, М. О. Меньшиков и В. В. Протопопов — брали интервью). Эти заметки объединены общей идеей — в них видна попытка показать роль Менделеева в общественной жизни России, а также философски и художественно осмыслить его образ.

Читатель получит представление о домашнем быте Д. И. Менделеева, его отношении к детям, о его литературных и художественных вкусах и т. п., и это, бесспорно, привлечет внимание художников, актеров, писателей. Здесь нельзя не вспомнить слова художника М. В. Нестерова: «Знал я Д. И. Менделеева: лицо его характерно, незабываемо, оно было благодарным материалом для художника»*.

Собранные в книге материалы публикуются с сокращениями, которые, как это принято, отмечены многоточием. И хотя в этом случае читатель не получает полного представления обо всем, что считал нужным рассказать автор воспоминаний, тем не менее благодаря сокращениям составителям удалось избежать излишних повторений, неизбежных в такого рода сборниках.

* См.: А. Михайлов. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. М., «Искусство», 1958, стр. 344.

Издание этой книги явится существенным дополнением в изучении научного творчества Д. И. Менделеева, к которому проявляют все большее внимание широкие круги читателей.

Первое издание книги было приурочено к 100-летию открытия Менделеевым периодического закона и выхода в свет первого выпуска его «Основ химии» (1869 г.) — крупных в истории мировой науки событий. Широкие отклики в печати свидетельствовали о признании научной общественностью важности и своевременности такого издания.

Эта книга занимает определенное положение среди других трудов, посвященных изучению биографии Менделеева, и отвечает все увеличивающемуся в настоящее время стремлению проникнуть в тайники мысли и деятельности творцов науки.

Книга воспоминаний о Д. И. Менделееве станет большим и ценным вкладом в менделеевиану. При чтении сборника мы видим многогранную личность Д. И. Менделеева с различных точек зрения и в различном освещении.

Несомненно, что воспоминания о Д. И. Менделееве прочтут с интересом и пользой не только специалисты по истории науки, но и самые широкие круги читателей, желающих ближе познакомиться с личностью одного из величайших ученых мира.

**Заслуженный деятель науки и техники РСФСР
доктор химических наук
профессор С. А. ПОГОДИН**

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Нет ни одного значительного сочинения, посвященного истории развития науки в России второй половины XIX и начало XX века, где бы не упоминалось имя Менделеева. Выдающиеся открытия великого русского ученого, его многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность сыграли огромную роль в развитии не только важнейших научных направлений, но и социально-экономической и философской мысли в России.

Хотя о Менделееве написано большое количество работ, до сих пор еще нет подробной летописи жизни и деятельности ученого, не изучены многие важные стороны его научного творчества, не создана полная научная биография Менделеева. Между тем в подобных исследованиях могли бы найти освещение многие важные проблемы истории науки, психологии научного творчества и, наконец, науковедения в целом. Уникальный архив Д. И. Менделеева, а также значительное число иных документальных источников могут оказать существенную помощь в проведении таких исследований. Книга «Менделеев в воспоминаниях современников» может рассматриваться поэтому в качестве вспомогательного источника для изучения жизни и деятельности Менделеева.

Если в литературоведении и искусствоведении подобного рода издания довольно часты, то в истории естественных наук они еще совсем недавно представляли большую редкость.

При подготовке настоящего издания пришлось столкнуться с трудностями как в отборе материала, так и в составлении комментариев.

Книга имеет четыре раздела.

В первом помещены воспоминания современников Менделеева, охарактеризовавших основные этапы и направления его научной деятельности. Здесь приводятся воспоминания известных русских ученых, коллег Д. И. Менделеева по научной работе (И. И. Сеченова, К. А. Тимирязева и др.), а также его ближайших учеников (В. Е. Тищенко, Д. П. Коновалова, Г. Г. Густавсона). Все эти воспоминания охватывают продолжительный период жизни Д. И. Менделеева.

Первый раздел начинается фрагментами из очерка Л. А. Чугаева «Дмитрий Иванович Менделеев, жизнь и деятельность», который нельзя отнести к мемуарной литературе, однако составители сочли возможным включить эти фрагменты в настоящий сборник в качестве своеобразного предисловия к нему. При этом составители основывались на следующей оценке произведения Л. А. Чугаева: «Книгу эту можно рассматривать как дань любви и уважения к великому ученому со стороны его преемника... Книга Чугаева раскрывает основные моменты научного творчества Менделеева на основе опубликованных материалов и личных воспоминаний учеников и сотрудников Дмитрия Ивановича..»* (Подчеркнуто нами — *Сост.*). Завершается первый раздел выдержками из статей Н. Д. Зелинского, одного из выдающихся представителей молодого поколения русских химиков — современников Д. И. Менделеева.

Во второй раздел включены воспоминания, в которых отражены педагогическая и общественная деятельность Менделеева, отдельные факты его научной деятельности. Они принадлежат, как правило, лицам, младшим по возрасту, или тем, с кем Менделеев реже встречался. Здесь впервые публикуется записка об ученых трудах Д. И. Менделеева, составленная Н. А. Меншуткиным и собственно не относящаяся к жанру воспоминаний (это характеристика современника).

В третьем разделе приведены воспоминания родственников Д. И. Менделеева и лиц, хорошо знавших его. Естественно, что эти воспоминания наиболее ярко характеризуют Менделеева как человека, его привычки,

* О. Е. Звягинцев, Ю. И. Соловьев, П. И. Старосельский. Лев Александрович Чугаев. М., «Наука», 1965, стр. 180.

характер, обстановку рабочего кабинета, то, как Менделеев работал и отдыхал.

В четвертый раздел вошли литературные заметки, составленные писателями и журналистами (среди них Ф. М. Достоевский, А. А. Блок, В. А. Гиляровский) и отражающие восприятие идей и личности Менделеева в литературной среде.

Во всех разделах материалы расположены в соответствии с хронологией описываемых событий*. Наиболее трудно это было сделать в первом разделе, так как воспоминания, помещенные в нем, охватывают порой большой период жизни Д. И. Менделеева, и в четвертом, что связано с характером приводимых материалов.

Чтобы облегчить знакомство с каким-либо этапом жизни Д. И. Менделеева по различным воспоминаниям, мы привели в приложении основные даты жизни и деятельности ученого и список литературы о Менделееве, опубликованной при его жизни и написанной его современниками после его смерти.

Ко всем воспоминаниям даны комментарии, содержащие сведения об авторе воспоминаний, необходимые пояснения к тексту, а также ссылки на литературу, в которой освещены и проанализированы описываемые в воспоминаниях события и факты.

Некоторые из имеющихся воспоминаний не вошли в сборник. Причина этого — не подтвержденная другими документами достоверность описываемых событий. Не вошли в сборник заметки, написанные в связи со смертью Д. И. Менделеева (за исключением сообщения Н. Г. Егорова, напечатанного в «Журнале Русского физико-химического общества», и заметок П. И. Вальдена, Б. Браунера и Т. Торпа, появившихся в 1907 г. в иностранных журналах), интервью, короткие заметки и т. п.

В тех случаях, когда авторы воспоминаний описывают одно и то же событие, мы, как правило, оставляли лишь те свидетельства современников, которые даны наиболее полно и ярко.

В сокращенном виде даны воспоминания, помещенные в третьем разделе книги. Это касается прежде всего следующих мемуаров, вышедших ранее отдельными книгами: Н. Я. Капустина - Губкина. Семейная хрони-

* Все даты в книге приводятся по старому стилю.

ка в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве. Спб, 1908; А. И. Менделеева. Менделеев в жизни. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928; О. Д. Тригорова-Менделеева. Менделеев и его семья. М., Изд-во АН СССР, 1947.

Некоторые из воспоминаний приводятся впервые с указанием источника (воспоминания А. А. Иностранцева, В. А. Кистяковского, М. Ф. Фрейденберга, В. А. Патрухина и др.).

При подготовке настоящего издания большую помощь оказали О. П. Каменоградская и возглавляемая ею библиографическая группа Библиотеки Академии наук СССР — составители подробной библиографии о Д. И. Менделееве. Мы благодарны также сотруднику Музея-архива Д. И. Менделеева Ю. В. Рысеву за оказанную помощь в подготовке материалов к изданию. Отбор документов, общая редакция и комментирование осуществлено А. А. Макареней. В подготовке воспоминаний для 2-го издания приняла участие Н. Г. Карпило.

Не можем не выразить также своей признательности лицам, принявшим участие в обсуждении книги: академику Б. М. Кедрову, профессорам С. А. Шукареву, С. А. Погодину, Р. Б. Добротину, А. К. Колосову, В. В. Разумовскому, научным сотрудникам А. Я. Авербуху, В. А. Кротикову, Д. Н. Трифонову.

Мы не считаем свою работу по поиску воспоминаний о Д. И. Менделееве законченной и будем благодарны всем, кто сообщит о своих находках и пришлет замечания. Наш адрес: Ленинград, 199164, Университетская наб., 7/9, Музей-архив Д. И. Менделеева.

**ВОСПОМИНАНИЯ
ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ
Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА**

Л. А. Чугаев

«...Когда приходишь к оценке личностей, подобных Д. И. Менделееву, к анализу их научного творчества, невольно является желание отыскать в этом творчестве элементы, всего более отмеченные печатью гения.

Из всех признаков, отличающих гениальность и ее проявление, два, кажется, являются наиболее показательными: это, во-первых, способность охватывать и объединять широкие области знания и, во-вторых, способность к резким скачкам мысли, к неожиданному сближению фактов и понятий, которые для обыкновенного смертного кажутся далеко стоящими друг от друга и ничем не связанными, по крайней мере до того момента, когда такая связь будет обнаружена и доказана.

Эти черты мы как раз и находим у Менделеева. Можно сказать, что они проходят через всю его разнообразную деятельность, столь богатую событиями духовной жизни.

Гениальный химик, первоклассный физик, плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии, в различных отделах химической технологии (взрывчатые вещества, нефть, ученые о топливе и др.) и других сопредельных с химией и физикой дисциплинах, глубокий знаток химической промышленности и промышленности вообще, особенно русской, оригинальный мыслитель в области учения о народном хозяйстве,

государственный ум, которому, к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущее России лучше представителей нашей официальной власти. Таков был Дмитрий Иванович Менделеев... Все разнообразные части или направления его духовного творчества при внимательном анализе оказываются не изолированными друг от друга и не случайными; чувствуется, что они связаны какими-то, часто незримыми нитями, составляя как бы одно органическое целое.

Он умел быть философом в химии, в физике и в других отраслях естествознания, которых ему приходилось касаться, и естествоиспытателем в проблемах философии, политической экономии и социологии. Он умел внести свет науки в задачи чисто практического характера и приблизить к жизни теорию, находя для нее возможность использования и различных приложений.

Во всех вопросах, которые ему приходилось затрагивать, мысль Менделеева, развиваясь до своих крайних логических пределов и последствий, неудержимо увлекала его далеко за пределы первоначально избранной темы...

Особенно не любил Менделеев чрезмерной схематизации в науке. Он представлял себе все явления, происходящие в природе, необыкновенно сложными и при каждом удобном случае предостерегал от чрезмерного увлечения кажущейся простотой, являющейся следствием нашей склонности к схематизации. Какой контраст представляют работы Менделеева с аналогичными по задачам и содержанию книгами многих других авторов, особенно германской школы физико-химиков (Нернст и особенно Оствальд), где, закончив чтение учебника, выносишь впечатление, что в науке все обстоит благополучно, все существенные вопросы разрешены или, по крайней мере, близки к разрешению, что осталось доделать почти одни второстепенные детали...

Огромное количество труда и времени затрачивал он на самый процесс расчисления опытных данных, как собственных, так и в особенности добытых другими авторами. Лица, близко стоящие к Дм. Ив., свидетельствуют, что каждая приводимая им цифра даже сообщаемая лишь с учебной целью, например в «Основах химии», неоднократно и весьма тщательно проверялась и опублико-

валась лишь после того, как автор получал уверенность в том, что именно ее следует считать наиболее надежной...

...Нельзя не упомянуть о той обстановке, в какой ему приходилось работать. Долгое время эта обстановка была прямо-таки нищенской. До 1863 г. химическая лаборатория университета получала всего 400 руб. в год и на все кафедры химии полагался один лаборант с таким же годовым окладом. Благодаря этому в лаборатории не хватало самых необходимых вещей и приспособлений.

С 1866 по 1872 г. лаборатория Д. И. состояла всего из двух комнат, из которых одна к тому же была темной, и только с 1872 г., когда начались работы Менделеева о сжимаемости газов, ему была отведена еще и третья. Постепенно, но также очень медленно, возрастал и бюджет лаборатории. Словом, в лучшую пору жизни Д. И. Менделеева ему приходилось работать в очень тяжелых условиях. Такова, впрочем, была участь большинства русских ученых того времени. Дм. Ив. долго и многократно хлопотал о расширении лаборатории (впредь до постройки нового здания для этой цели) и о предоставлении достаточной суммы на ее содержание. Но хлопоты эти возымели свое действие только 20 лет спустя, когда Менделеева уже не было в университете.

...Многие находили, что от личного общения с Д. И. или пребывания в его обществе получалось более глубокое и полное представление о могучей силе его духа, нежели от знакомства с его сочинениями. Такое впечатление вынес, между прочим, И. И. Мечников, сам знаменитый ученый, незадолго до смерти Д. И. познакомившийся с ним в Париже. Мечников говорил мне, что из всех выдающихся деятелей науки, которых ему пришлось узнать на своем долгом веку, был только еще один человек, сделавший на него такое сильное неизгладимое впечатление, как Менделеев. Это был женевский ученый Карл Фогт.

...Обладая в молодости слабым здоровьем, имея, по видимому, задатки наследственного туберкулеза, Д. И. прожил долгую жизнь, вероятно, тоже благодаря своей воздержанности в пище и питье. Тем не менее я слышал от одного из его учеников, В. Е. Павлова, что к нему не раз уже в преклонном возрасте возвращалось кровохарканье, немало его смущавшее. Он лечил его сам, почему-

то приемами бромистоводородной кислоты (вводить в организм натрий или калий он не хотел). Так он прожил до начала 900-х годов, когда под влиянием начавшей развиваться катаракты на обоих глазах он довольно быстро стал терять зрение. Он не мог работать и с трудом различал окружающие предметы. Это была та же самая болезнь, которая постигла его отца, Ивана Павловича. Однако в 1903 г. после удачной операции, сделанной проф. Костеничем, Менделеев прозрел и опять с неослабной энергией принялся за временно прерванные работы. Так прошло еще два года. Говорят, что на его здоровье сильно подействовал исход японской войны. Будучи глубоким патриотом, он очень тяжело переживал наши неудачи на Дальнем Востоке, нередко даже плакал... К 1906 г. он как-то быстро стал дряхлеть, стал часто прихварывать. В этом году он два раза ездил за границу и как будто поправился. Но дни его были сочтены, и он сам уже как бы предчувствовал близкий конец. Простудившись во время посещения Главной палаты мер и весов тогдашним министром Философовым, Д. И. захватил воспаление в легких, от которого и скончался 20 января 1907 года ¹».

Л. А. Чугаев. Дмитрий Иванович Менделеев, жизнь и деятельность. Л., Научное химико-технич. изд-во, 1924.

И. М. Сеченов

«В Гейдельберге, тотчас по приезде, я нашел большую русскую компанию: знакомую мне из Москвы семью Т. П. Пассек ¹ (мать с тремя сыновьями), занимавшегося у Эрленмейера химика Савича, трех молодых людей, не оставивших по себе никакого следа, и прямую противоположность им в этом отношении — Дмитрия Ивановича Менделеева. Позже — кажется зимой — приехал А. П. Бородин. Менделеев сделался, конечно, главою кружка, тем более что, несмотря на молодые годы (он моложе меня летами), был уже готовым химиком, а мы были учениками. В Гейдельберге в одну из комнат своей квартиры он провёл на свой счет газ, обзавелся химической посудой и с катетометром от Саллерона засел за изучение капиллярных

явлений, не посещая ничьих лабораторий². Т. П. Пассек нередко приглашала Дм. Ив. и меня к себе то на чай, то на русский пирог или русские щи, и в ее семье мы всегда встречали г-жу Марко Вовчок, уже писательницу...

Этим летом и следующей за ним зимой жизнь наша текла так смиренно и однообразно, что летние и зимние впечатления перемешались в голове и в памяти остались лишь отдельные эпизоды. Помню, например, что в квартире Менделеева читался громко вышедший в это время «Обрыв» * Гончарова, что публика слушала его с жадностью и что с голодухи он казался нам верхом совершенства. Помню, что А. П. Бородин, имея в своей квартире пианино, угощал иногда публику музыкой, тщательно скрывая, что он серьезный музыкант, потому что никогда не играл ничего серьезного, а только, по желанию слушателей, какие-либо песни или любимые арии из итальянских опер...³

В Гейдельберге же я познакомился с Борисом Николаевичем Чичериным. В компанию Менделеева он не вошел и виделся изредка лишь с Юнге и со мной, как его однокашниками по университету. Он тогда уже был адъюнктом⁴...

В осенние каникулы 1859 г. мы с Дм. Ив. вдвоем отправились гулять в Швейцарию, имея в виду проделать все, что предписывалось тогда настоящим любителям Швейцарии, т. е. взобраться на Риги, ночевать в гостинице, полюбоваться Alpenglühen'ом, прокатиться по Фирвальдштетскому озеру до Флюэльна и пройти пешком весь Oberland. Программа эта была нами в точности исполнена, и в Интерлакене мы даже пробыли два дня, тщетно ожидая, чтобы красавица Юнгфрау раскуталась из покрывавшего ее тумана.

...В эти месяцы я отправился в лабораторию Дм. Ив. Менделеева; он дал мне тему, рассказав, как готовить вещество, азотистометилловый эфир, что делать с ним, дал мне комнату, посуду, материалы, и я с великим удовольствием принялся за работу, тем более, что не имел до того в руках веществ, кипящих при низких температурах, а это кипело при 12° С. Результаты этой ученической работы описал сам Дм. Ив. Быть учеником такого учите-

* У И. М. Сеченова здесь описка: роман «Обрыв» издан лишь в 1869 г. Следует читать «Обломов». —Сост.

ля, как Менделеев, было, конечно, и приятно, и полезно, но я уже слишком много вкусил от физиологии, чтобы изменить ей, и химиком не сделался⁵».

Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., «Научное слово», 1907.

Г. Г. Густавсон

«...Если я взял на себя смелость остановить внимание съезда на очень отдаленном и очень кратком периоде деятельности Д. И. Менделеева, когда он преподавал органическую химию, то да послужит мне оправданием то значение, которое присуще высокой личности Менделеева. К какому бы делу он ни прикасался, он всегда оставлял на нем глубокие и поучительные следы. К тому же на первом съезде, посвященном его памяти, конечно, должны быть сосредоточены по возможности все воспоминания, его касающиеся, а свидетелей этого раннего периода его деятельности осталось уже очень немного.

Я слушал лекции Д. И. Менделеева по органической химии в 1862 и 1863 годах, по возвращении Д. И. из двухлетней заграничной командировки и тотчас после издания им книги «Органическая химия»¹.

Эта книга теперь почти совсем забыта. Тем не менее она глубоко интересна уже по одному тому, что представляет первое крупное литературное произведение Менделеева, когда ему было 26—27 лет. Известно, что в первых произведениях высокоодаренных натур весьма ярко и рельефно обозначаются особенности их таланта. Поэтому я и остановлюсь несколько на этой книге, тем более что по ней можно до известной степени судить и о лекциях, слушателями которых мы были. Книга проникнута широкой и сильной индукцией; это выразилось главным образом в том, что в ней проведена принадлежащая Менделееву теория пределов — предшественница теории строения. Фактическое содержание книги не только в общем, но и в частях ярко освещено выводами. В этой ее особенности, отличающей ее от других руководств, видится уже будущий автор «Основ химии». Но затем в книге до такой степени выдержана соразмерность частей, так ясно отсутствие всего лишнего, руководящие идеи проведены в ней с таким искусством, что она дает впечатление художест-

венного произведения. Она так целостна, что, начав ее читать, трудно от нее оторваться. Эта особенность ее, помимо всего прочего, зависит и от того, что она была написана сразу, без перерывов, в короткое время. По словам Менделеева, она была написана им в два месяца, почти не отходя от письменного стола. Замечу здесь, по этому поводу, что Менделеев вообще являлся противником гигиенического распределения занятий и говорил, что только при односторонних, непрерывных и упорных усилиях, направленных к одной цели, хотя бы и отзывающихся болезненно на организме, возможно создать что-либо ценное, что-либо такое, чем сам останешься доволен. Достоинство книги было тогда оценено всеми. Ей, как известно, была присуждена первая Демидовская премия, но ей не суждено было выдержать дальнейших изданий, хотя попытки к тому и были сделаны². Есть такие произведения, которые не выносят переделок и вставок, и книга Менделеева несомненно к ним относится. Но и кроме того, в это время органическая химия находилась как раз в состоянии полнейшего переворота вследствие вновь возникших представлений о связи атомов в органических соединениях. Теория пределов Менделеева, которую отлично формулировались и предсказывались взаимные переходы органических соединений различной насыщенности, не давала объяснения тем все чаще и чаще наблюдаемым случаям различия органических соединений, одинаковых по составу и весу частицы, которые обозначались названием изомерии в тесном значении этого слова. Между тем весь интерес химиков сосредоточился на разъяснении причин этих загадочных явлений. Создалась теория строения, и развитие ее взяло верх над всем остальным в органической химии. Появилось «Введение к полному изучению органической химии» Ал. Мих. Бутлерова. Книга Менделеева по ее оригинальности и целостности не могла быть приноровлена к новым веяниям времени. Она осталась историческим памятником, но памятником, полным значения и для настоящего времени, заключающим в себе заветы тех широких взглядов на специальные науки о природе, которые возвышают их значение и отвечают требованиям, к ним предъявляемым.

А требования эти, которые и теперь нередко слышатся, все одни и те же, все сводятся к одному и тому же. В частности — не забывать общего, в погоне за фактами не

игнорировать идей, их одухотворяющих, не лишать наук о природе их философского значения.

Требования эти находят себе ответ в книге Менделеева, потому что в ней с чрезвычайным искусством проведена идея единства органических соединений. Это самый широкий вывод, вытекающий из книги Менделеева. Теория пределов помогла ему в крупных чертах и, не отвлекаясь другими вопросами, напр. вопросами о строении, выставить взаимные переходы и связь органических соединений, несмотря на их разнообразие. Для того времени, когда книга была написана, это составляло немаловажную заслугу. То впечатление целостности, которое давала книга и которое так удовлетворяло ум при изучении ее, зависело от этой идеи единства, в данном случае — единства органических соединений, ее проникшей.

Индукцией проникнута вся книга Менделеева. В ней впервые и притом с чрезвычайной яркостью выражен взгляд его на необходимость в изложении тесно связывать фактический материал с выводами из него. Высокий ум его всегда стремился к выводам, только и жил ими — конечно, к выводам из фактов, и поэтому понятно, что необходимость связи этих двух сторон в науках им пропагандировалась и нашла себе отражение в его руководствах. Менделеев говаривал, что факт сам по себе очень мало значит — важна его интерпретация. Из органической химии можно видеть, как провел он этот взгляд в данном конкретном случае. Вся книга разделена на немногие главы, предназначенные для развития того или другого химического понятия из фактического материала, в них приведенного.

...В позднейших его сочинениях, напр. в «Основах химии», мы видим то же самое. В частных разговорах и иногда в диспутах он пропагандировал опять-таки то же самое. Однажды, очень давно, я был свидетелем следующего случая. Один из составителей руководств по химии, поднося ему свою книгу, выставял, как особенно ценное достоинство ее, что у него теоретическое содержание книги отделено от фактического и практического: в первой части теория, а во второй части факты. На это Менделеев, со свойственной ему прямою, вскричал, что это-то именно он и считает слабою стороною книги.

Наконец, нельзя умолчать еще об одной особенности «Органической химии» Менделеева. В ней не порвана

связь с примыкающими к органической химии отделами знаний. Приходилось слышать от Менделеева, что курсу неорганической химии можно было бы придать характер энциклопедии естествознания. Конечно, органическая химия на подобную широкую роль претендовать не может, но она тесно связана со всею органическою природою и глубоко входит в биологию. Сводить эту связь к той крайней часто ничего не говорящей отрывочности, которая замечается во многих курсах органической химии, едва ли отвечает тем требованиям, какие, по словам Менделеева, обуславливают пользу учебного руководства. Теперь мы углубляемся в строение, стараемся проникнуть в невидимый мир атомов, и это движение, при всей его законности и необходимости, является почти исключительным и далеко отодвигает все остальное. Но невидимый мир атомов не должен заслонять собою мира видимого. Нельзя лишать органическую химию ее реальной почвы. Менделеев начал с того, что во введении выдвинул отношения физики к органической химии, и затем дал широкую картину круговорота углерода в природе и остановился на значениях органических соединений для жизненных отправлений организмов. В тесную связь с этим поставлено и добывание органических соединений из естественных источников. Вообще эта сторона дела представлена таким образом, что начинающему становятся ясны те реальные, полные значения причины, которые привели к особому циклу химических знаний, получивших название органической химии. Изложение многих статей, сюда относящихся, напр. статьи о жирах с их историею, так совершенно, что они до сих пор сохранили все свое значение.

Таким образом, мы, слушатели Менделеева, в начале шестидесятых годов находились, что касается руководства, можно сказать, в идеальных условиях. Руководство настолько удовлетворяло всем запросам, которые могли быть к нему предъявлены, что, казалось, мог бы возникнуть вопрос: для чего лекции при таком руководстве? Тем не менее, переносясь к тому времени и вспоминая лекции Менделеева, я должен заметить, что роли книги и лекций были различны и что книга не могла заменить лекций.

Книга служила для предварительного ознакомления с предметом лекций, и ясно помнится, что это была главная

роль книги, а затем для окончательного усвоения прочитанного на лекциях. Лекции же научали нас отличать главное от второстепенного, давали возможность судить об относительном значении данных, составляющих науку, т. е. развивали в нас критический взгляд на науку. Касаясь здесь этого, можно сказать, вечного вопроса о необходимости и значении лекций — вопроса, столь различно решаемого и далеко не решенного, я полагаю со своей стороны, что задача и назначение лекций состоит именно в должном и настойчивом оттенении существенного от подробностей, главного от второстепенного. Для начинающих это — жизненный вопрос, и учебник, как бы он хорош ни был, никогда не даст в этом отношении того, что могут дать лекции.

Лектору для достижения указанной цели предоставлено много средств, по существу дела отсутствующих в учебнике. Должные повторения и отступления, разъяснения посредством аналогичных примеров, время от времени делаемые резюме сказанного, наконец главное — применение той или другой интонации в изложении, всеми этими и многими другими средствами лектор может и должен пользоваться для того, чтобы оттенить значение излагаемого, чтобы выдвинуть главное и сосредоточить на нем внимание слушателей. Лектор, не выполняющий этой задачи, не отвечает своему назначению, хотя бы лекция и блистала красноречием и в ней приводились новые исследования, не успевшие войти в руководство. Живое слово нужно для облегчения восприятия существенного в науке.

Считаю лишним останавливаться здесь на достоинствах в этом отношении лекций Менделеева. Лекции его еще у всех в памяти, и как в недавнее время, так и при начале его деятельности аудитория была всегда битком набита.

В то время, о котором у нас идет речь, т. е. в самом начале шестидесятых годов, лаборатория в университете и ее средства были таковы, что не только о практических занятиях по органической химии, но и о должной обстановке лекций опытами нельзя было и думать. При всех кафедрах химии был только один лаборант, получавший 400 р. в год.

Газу не было; жгли древесный спирт, да и в том часто чувствовался недостаток, потому что его пил единствен-

ный старый сторож при лаборатории. Тяги не действовали, и когда я, еще будучи студентом, затеял готовить пятихлористый фосфор, то так надышался хлором, что за свое усердие поплатился воспалением легких. Но и позже, в 1866 году, когда Менделеев был выбран экстраординарным профессором по кафедре технической химии, а я был у него лаборантом, под лабораторию технической химии были отведены во втором этаже университета две комнаты с паркетными полами, но без газа и без тяг. Предоставлялось широкое поле для изощрения изобретательности и для развития настойчивости в преодолении препятствий, что, пожалуй, для химика не лишне...

...Как бы то ни было, но в начале шестидесятых годов условия для обстановки лекций опытами и для практических работ по химии были в университете крайне неблагоприятны. Тем не менее лекции органической химии время от времени демонстрировались и опытами. Менделеев сам их производил, останавливаясь, конечно, только на немногом и выбирая имеющиеся под руками средства. В особо назначенные часы перед нами производились им и такие более сложные операции, как органический анализ, определение плотности пара и т. п.

Кончая тот отрывочный и крайне неполный очерк ранней поры преподавательской деятельности Менделеева, я не могу здесь не остановиться на выдающейся черте его характера, делающей его дорогим и незабвенным для очень, очень многих и далеко не одних только химиков. Это его всегдашняя готовность употребить свое влияние на помощь окружающим. В нем была так сильна эта готовность помочь, что он в очень многих случаях сам шел навстречу, не ожидая просьб. Он не щадил себя в этом деле и часто, пренебрегая нездоровьем и отрываясь от глубоко захватывающих его трудов, ехал хлопотать за других.

Надо заметить, что его полные убеждения и убедительности и нередко властные и настойчивые представления всегда имели успех. В продолжение моей жизни я не встречал другого человека, равного ему в этом отношении, и память о нем будет жить не только в уме, но и в сердце³».

Г. Г. Густавсон. Д. И. Менделеев и органическая химия. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 50—57.

«...Д. И. Менделеев в начале этой эпохи не был еще тем, чем он представляется нам теперь — автором известных «Основ химии», творцом периодической системы элементов, того самого широкого обобщения в химии, приведшего к поразительному результату — возможности предсказания и подробного описания еще неизвестных элементов, пророчеств, которые исполнялись с неукоснительной точностью. Он не выступал еще и со своими обширными физическими работами, хотя уже уделял этим вопросам место как в исследованиях, так и в курсе теоретической химии, вероятно, первом, читавшемся перед русской аудиторией. В начале шестидесятых годов он был по преимуществу органик; его превосходный по ясности и простоте изложения учебник, «Органическая химия», не имел себе подобного в европейской литературе, и кто знает, насколько именно эта книга способствовала тому, что в этом, главным образом, направлении двинулось вперед ближайшее поколение молодых русских химиков. Когда вследствие отсутствия необходимой лабораторной обстановки * в Петербургском университете, а еще более после его временного закрытия, русская университетская молодежь толпами бросилась в заграничные университеты, она направилась исключительно в лаборатории органической химии (Вюрца, Кекуле, Штрек-

* Тем, кто работает в современных лабораториях-дворцах, может быть, любопытно увидеть картинку лаборатории в самом начале шестидесятых годов XIX в. Когда Д. И. Менделеев предложил студентам для практики в органической химии повторить некоторые классические работы, пишущему эти строки выпало проделать известное исследование Зинина — получение анилина. Материал — бензойную кислоту, конечно, пришлось купить на свои гроши, так как этот расход не был под силу лаборатории с ее 300-рублевым бюджетом, но затем понадобилась едкая известь. При исследовании находившаяся в складе оказалась почти начисто углекислой. Почтенный лаборант Э. Ф. Радлов дал благой совет: «А затопите-ка горн да прокалите сами, кстати ознакомитесь с тем, как обжигают известь». Сказано — сделано, но здесь встретилось новое препятствие: сырые дрова шипели, свистели, кипели, но толком не разгорались. На ручку подоспел сторож. «Эх, барин, чего захотел, казенными дровами да горн растопить, а вот что ты сделай: там в теменькой есть такая маленькая не то лежаночка, не то плита, положи на нее вязаночку, да денек протопи, — дрова и просохнут». Так и пришлось поступить. Сушка казенных дров, как первый шаг к реакции Зинина, — вот уже подлинно, что называется, начинать сначала!

кера, Бейльштейна, Кольбе). Всего нагляднее это обнаружилось в главном центре этого паломничества, в Гейдельберге, где только немногие, как Лугинин, а раньше Менделеев и Шишков, направились к Бунзену».

К. А. Тимирязев. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. Сочинения. Т. 8. М., Сельхозгиз, 1939, стр. 151, 152.

«...Живо помню следующий факт, относящийся к моим студенческим годам. А. В. Советов защищал в Петербургском университете свою диссертацию «О системах замедления» на степень доктора — первого доктора земледелия в России. В числе оппонентов был Д. И. Менделеев, указавший на пробел в диссертации, на отсутствие в числе систем системы, основанной на применении химических минеральных удобрений, на что докторант самым убежденным тоном возражал: «Дмитрий Иванович! Помилуйте! Да какая же эта система? Кабинетная, лабораторная!» И вот на глазах одного поколения эта кабинетная система стала чуть не самой выдающейся чертой, по крайней мере в тех странах, где земледелие старается наиболее использовать свои научные основы».

К. А. Тимирязев. Наука и земледелец (1905). Сочинения. Т. 3. М., Сельхозгиз, 1937, стр. 20.

«...По предложению и плану Д. И. Менделеева Вольным экономическим обществом была организована система опытных полей — несомненно, первая когда-либо осуществленная в России. Таких полей одновременно было устроено четыре (в Петербургской, Московской, Смоленской и Симбирской губ.). Наблюдателями в последних двух были — мой добрый товарищ Г. Г. Густавсон и я, и это участие, несомненно, имело влияние на нашу преподавательскую деятельность, когда судьба снова свела нас в Петровской академии. Достоинно изумления, что это начинание нашего знаменитого ученого не нашло поддержки и подражания, да и сам он, к сожалению, перешел к другим экономическим задачам, по своему значению и направлению едва ли одинаково важным для нашей страны»².

К. А. Тимирязев. Земледелие и физиология растений. Сочинения. Т. 3. М., Сельхозгиз, 1937, стр. 372.

«...Любопытно, однако, что сам Д. И. Менделеев протестовал против этого * вывода, делаемого из его периодического закона. Живо помню, как однажды, после очень оживленного заседания в Физическом обществе, мы втроем — Дмитрий Иванович, Столетов и я — до поздней ночи проспорили об этом вопросе, занимавшем тогда всех благодаря появившейся брошюре Крукса. Истошив все свои возражения, Дмитрий Иванович с тем обычным для него перескакиванием голоса с густых басов на чуть не дискантовые нотки, которое для всех его знавших указывало, что он начинает горячиться, пустил в ход такой, в буквальном смысле «argumentum ad hominem» (т. е. аргумент, рассчитанный на данное лицо.— *Ред.*): «Александр Григорьевич! Климентий Аркадьевич! Помилосердитесь! Ведь вы же сознаете свою личность. Предоставьте же и Кобальту и Никелю сохранить свою личность!». Мы переглянулись, и разговор быстро перешел на другую тему. Очевидно, для Дмитрия Ивановича это уже была «une vérité de sentiment» («правда чувств». — *Ред.*), как говорят французы. А между тем помнится, что в начале шестидесятых годов на лекциях теоретической химии он относился вполне сочувственно к гипотезе Праута и как бы сожалел, что более точные цифры Стаса принуждают от нее отказаться³».

К. А. Тимирязев. Сезон научных съездов (1911 г.)
Сочинения. Т. 8. М., Сельхозгиз, 1939, стр. 243.

А. А. Иностранцев

«...Д. И. Менделеев объявил для чтения особый курс «О горении вообще и о топливе в особенности», на который я явился одним из постоянных посетителей этих лекций, записывающим до деталей почти все слова лектора, а по вечерам составлял для них и записки. Первоначально свои лекции Д. И. Менделеев читал крайне нудно, постоянно растягивал слова, запинаясь и сопровождая все это положительным нытьем¹.

* Речь идет об использовании периодического закона как одного из аргументов в пользу сложности элементов. — *Сост.*

Но стоило только несколько освоиться с самим характером изложения, чтобы в этих лекциях усмотреть громадный интерес к излагаемому предмету — настолько полно было их содержание. Этим лекций было немного, но для меня они остались незабываемыми.

Вскоре после этого Д. И. Менделеев стал читать нам о способе количественного определения при помощи титрования. Для этой цели ему было отведено две комнаты во втором этаже университета, а в лаборанты к себе он пригласил Г. Г. Густавсона, впоследствии довольно известного профессора химии в Петровско-Разумовской академии. Этому последнему, в свою очередь, впервые пришлось знакомиться с этим в то время новым способом. В числе работающих нас было много, и в конце концов остались Густавсон и я; с этого времени и началось наше взаимное и продолжительное знакомство.

Д. И. Менделеев в это время читал частные лекции известному богачу П. П. Демидову², кончавшему курс по камеральному факультету. Демидов в одном из подвальных помещений отвед две комнаты, отделав их самым тщательным способом. Первая комната при входе была весовая, где стояли прекрасные химические весы, шкафы для приборов и книг, конторка и т. п. Во второй комнате, где все стены были выложены изразцами, пол сделан из асфальта. Столы и полки для реактивов были покрыты толстым зеркальным стеклом.

Одно было неудобно — это темнота подвального помещения, а потому приходилось все время работать при газовом освещении. Лаборантом здесь у Д. И. Менделеева был Алексеев, который вскоре, по защите магистерской диссертации, был выбран доцентом в Университет Св. Владимира, куда и уехал. Менделеев обратился ко мне с предложением быть у него лаборантом в лаборатории Демидова. Не знаю, пригляделся ли он ко мне во время слушания и записывания его лекций по «горению», или по некоторому знакомству в лаборатории для титрования, но думаю, что это предложение не обошлось без рекомендации Менделееву меня со стороны Воскресенского и Пузыревского.

Я, конечно, с благодарностью согласился, но это назначение меня лаборантом встретило некоторое препятствие.

Дядя мой, С. М. Добровольский, был когда-то репетитором П. П. Демидова по юридическим наукам и последний до такой степени привык и полюбил дядю, что в конце концов уговорил его бросить преподавание в военных училищах и принять у Демидова место главного управляющего. Дядя уже выслужил казенную пенсию, а здесь открывалась широкая деятельность, превосходно оплачиваемая. Он согласился. Вот когда Менделеев представил меня на замещение Алексеева, дядя уже был главноуправляющим, а он принадлежал к разряду людей, противоположных Фамусову, и «порадеть родному человеку» он не согласился. Но кто знал Д. И. Менделеева, кто знал, с каким упорством он отстаивал свои желания, тот поймет, что дяде бороться было невозможно. Менделеев отправился к Демидову и рассказал о нашем родстве и о сопротивлении дяди. Демидов, кажется единственный раз, пошел против дяди и сам назначил меня лаборантом.

Обязанности мои заключались в приготовлении приборов для опытов Менделеева, а равно и в добыче некоторых химически чистых реактивов, даже органических, а позднее к ним присоединились количественные анализы присылаемых из Тагила разнообразных руд. Лекции Демидову скоро были прекращены, и я остался только при исполнении двух последних обязанностей, да личного усовершенствования в химии.

...Был докторский диспут Д. И. Менделеева³. Оппонентами ему были А. А. Воскресенский и Н. Н. Соколов. Диспут был необыкновенно оживленный и собрал очень много народу и почти всех химиков Петербурга. Особенную энергию в нападении и отчасти злость и иронию выказал Н. Н. Соколов. Д. И. Менделеев с непонятным для нас хладнокровием почти каждое нападение отпарировал ясно и просто. Так что его ответы возбуждали общие симпатии и из этого диспута можно было сделать заключение, что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева. Не так отнеслись после провозглашения Менделеева доктором публика и студенты, устроив ему форменную овацию. Студенты задолго до его великих открытий оценили Д. И. как выдающегося ученого. Что Н. Н. Соколов не оценил и невзлюбил Д. И. Менделеева, вскоре как бы оправдалось, так как только что последний был выбран в профессора, то Н. Н. Соколов перевелся профессором в Одесский университет.

...Расскажу еще об одной экспертизе и главным образом потому, что мне в ней пришлось принять участие совместно с незабвенным нашим знаменитым химиком Д. И. Менделеевым. Дело было так: как-то, когда я был у себя в геологическом кабинете, приходит ко мне служитель от Д. И. и приносит от него записку в сопровождении нескольких образцов руд. В этой записке Д. И. просил меня сообщить, будут ли присланные образцы шпатовым железняком или нет? Сделав сейчас же пробу, я убедился, что присланные образцы — сферосидерит, и сейчас же написал ответ. Через полчаса пришел ко мне в кабинет Д. И. и привел с собой г. Анциферова, которого и рекомендовал мне как владельца этой руды и прибавил, что г. Анциферов обещал пожертвовать значительную сумму денег Русскому физико-химическому обществу, если последнее признает его находку важною для промышленности.

На одном из ближайших заседаний Русского физико-химического общества, в присутствии г. Анциферова, Д. И. сообщил об этой находке и об обещании, а присутствующие химики быстро разобрали образцы руды для подробного анализа, при этом был поднят вопрос просить Д. И. совместно с геологом осмотреть это рудное месторождение. В качестве эксперта-геолога Общество просило меня принять в этой поездке участие и сделать это, если возможно, скорее. Это заседание было в конце ноября или начале декабря, хорошо не помню; но помню, что Анциферов заявил, что в этом году в Орловской губернии зима бесснежная и что осмотр оврагов и балок вполне возможен, и что он поставит много рабочих для их очистки. Так как наступали рождественские каникулы и мы были более или менее свободны, то и решили с Д. И. предпринять поездку в Зиновьево, имение Анциферова. Этот последний на другой день заседания уехал к себе, чтобы нанять рабочих на случай выпадения снега и вообще для нашего приезда.

Не буду останавливаться на подробностях поездки⁴, сообщу только о том, что уже на железной дороге Д. И. стал значительно оживленнее и много веселее, чем обыкновенно. Мы почти всю дорогу разговаривали и совершенно незаметно ее проехали. По-видимому, отрешение от обыденной жизни с ее заботами покинуло Д. И., и он был совершенно другим человеком, чем в Петербурге. От

г. Орла нам был приготовлен легкий крылатый возок, запряженный четверкой лошадей. Ехать пришлось почти сплошь по гололедице. Один раз наш возок опрокинулся, но все обошлось смехом и других последствий не было. Подъезжая под вечер к Зиновьеву, мы еще издали увидели над ним как бы зарево — это оказалось, что рабочие Анциферова, собранные из соседних деревень в количестве до сотни, разложили костры для согревания.

Сам Анциферов встретил нас в усадьбе и накормил, хотя и поздним, но прекрасным обедом, после которого мы довольно скоро разошлись на ночлег. Мне была отведена комната рядом с комнатой Д. И. и, по обоюдному согласию имея мало времени для осмотра, мы сговорились встать в 6 ч. утра и начать экскурсию. Я просил Анциферова к этому времени приготовить легкие пошевни* в одну лошадь, рассчитывая в них осмотреть два оврага, на дне которых был снег. В 6 ч. утра меня разбудили и был подан самовар; заварив чай, я стал будить Д. И., но, несмотря на все мои старания, он оставался глухим. Отвечал мне «сейчас, сейчас», но затем поворачивался на другой бок и засыпал. Провозившись с этим процессом до 7 часов утра, я решил выехать один из Зиновьева по Добровинскому оврагу, где, по рассказам, лучше всего в его склонах, было обнаружено залегание руды. Осмотр этого оврага продолжался до 12 ч. дня, когда я выехал к Дубровинскому погосту. Холодный и голодный, я приказал себя везти к местному священнику, с которым и познакомился, а к его супруге обратился с просьбой меня накормить, что она любезно и исполнила. Назад я возвратился по другому оврагу, где также была обнаружена руда. Это возвращение продолжалось до сумерек, и около 6—7 ч. вечера я приехал в Зиновьево. Под конец последней поездки пошел снег, и когда я вошел в переднюю, довольно шумливо отряхиваясь, из комнаты быстро выскочил Анциферов, замахал руками и просил не шуметь, так как Д. И. еще спит и что он не вставал с моего отъезда, т. е. проспал около 20 часов.

Я знал, что Д. И. иногда целые ночи проводит за чтением или писанием, а когда чем-нибудь особенно увле-

* *Пошевни* — широкие сани, розвальни. — *Сост.*

чен, то не спит подряд и несколько ночей, знал, что он после этого, тут же, в рабочем кабинете, не раздеваясь, свалится на диван и спит чуть ли не целые сутки. В рабочий кабинет Д. И. был прямой ход из лаборатории, а мне, как секретарю факультета, неоднократно надо было повидать Д. И. и с ним поговорить. В период засыпания Д. И. охранял особый служитель, состоящий при Д. И., который в обыкновенное благодушное настроение профессора назывался Алексей Петрович, но когда профессор был не в духе, то просто Алешка. Заявление Анциферова меня несколько не удивило, и я с таким же шумом вошел и в комнату, где спал Д. И., так как раздался его оклик: «Где спички и кто шумит?! На мой ответ, что это я возвратился с экскурсии, Д. И. был очень сам удивлен продолжительностью своего сна и стал мне выговаривать довольно раздраженно, отчего я не разбудил его. Здесь вмешался Анциферов, и дело уладилось. Оказалось, что нас ожидали с обедом, за которым я и рассказал Д. И., что я видел и что завтра я покажу и Д. И. то, что было достойно осмотра. Имея очень мало времени и стремясь попасть домой к встрече Нового года в своем семействе, мы каждый день осматривали ближайшие окрестности Зиновьева, а по вечерам Д. И. обыкновенно заводил речь о практическом применении этой руды и об экономическом положении края, а в особенности о топливе.

Окончив осмотр этих месторождений, мы дня за три-четыре до наступления Нового года решили возвратиться домой. Нам подали тот же возок, опять с четверкой лошадей, и мы рассчитывали приехать в Орел часа за два — за три до прихода скорого поезда. Так как почти все время господствовал сильный ветер, сдувавший выпавший снег, то на дороге гололедица была еще более значительная. Тем не менее мы ехали без приключений, хотя и опоздали на целый час на скорый поезд. Было досадно, но делать было нечего, а надо было ждать до раннего утра другого, более тихого поезда. Поужинав в буфете, мы с Д. И. расположились в комнате 1-го класса на короткий ночлег. Д. И. скоро заснул; мне что-то не спалось, и только что я задремал, как услышал на станции сильный шум; люди бегали, хлопая дверями; раздавались многочисленные голоса и т. д. Я встал, чтобы узнать, что такое, и узнал, что скорый поезд, на который мы опоздали, через две станции от г. Орла потерпел

сильное крушение. Было много убитых и раненых и что отправлен уже санитарный поезд с рабочими для очистки пути. Проснулся от этого шума и Д. И., которому я сообщил об этом известии и радости, что хоть мы избежали подобной участи.

Наш поезд в силу крушения также был задержан часов на пять, и когда проезжали мимо места крушения очень медленно, так как путь еще не был вполне очищен, то увидели действительно страшную картину. Некоторые из вагонов были поставлены почти вертикально полуразбитые, другие лежали на боку, и в одном месте видно было тело человека, сплющенного между двумя вагонами. Наиболее пострадали вагоны 1-го и 2-го класса. Сама судьба в виде гололедицы нам покровительствовала и спасла для России самого знаменитого химика, которому в силу этого со временем представилась возможность создать для науки еще целый ряд крупнейших научных открытий. Почти накануне Нового года мы были уже в своих семьях.

...Как-то я зашел в Д. И. Менделееву по какому-то делу и застал его в превосходном настроении духа; он даже шутил, что было крайнею редкостью. Это было вскоре после его знаменитого открытия закона периодичности элементов. Я, воспользовавшись этим благодушным настроением Д. И., обратился к нему с вопросом, что натолкнуло его на знаменитое открытие. На это он сообщил, что уже давно подозревал известную связь элементов между собою и что много и долго думал об этом. В течение последних месяцев Д. И. перепортил массу бумаги с целью отыскания в виде таблицы эту законность, но ничего не удавалось. В последнее время он усиленно снова занялся этим вопросом и, по его рассказу, был даже близок к этому, но окончательно все-таки ничего не выходило. Перед самым открытием закона Д. И. провозился над искомою таблицею целую ночь до утра, но и все же ничего не вышло; он с досады бросил работу и, томимый желанием выспаться, тут же, в рабочем кабинете, не раздеваясь, повалился на диван и крепко заснул. Во сне он увидел вполне ясно ту таблицу, которая позднее была напечатана. Даже во сне радость его была настолько сильна, что он сейчас же проснулся и быстро набросал эту таблицу на первом клочке бумаги, валявшемся у него на конторке. Я это сообщение

Д. И. привожу здесь потому, что вижу в нем один из превосходнейших примеров психологического воздействия усиленной работы на ум человека⁵».

А. А. Иностранцев. Воспоминания. (Рукопись).
Архив Музея истории Ленинградского государственного университета. Фонд истории факультетов и кафедр, док. 344.

В. Е. Тищенко

«...Первая лекция, которую мне пришлось слушать в университете, была лекция по химии. И вот, если не ошибаюсь, 9 сентября 1879 г., т. е. 57 лет назад, я в первый раз увидел и услышал Дмитрия Ивановича Менделеева. Все было для нас, первокурсников, непривычно: и лекционный способ преподавания, и обстановка лекций с демонстрацией многочисленных опытов, и наука, о которой мы имели самое смутное представление, и так непохожий на наших гимнастических учителей профессор Менделеев, на которого мы смотрели с глубочайшим уважением.

Менделеев не был оратором в обычном смысле слова. Про него кто-то сказал, что он говорит, точно камни ворочает, и это сравнение было, пожалуй, удачное. Интонация его голоса постоянно менялась: то он говорил на высоких теноровых нотах, то низким баритоном, то скороговоркой, точно мелкие камешки с горы катятся, то остановится, тянет, подыскивает для своей мысли образное выражение, и всегда подыщет такое, что в двух-трех словах ясно выразит то, что хотел сказать. Мы скоро привыкли к этому оригинальному способу изложения, который гармонировал и с оригинальным обликом Менделеева и вместе с тем помогал усвоению того, что он говорил. Когда он замедлял речь, подыскивая подходящее слово, и наша мысль работала в том же направлении, лектор увлекал слушателей. И по содержанию лекции Менделеева были оригинальны: они оживлялись частыми отступлениями в области других наук — физики, астрономии, биологии, геологии, в область приложения химии в промышленности, в область истории химии и пр. Менделеев поражал нас обширностью своих знаний, а вместе с тем учил, что для того мы и учимся, чтобы по-

том нести свет знания нашей родине, разрабатывать ее несметные природные богатства, поднимать ее благосостояние и независимость.

Он смело указывал на наши недостатки, на неприглядность классической системы образования, которая дает людей книжных, не приспособленных к жизни, не умеющих самостоятельно взяться ни за какое практически нужное дело.

За этим богатым содержанием не замечались шероховатости изложения. Аудитория Менделеева была переполнена, потому что его слушали студенты не только физико-математического, но и других факультетов.

Я усердно посещал его лекции, записывал их, по вечерам выправлял, справляясь с «Основами химии».

Прошел год, подошли экзамены. Первым по расписанию был поставлен экзамен по химии, самый трудный и, по отзыву наших старших товарищей, самый страшный: выдержать экзамен у Менделеева было нелегко. Как старательно ни готовился я к экзамену, но шел неуверенно и приготовился остаться на второй год, так как переэкзаменовок тогда не разрешалось. Экзаменовали двое: Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров. Менделеев экзаменовал быстро, нервно: посмотрит, что написано на доске, даст несколько вопросов из разных концов курса, чтобы нащупать, насколько сознательно освоен курс, и решительно ставит отметку. Бутлеров вел экзамен спокойно, позволял экзаменуемому подумать, давал наводящие вопросы и т. д., хотя отметки ставил не очень щедро. Уверенные в себе шли к Менделееву, хотя сплошь и рядом ошибались в самооценке, более робкие теснились к Бутлерову. Выходили не по списку, а когда кто хотел.

Мне пришлось экзаменоваться во вторую половину дня. В первую Менделеев многих провалил и нагнал страху. Провалившиеся, как обыкновенно бывает, не поняв или не желая признаться, что были провалены за незнание или непонимание самых элементарных вещей, старались объяснить свою неудачу чрезмерной строгостью экзаменатора и еще больше напугали товарищей. И вот у Бутлерова еще более длинная очередь, а к Менделееву решаются выйти одиночки, да и из них он двоим по двойке поставил. Никто больше не выходит. А мы с Н. Я. Чистовичем сидим на первой скамейке. Д. И. обращается к аудитории и глядит на нас: «Что же больше

никто экзаменоваться не желает?» Пришлось нам выходить: Чистович к одной доске, я к другой. Как сейчас помню: дал он мне вопрос о железе. Я написал все, что знал: и руды, и добывание, и окислы, соли, даже желтую и красную синильные соли и берлинскую лазурь, что у нас считалось большой мудростью. Д. И. взглянул на доску и задал еще два или три вопроса, последний — вычислить формулу белого чугуна, содержащего 5% углерода. Тут я споткнулся в арифметике, но Д. И. меня поправил и поставил 5. Конечно, я был, что называется, на седьмом небе, но не зазнался, так как чувствовал себя в химии далеко не так твердо, как мне хотелось, и потому на II курсе опять ходил слушать Менделеева. Теперь я гораздо лучше понимал и усваивал его лекции и внимательно следил за опытами.

В то время на I курсе практических занятий по химии не было. Проходя такой трудный курс, мы должны были довольствоваться только демонстрацией лекционных опытов. И я от души завидовал ассистенту Менделеева Д. П. Павлову¹: вот счастливец-то, все-то опыты своими руками проделывает. Того, чтобы когда-нибудь занять его место, я даже и вообразить не мог: Д. И. представлялся мне таким великим, недостижимым строителем науки.

На II курсе я слушал Бутлерова, занимался у Меншуткина качественным анализом. В осенний семестр II курса я занимался количественным анализом под руководством Н. Н. Любавина. Мое рабочее место было около двери из лаборатории в квартиру Д. И. Поэтому я его видел каждый день утром, а иногда и вечером, так как засиживался в лаборатории до ее закрытия в 6 час. вечера. На IV курсе и первый год по окончании курса я работал по органической химии у А. М. Бутлерова, которого мы тоже очень любили и уважали. С этого года А. М. перенес свою работу в академическую лабораторию. Мне дали его рабочее место, мимо которого Д. И. проходил в свою лабораторию.

В лаборатории Бутлерова нам, «специалистам-химикам», разрешалось работать, смотря по надобности, хоть до поздней ночи, и мы засиживались до 12 час. ночи и позднее. Проходя в свою лабораторию, Д. И. иногда останавливался в нашей комнате, беседовал с М. Д. Львовым (ассистент Б.) и Бутлеровым, если заставал его в

лаборатории. Помню два разговора, когда Д. И. показался мне более снисходительным к людским слабостям, чем А. М. Бутлеров².

Первый раз А. М. Бутлеров с возмущением сообщил Д. И., что один профессор, вызванный в суд в качестве эксперта по делу о поджоге деревянного дома, написал, что поджог был произведен с помощью раствора фосфора в серной кислоте (а не в сероуглероде). А. М. очень возмущался этим элементарным незнанием, хотел заявить об этом в Химическом обществе, а Д. И. убеждал не делать этого, что просто человек ошибся. Другой раз дело касалось тоже покойного уже профессора, который представил диссертацию на доктора. Диссертация была слабая, ее вернули для дополнений. Но и в исправленном виде она Бутлерова не удовлетворила; он хотел отказать, но Д. И. уговорил допустить, принимая во внимание и другие работы автора.

Запомнился мне еще интересный случай уже другого рода. Это было весной 1884 г. *. Как-то утром Д. И. приходит к нам в бутлеровскую лабораторию с новой книжкой «*Berichte*» в руках, взволнованный, радостный, и говорит, что Кл. Винклер открыл новый элемент германий и помещает его в V гр., потому что он образует сульфосоль. «Только нет, он ошибается, германию место не в V, а в IV группе, это экасилиций. Я сейчас буду писать Винклеру». Как известно, эти слова Д. И. блестяще подтвердились³.

Кроме лекционного ассистента (или, как тогда называли, лаборанта) Д. П. Павлова, у Д. И. был еще личный ассистент В. Е. Павлов⁴. С осени 1884 г. В. Е. получил место доцента по кафедре аналитической химии в Московском высшем техническом училище, а на его место Д. И. пригласил и провел через факультет меня. Таким образом, с конца сентября 1884 г. началась моя служба в его лаборатории. Личным ассистентом я был у Д. И. два года.

За это время я по поручению Д. И. провел две большие работы по исследованию нефти и третью по определению удельных весов гидратов серной кислоты. Сперва Д. И. велел мне приготовить бигидрат, точно отвечаю-

* Здесь допущена ошибка. Описываемое событие имело место весной 1886 г. — *Сост.*

ший формуле $\text{H}_2\text{SO}_4 \cdot \text{H}_2\text{O}$. Не сообразив сразу, я спросил Д. И.: «А как это сделать?». «На то вы и лаборант, чтобы знать, как это сделать», — был его ответ.

Порылся я в литературе, составил план работы. Д. И. одобрил. Когда бигидрат был готов, Д. И. велел мне прийти к 9 час. утра, чтобы заняться определением удельного веса. Мы проработали до шести часов вечера, с небольшим перерывом для завтрака.

Вскоре после этого, как-то среди дня, Д. И. приходит в лабораторию и говорит мне: «Возьмите два больших стакана, отвесьте столько-то грамм (кажется, 500) крепкой серной кислоты и столько-то воды». Отвесил. «Возьмите термометр, лейте воду в кислоту и мешайте». Я и глаза выпучил: как лить воду в кислоту, надо обратно. «Лейте, говорю вам, только скорее». Я смекнул, в чем дело; бухнул воду сразу и быстро размешал. Д. И. взглянул на термометр: « 170° — больше мне ничего не надо». И ушел.

Последняя работа, порученная мне Д. И., была — получение кристаллогидрата спирта. Для этого я запалял в трубочку спирт надлежащего удельного веса, и потом мы с Д. И. морозили его в смеси с твердой CO_2 с ацетоном. В трубочке образовалось несколько блестящих довольно крупных (около 1 кв. мм) кристалликов, которые Д. И. и принял за кристаллогидрат. Д. П. Коновалов спорил, что это просто кристаллы льда, но Д. И. остался при своем мнении.

В ноябре 1886 г. Д. П. Павлов уехал на место профессора в Институт сельского хозяйства в Новую Александрию и Д. И. передал мне его обязанности лекционного ассистента и заведующего хозяйством лаборатории. Вместе с этими обязанностями я получил и квартиру Д. П. Павлова, которая находилась через стенку от лаборатории Д. И., рядом с его кабинетом.

Теперь мне пришлось еще ближе познакомиться с Д. И., так как три раза в неделю бывали лекции, да кроме того, приходилось часто беседовать по делам лаборатории.

Надо признаться, что ассистировать на его лекциях было нелегко не потому, что это требовало много труда, а из-за нервной, беспокойной природы Д. И. На лекциях он нервничал, все боялся, что опыт не удастся, особенно в первый год моего ассистенства, пока не убедился в

моем умении экспериментировать. Когда он замечал, что опыт ведется не так, как он привык, он подходил и шепотом, который был слышен во всей аудитории, делал мне замечания. Я по неопытности успокаивал его, что опыт выйдет, а студентов эти разговоры приводили в веселое настроение, и они иногда смеялись. Один раз после лекции Д. И. мне и говорит: «Привыкните вы, ради бога, на лекции ничего не говорить: ведь это их (т. е. студентов. — В. Т.) развлекает».

После этого я молчал на кафедре как рыба; что бы он мне ни говорил, я делал свое дело, и никаких недоразумений у нас не было, тем более что и неудачи у меня случались крайне редко. В этих случаях Д. И. объяснял студентам причину неудачи и заставлял меня повторить опыт. Этим все и ограничивалось; после лекции выговоров или упреков он не делал, хорошо понимая, что неудача чисто случайна.

В качестве руководства, как производить опыты на лекции, у нас была тетрадь с подробным описанием всех мелочей. Это описание было составлено первым ассистентом Д. И. — Г. А. Шмидтом, которого Д. И. очень ценил, и пополнена Д. П. Павловым. В случае недоразумения, так ли я производил опыт, как нужно, стоило сказать, что так в тетрадке написано, — Д. И. успокаивался.

Другой опорой для меня был мой помощник, старинный служитель, Алексей Петрович Зверев, которого мы звали просто Алеша. Он получил крепкую выучку у Г. А. Шмидта и в точности помнил, какую колбу, реторту, схватку и пр. надо взять для каждого опыта, чтобы поставить его так, как привык Д. И. Все непривычное Д. И. нервировало, портило настроение, нарушало ход мыслей. Я это понимал и не обижался ни на какие, иногда и резкие, замечания.

К лабораторным делам тоже надо было приспособиться. Сперва я пытался спрашивать у Д. И. разрешение на какие-нибудь более крупные траты, на ремонт в лаборатории, но большею частью получал отказ. Потом я стал действовать по собственному усмотрению, и Д. И. только был доволен, что я не занимаю его пустяками. А один раз он сам мне говорит: «Если вам что-нибудь понадобится делать, никогда не просите разрешения потому что тот, у кого вы просите, сейчас подумает:

«А, если он просит разрешения, значит, не уверен, что действует правильно, — и, конечно, откажет».

К лекциям Д. И. в эти годы уже не готовился, но ассистентам вменялось в обязанность отмечать, на чем он в последнюю лекцию остановился. Он читал обычно два часа подряд с перерывом не более 15, а под конец года 10 мин., чтобы непременно полностью закончить курс. Так как он долго засиживался за работой по ночам и мог проспать, то в те дни, когда лекции начинались с 9 час., наказывал Алеше будить его в 9 час. 5 мин., если сам не придет, и тогда, еле умывшись, одеваясь на ходу, быстро поднимался по лестнице, также на ходу спрашивал меня: «На чем остановился?» и, выйдя на кафедру, обычным тоном начинал лекцию.

Однако не надо думать, что ему это чтение легко давалось. Он говорил, что читать лекции — самое трудное дело. Оно требовало сильного умственного напряжения и в связи с духотой переполненной аудитории сильно утомляло. Усталый, потный он выходил из аудитории. Чтобы не простудиться на холодной лестнице по дороге в свою квартиру, он надевал осеннее пальто, которое ему приносил Алеша, и с полчаса, а иногда и более сидел в препаровочной, покуривая папиросы, которые тут же крутил, и благодушно разговаривал.

Темы этих разговоров были самые разнообразные: новости химической науки, воспоминания старины, наши университетские и лабораторные дела, ученые диспуты, магистерские экзамены, работы нашей лаборатории и т. д., вплоть до домашних дел.

В эти годы в химическом мире животрепещущей темой была теория электролитической диссоциации, с которой Д. И. не мог примириться. Он не допускал того, что натрий может быть в воде и не действовать на воду. Он говорил, что состояние молекул соли в растворе, через который идет ток, в котором они располагаются в определенном порядке, нельзя приравнивать к состоянию их в растворе без тока, где они толкутся в полном беспорядке: «Это все равно, как если бы меня взять да вот так прилизать или вот этак растрепать. Ведь ничего похожего».

Органической химией Д. И. в то время мало интересовался, и его не удовлетворяла теория строения. Буллеров принимал ее как схему, выражающую отношение

атомов в молекуле, а Д. И. считал, что надо говорить не о схеме, а о реальном расположении атомов в пространстве. Он считал, что ньютоновскому закону тяготения подчинен также и мир атомов и молекул, почему не мог допустить того, чтобы легкий атом углерода мог удерживать четыре тяжелых атома хлора, брома или иода. Он не считал правильными структурные формулы, изображаемые на плоскости, потому что в действительности атомы должны быть расположены в пространстве. Поэтому он приветствовал стереохимию. Возвратившись из Англии со съезда Британской ассоциации, он с оживлением рассказывал о том, какой интересный доклад о стереохимии этиленовых углеводородов сделал Иог. Вислиценус в развитие идей Лебеля и Вант-Гоффа.

Из прошлого Д. И. любил вспоминать знаменитый конгресс в Карлсруэ, на котором он присутствовал и где были твердо установлены основные химические понятия об атоме и молекуле. Охотно вспоминал свое первое пребывание за границей в 1859—1860 гг., когда он работал в Гейдельберге, бывал в Париже и путешествовал по Европе. Вспоминал с большим уважением известного французского химика, академика Ж. Б. Дюма⁵; очень тепло отзывался о Вюрце⁶, в лаборатории которого некоторое время работал Бутлеров, а позднее Н. А. Меншуткин и А. М. Зайцев; он высоко ценил и Бертло⁷, хотя не одобрял его за то, что он долго не принимал новых атомных весов, принятых в Карлсруэ. Из англичан его друзьями были Роско, Франкланд, Дьюар, Рамзай⁸. С большим уважением он относился к Канницаро. Из немцев с таким же уважением говорил о Бунзене, переписывался с Кл. Винклером. Другом его молодости по Гейдельбергу был профессор Э. Эрленмейер. Про него Д. И. рассказывал мне один интересный эпизод.

В Гейдельберге во время какого-то съезда был устроен маскированный вечер, где дамы были в черных масках и, как говорили в старину, «интриговали» кавалеров. Дмитрию Ивановичу приглянулась одна стройная особа. Он предложил ей руку и в интересном разговоре с ней провел вечер. Наконец попросил снять маску, и оказалось, что это не дама, а Эрленмейер. Вспоминая это, Д. И. от души хохотал: «Как он меня заинтриговал!»

Из более молодого поколения Дмитрий Иванович был в дружеской переписке с Б. Ф. Браунером⁹, пражским

профессором, и очень любил Вант-Гоффа, о котором говорил: «Милый Вант-Гофф».

В эти же годы начался разговор о постройке новой лаборатории. Д. И. подал об этом записку в совет университета, потом она пошла в министерство, но денег на постройку лаборатории не ассигновали. Желая утешить нас, Д. И. говорил, что не в новых стенах дело: «Вот Мариньяк, когда работал в подвале, какие отличные работы делал, а выстроили ему дворец — и работать перестал».

Более близкие нам свои университетские темы касались нашего Хим. общ., докладов, сделанных на заседаниях, магистерских и докторских диспутов, которые у нас бывали довольно часто, работ молодых химиков и пр.

В 1888 г. я начал готовиться к магистерскому экзамену и так же, как мои товарищи, находился в затруднении, что именно и в каких размерах проходить к экзамену, так как никакой программы нам не давали. В подходящий момент после лекции я спросил Д. И., что нужно к экзамену, в каком объеме требуется знание новейшей литературы, которая так быстро растет. Он мне ответил: «На то вы и магистрант, чтобы понимать, что нужно и что не нужно». А потом, немного подумав, прибавил: «Для магистерского экзамена нужно то же, что для студенческого — кандидатского, только вот с какой разницей. Если, например, студента спросят о гликолях, то ему достаточно ответить, что представляют из себя гликоли, каковы их свойства и реакции, а магистрант должен еще прибавить: «как, зачем, почему, когда». Подробнее он не объяснял, предоставив мне самому разобраться в смысле этих четырех слов.

Вообще Д. И. не любил многословия, любил быстрые, краткие и четкие ответы.

Разговоры на бытовые темы бывали самые житейские, вплоть до блинов на масленице, о которых он говорил: «Люблю я их, проклятых, хоть они мне и вредны». Надо сказать, что в еде и питье Д. И. был очень умерен.

Из этих послелекционных разговоров я узнал от Д. И. и такие сведения, о которых никогда не решился бы и спросить. Например, в обществе, а особенно между студентами было распространено мнение, что Д. И. загребает огромные деньги, что он подделывает вина

бр. Елесеевым, что получил огромные деньги от нефтяника В. И. Рагозина.

На самом деле это было совсем не так. С Елисеевым он даже знаком не был и вин никому никогда не подделывал. У Рагозина действительно работал. Но за работу с 15 мая по 15 сентября на Константиновском заводе, включая сюда и поездку за границу для изучения производства вазелина (себонафта), получил всего 3000 руб. Это Менделеев-то, с его мировой известностью! А когда Рагозин, не имея достаточных капиталов, стал звать Д. И. в очень крупное предприятие, Д. И. наотрез отказался. И на этом деле Рагозин скоро обанкротился.

Вообще Д. И. избегал ввязываться в промышленные дела, чтобы оставаться вполне свободным и беспристрастным в своих суждениях и действиях. Больших денег он тоже избегал: «Много дадут и много требуют». Расходы у него были большие (на две семьи), а доходы, кроме казенного жалованья и пенсии, — только литературный труд, главным образом «Основы химии».

Интересно рядом с этим указать, как оплачивались в то время известные английские химики. Это тоже рассказывал мне Д. И.

В одну из поездок его в Англию, на товарищеском обеде профессор Роско спросил Д. И., сколько жалованья он получает в России. Д. И. хотел уклониться от ответа, а Франкланд, который сидел рядом, и говорит: «Скажите ему, но с тем, что он сам скажет, сколько он получает. Этого мы не знаем, а нам очень интересно». Оказалось, что Роско получал в общей сложности 30 тыс. фунтов (300 тыс. рублей) в год. «А вот Дьюар, который, вероятно, немного старше вас, — прибавил Д. И., — получал 7 тыс. фунтов (70 000 рублей)». У нас же в то время профессор, выслуживший 35 лет, получал 3 000 руб. пенсии и 1 200 руб. добавочных, если читал лекции.

То, что Д. И. считал нужным и правильным, он проводил упорно, настойчиво, можно сказать, не жалея самого себя. Он писал обстоятельные докладные записки министрам и даже царям, добивался приемов у министров, чтобы лично убеждать их... Не всегда, конечно, ему удавалось добиться успеха, иногда приходилось терпеть неудачи, уколы самолюбия, но это его не останавливало. Помню один из таких случаев, который оставил у меня очень неприятное впечатление.

Это было в 1886 г., в год тяжелого нефтяного кризиса, когда цена на нефть на промыслах упала до 4 коп. за пуд. Базируясь на том, что грозит быстрое истощение бакинской нефти и что нужно более бережное ее расходование, крупные нефтепромышленники, с Нобелем и Рагозиным во главе, возбудили перед правительством вопрос о необходимости правительственного налога на сырую нефть в размере 15 коп. с пуда нефти. Введение налога грозило повышением цен на нефтепродукты, а главным образом было направлено к тому, чтобы убить конкуренцию мелких промышленников.

Для обсуждения этого предложения была образована при министерстве гос. имуществ комиссия из представителей нефтепромышленности и специалистов от Горного департамента. Д. И. вошел в состав комиссии как представитель от министерства гос. имуществ. Заседания происходили каждую неделю в течение марта. На эти заседания Д. И. брал меня с собой, чтобы я записывал содержание прений и, не дожидаясь стенограммы, передавал ему на случай, если к следующему заседанию понадобится написать возражение.

Нобель и Рагозин представили обширные доклады, защищая налог. Д. И. считал, что мнение о скором истощении нефти на Апшеронском полуострове неправильно, и был противником налога. Чтобы доказать вред налога, он составил алгебраическую формулу, в которой буквами обозначил цены нефти, рабочих рук, транспорта и пр., из которых слагается цена готового продукта (керосина и мазута), и старался показать, что, как бы ни менялись условия производства, введение налога невыгодно отразится на дальнейшем развитии промышленности и на потребителях. Он доказывал, что спасение от кризиса не в налоге, а в более полной и рациональной переработке нефти, как ценного химического сырья, и в постройке нефтепровода из Баку в Батум, чтобы дать выход нашей нефти на мировой рынок.

Доклад вышел несколько длинен и, видимо, утомил слушателей. Этим ловко воспользовался Рагозин. Он начал едко нападать и высмеивать Менделеева. Д. И. не выдержал и сделал замечание. Тогда Рагозин обратился к нему и резким, вызывающим тоном, отчеканивая каждое слово, говорит: «Когда вы о своих альфа да фи говорили, я молчал, так дайте же мне теперь о нефтяном

деле говорить». Д. И. смолчал. Закончил Рагозин свое возражение так: «Нам все говорят: ничего вы не понимаете, ничего не умеете. Да мы не о тех будущих знатоках говорим, которые пишут на бумаге, мы о себе, дураках, говорим. Ведь если мы к каждому аппарату по профессору поставим, так этого никакая промышленность не выдержит.

Я ждал, что Д. И. вспылит и отчитает Рагозина. Но он промолчал, видно, нашла коса на камень. На другой день он объяснил свое молчание. «Ведь он мой характер знает и нарочно дразнил, чтобы я глупостей наговорил. А я это понял».

Это был единственный на моей памяти случай, когда Д. И. уступил. Обычно он в спорах был очень упорен, беспощаден к противнику. «Если меня заденут, я спуску не дам». На диспутах он был грозой для диспутантов, особенно если диспутант уклонялся от прямого ответа.

Д. И. умел и похвалить диспутанта, а иногда и сильно раскритиковать. Его выступления на диспутах привлекали особое внимание присутствующих. Из многих диспутов, на которых мне пришлось быть, один крепко засел у меня в памяти.

Диссертация была слабая. Докторант (давно уже умерший профессор), сделавший позднее не одну хорошую работу, вынужден был представить ее по мотивам служебного порядка. А. М. Бутлеров и Н. А. Меншуткин хотели ее отклонить, но Д. И. Менделеев уговорил их этого не делать. Накануне диспута докторант приехал в Петербург и зашел к нам в лабораторию поговорить с А. М. Бутлеровым о предстоящем диспуте. А. М. сказал ему: «Пропустить-то пропустим, но пощиплем». И пощипали!

Первым оппонировал А. М. Бутлеров. Он указал на некоторые положительные стороны, но и на ряд крупных недостатков работы; однако сделал это с присущей ему деликатностью, стараясь не очень задеть самолюбия диспутанта. Н. А. Меншуткин отнесся суровее, вспомнив, что с той же кафедры диспутант защитил хорошую магистерскую диссертацию и что от него ждали новых серьезных работ.

Наконец выступил Д. И. Менделеев. Он начал с того, что «диссертации пишутся двояко: одни по практическим соображениям, потому что надо получить ученую сте-

пень... Я, конечно, не говорю, что ваша диссертация для этого представлена... Другие являются результатом задуманной работы. Один берет тему, какую попало, лишь бы диссертация вышла. Другой задается определенной идеей, начинает с маленькой работы, которая постепенно развивается и в конце концов сама выливается в ученую диссертацию. Или, буду говорить образно, один идет по темному лабиринту ощупью; может быть, на что-нибудь полезное наткнется, а может быть, лоб разобьет. Другой возьмет хоть маленький фонарик и светит себе в темноте. И по мере того как он идет, его фонарь разгорается все ярче и ярче, превращается в электрическое солнце, которое ему все кругом освещает, все разъясняет. Так я вас и спрашиваю: где ваш фонарь? Я его не вижу!»¹⁰.

От этого образного сравнения жутко было за диспутанта.

В среде студенчества Д. И. пользовался огромным уважением и популярностью. Но эта популярность приносила Д. И. тяжелые минуты. К нему студенты обращались за помощью во время политических или академических выступлений, прося передать высшему начальству их пожелания, «петиции».

Последняя из этих петиций была причиной его ухода из университета. Не буду говорить здесь об этом печальном событии, так как оно уже опубликовано мною в свое время в некрологе¹¹.

Дочитав свой последний курс, Д. И. заперся дома, никуда не выходил, никого не принимал. Потом стали ходить слухи, что он начал ездить к министрам. Все были очень заинтересованы, что он затевает? На третий день пасхи вечером он зовет меня к себе. Застаю его на обычном месте, на диване перед маленьким столиком, на котором он обыкновенно писал. По другую сторону столика сидит художник И. И. Шишкин. На столике лист бумаги, вкривь и вкось исписанный отдельными словами.

Д. И. встретил меня очень радушно, познакомил с И. И. Шишкиным и говорит: «Задумал издавать большую газету. А вас, конечно, в редакцию». Я увидел, что он в таком хорошем настроении, и отказываться не стал.

«Вот мы с И. И. придумываем, какое название дать газете. Хотел назвать «Русь», да ее уже Аксаков издавал; хорошее название «Основа», как «Основы химии»,

оказалось тоже была. «Порядок» — Стасюлевич издавал. Придумал назвать «Родина», а вот И. И. вспомнил, что газету «Родина» начал издавать, кажется Авсеенко, да Буренин (фельетонист) «Нового времени» перекрестил ее в «Уродину» и провалил. Теперь придумал «Подъем», это еще не было».

Вот ради разрешения на издание газеты он и ездил по министрам. Однако Делянов и тут ему помешал, соглашался дать разрешение на издание не литературно-политической, а только промышленной газеты и то с предварительной цензурой.

После пасхи Д. И. как-то раз зашел в лабораторию. Был в хорошем настроении, сел поговорить. Я спросил о газете. «Деляныч не разрешил. Да я и рад. Это дело не по мне: ведь это ни днем, ни ночью покоя не было бы».

Спустя несколько дней ко мне пришел профессор минного офицерского класса в Кронштадте Иван Михайлович Чельцов, специалист по взрывчатым веществам, и рассказывает, что морской министр поручил ему организовать в Петербурге лабораторию по исследованию порохов и взрывчатых веществ, имея в виду главным образом разработку бездымного пороха, на который в то время переходили все государства Европы. Ввиду важности этого дела министр предложил И. М. Чельцову привлечь к нему в качестве консультанта кого-нибудь из видных химиков. Кого выбрать, об этом Чельцов и пришел посоветоваться. Ему хотелось иметь такого консультанта, который мог бы выступать в высших сферах. Имена, которые он называл, показались мне не подходящими. Тогда я ему посоветовал:

«Просите Дмитрия Ивановича». — «А вы думаете, он пойдет?» — «Попытайтесь».

Чельцов тотчас пошел к Д. И. и скоро возвратился сияющий: «Согласился».

А Дмитрий Иванович не только согласился, но сейчас же с обычным своим увлечением принялся за дело. Он с утра до вечера работал в лаборатории, изучая процесс нитрации на разнообразных материалах. Брал хлопок (гигроскопическую вату), «концы» с текстильных фабрик, льняные ткани и пр. Несмотря на то, что он пользовался самыми примитивными средствами — термометром, ареометром, несколькими стаканами для нитрации, несколькими фотографическими кюветками

для промывки да лакмусовой бумажкою, он удивительно быстро ориентировался в деле нитрации и определил, что устойчивая нитрация идет до определенного предела, а дальше происходит разнитровывание при промывке. Это послужило началом обширных работ целой лаборатории, которые закончились выработкой типа бездымного пороха, пригодного для всякого рода оружия¹².

Летом 1890 г. Д. И. выехал из университета на частную квартиру (угол Кадетской лин. и Среднего пр., д. Лингена.) Теперь я встречал его только в Химическом обществе, да изредка заходил навестить не надолго, чтобы не отнимать у него драгоценного времени. И здесь, и в Главной палате мер и весов, куда он позднее переехал, его кабинет был рядом с прихожей, и дверь приоткрыта. Услышав, что кто-то пришел, он громко спрашивал: кто там? Неопытный посетитель отвечал: «Это я, Д. И.» — «Ну, я знаю, что «я», да кто вы?»

Надо было сразу назвать фамилию. Д. И. встречал очень радушно, угощал своими папиросами (не любил запаха чужого табака), расспрашивал об университетских новостях, Химическом обществе, сам рассказывал много интересного. Время летело незаметно. Посмотришь на часы — уже 12. Скорее домой. А у Д. И. еще корректура, которую надо утром отослать.

Нас, своих товарищей по университетской лаборатории, Д. И. встречал, как своих близких, старался поддерживать в трудные периоды жизни, которые у всякого бывают. Был такой период и у меня. По разным причинам у меня очень затянулось дело с получением степени магистра, и это мешало моему движению вперед по ученой дороге. Мало-помалу я стал приходить к сознанию, что надо мне менять ученое поприще на другое, более доступное и материально обеспеченное. Об этих соображениях как-то при случае я сообщил И. М. Чельцову, с которым мы были друзья. Вскоре после этого я зашел к Д. И. В разговоре он меня очень осторожно спрашивает: «Скажите, пожалуйста, вот мне И. М. говорил, что вы хотите, так сказать, свое амплуа переменить? Правда это?» — «Да, я ему об этом говорил». — «Что ж, вы это благоразумно придумали... не потому, что вам не добиться профессуры, а потому, что это возьмет у вас очень много сил и не окупится результатом. Ведь это пре-

жде, когда я выступал, жалованье профессора в 3000 руб. так обеспечивало, что я мог даже лакея держать — вот Алешу взял. А теперь разве это так обеспечивает? Если бы я был министром, да мне предложили бы сказать, сколько надо дать профессору, я бы сказал: не менее 10000 руб. Посторонние заработки, литературные или консультацию, теперь тоже достать гораздо труднее. На литературные — народу много народилось, а в консультации профессора надобности гораздо меньше. Прежде профессор с общей подготовкой мог быть везде ценным советчиком, а теперь на любом хорошем заводе есть такие специалисты, что и профессора за пояс заткнут».

«А общественное значение профессоров? Прежде к их мнениям прислушивались, а теперь кто на них обращает внимание? Вам, конечно, торопиться некуда, подходящее место найдется — да хоть у нас в палате. А если от науки оторваться не хотите, то ведь наукой заниматься можно везде. Наука — это такая любовница, которая вас везде обнимет, — только сами-то вы ее от себя не оттолкните».

Эти мысли он развивал и далее, а под конец у него прорвалось: «Давно я вам говорил: пишите скорее диссертацию». Я понял, что весь предыдущий разговор был для того, чтобы меня ободрить, помочь мне решиться на новый шаг; но как раз наоборот — он помог мне во что бы то ни стало пробиваться по прежнему пути.

Этот случай лишний раз показывает, что под суровой на вид внешностью у Д. И. скрывалась редкая доброта к людям. Сколько людей приходило к нему с разнообразными просьбами, и он всегда старался удовлетворить; пошумит, поворчит, а отказать не может. Кто только к нему ни обращался письменно за советом, указаниями, а иногда и материальной помощью. Он всегда старался дать ответ; если не мог это сделать сам, поручал ассистенту. И мне приходилось исполнять такие поручения. Конечно, нельзя отрицать, что нрав у него был крутой, но он был вспыльчив, да отходчив. Слушать его крик, воркотню было иногда нелегко, но мы знали, что он кричит и ворчит не со зла, а такова уж его натура. Вероятно, в шутку он говорил, что держать в себе раздражение вредно для здоровья; надо, чтобы оно выходило наружу. «Ругайся себе направо-налево и будешь здоров. Вот Владиславлев (б. ректор.— В. Т.) не умел ругаться, все держал в себе и скоро помер».

Еще Д. И. не один раз говорил: «Я ведь не из этих, нынешних, которые мягко стелют». Мы, сотрудники Д. И., очень любили, уважали его и на крик не обижались. Он был требователен к своим сотрудникам, но еще более требователен к самому себе.

Как-то сильно накричал Д. И. на А. П. Зверева. Я его и спрашиваю: «Что, Алеша, досталось?» А он говорит: «Да ведь он только кричит, а сам добрый». Случалось, что Д. И. разберит кого-нибудь несправедливо, а потом сам старается помириться. Один раз Д. П. Павлов добродушно осмеял неудачное распоряжение, которое Д. И. дал в лаборатории. Д. И. обиделся и после лекции жестоко, но неосновательно распек Павлова. Тот, обиженный в свою очередь, сердитый, прошел в свою квартиру. Через несколько минут приходит в лабораторию Д. И. и спрашивает меня: «Дмитрий Петрович здесь?»— «Пошел к себе, я его позову».— «Нет, нет, не надо. Зачем его беспокоить».

Д. И. очень привыкал к своим сотрудникам, служителям, домашней прислуге и не любил их менять. У него был постоянный портной, сапожник, переплетчик, типография и пр. Несмотря на крутой нрав, в нем не было барства. Он одинаково относился к товарищу, профессору, ассистенту, служителю.

Проведя детство на заводе и в сельской обстановке, Д. И. привык ценить физический труд, с уважением относился к крестьянам и рабочим. Одинаково он относился и к людям различных национальностей, лишь бы был дельный человек.

Как все большие, сильные люди, Д. И. очень любил детей. «Люблю их за их чистоту»,— писал он в одной из своих записных книжек. Один раз вечером, когда я сидел у него, маленькая дочка его Муся пришла прощаться с ним перед сном. Он расцеловал ее, потом пошел уложить в постель и, когда вернулся на свое место, сказал: «Много испытал я в жизни, но не знаю ничего лучше детей... Конечно, сама природа заставляет их на свет производить».

Дмитрий Иванович Менделеев был великий, гениальный человек и, как большинство великих людей, великий труженик. А трудился он, действительно, не жалея себя.

Помню такой случай. В 1886 г. он очень торопился закончить свой большой труд «Исследование водных раст-

воров по удельному весу». Чтобы ему не мешали многочисленные посетители, он из своего домашнего кабинета переселился в кабинет при лаборатории и работал там с утра до вечера в течение всего года. Его кабинет освещался сильной газовой лампой. В этом же году я состоял помощником делопроизводителя Химического общества и за корректурой журнала сидел иногда до 4—5 час. ночи. Кабинет Д. И. отделялся от моей квартиры тонкой переборкой. Как-то раз, уже в 4 часа ночи, слышу в кабинете крик Д. И. Я взглянул в окно, вижу: снег в саду сильно освещен; испугался, не пожар ли. Иду в кабинет. А Д. И. сидит на своем обычном месте, никакого пожара нет — это был свет от сильной лампы. Спрашиваю, что нужно Д. И. «Да вот велел Алеше чаю принести, а он не несет». — «Д. И., да ведь уже пятый час утра». — «О господи. А я после обеда (в 6 час. веч.) пришел и задремал».

Это уже сказалось сильнейшее переутомление.

Труд Д. И. ставил выше всего. Он не любил, когда его называли гением. «Какой там гений! Трудился всю жизнь, вот и стал гений»¹³.

В. Е. Тищенко. Воспоминания о Д. И. Менделееве.
«Природа», № 3, 127—136 (1937).

«...Дмитрий Иванович рассказывал, что в самый тяжелый период своей болезни он случайно слышал, как институтский доктор Кребель приговорил его к смерти. Обходя вместе с директором свой лазарет, доктор остановился недалеко от кроватей Д. И. и другого студента, Бетлинга, и, думая, что они спят, довольно громко сказал директору: «Ну, эти двое не встанут». Бетлинг действительно умер, не кончив курса, но Д. И. настолько поправился, что мог не только продолжать занятия, но даже работать самым отличным образом. Если принять во внимание, что ему было только 19 лет, что отец его и три сестры умерли от чахотки, что петербургский климат был для него, сибиряка, непривычен и вреден, а усиленные занятия слишком утомляли, то действительно нельзя не признать, что положение его было очень опасно...

...В министерстве, при назначении на места, его будто бы перепутали с Янкевичем¹⁴ и таким образом назначили Янкевича в Одессу вместо него. «Вы знаете, я и теперь

не из смирных, а тогда и совсем был кипяток. Пошел в министерство, да и наговорил дерзостей директору департамента Гирсу*.

На другой день вызывает меня к себе И. И. Давыдов¹⁵. «Что ты там в департаменте наделал? Министр требует тебя для объяснений».

В назначенный день, к 11 часам утра, я отправился на прием к министру. В приемной было много народу и, между прочим, директор департамента. Я сел в одном углу комнаты, директор в другом. Начался прием. Жду час, другой, третий, ни меня, ни директора к министру не зовут. Наконец, в четвертом часу, когда прием кончился и все ушли, отворяется дверь и из кабинета, опираясь на палку и стуча своей деревяшкой, выходит (он был хромым, после ампутации одна нога у него была на деревяшке) министр, Авраам Сергеевич Норов. Он был человек добрый, но грубоватый и всем говорил «ты».

Остановившись среди комнаты, посмотрел на меня, на директора и говорит: «Вы что это в разных углах сидите. Идите сюда».

Мы подошли. Он обратился к директору: «Что это там у тебя писаря делают? Теперь в пустыках напутали, а потом в важном деле напортят. Смотри, чтобы этого больше не было». А потом ко мне: «А ты, щенок. Не успел со школьной скамейки соскочить и начинаешь старшим грубить. Смотри, я этого вперед не потерплю... Ну, а теперь поцелуйтесь».

Мы не двигались. «Целуйтесь, говорю вам».

Пришлось поцеловаться, и министр нас отпустил...»

...Как рассказывал Д. И. (одному из нас), перед отъездом из Петербурга он был на приеме у известного в то время врача, проф. Здекауера¹⁶. Дав свои указания, Здекауер посоветовал Д. И. воспользоваться пребыванием в Симферополе, чтобы показаться проф. Н. И. Пирогову¹⁷, и дал письмо к Пирогову, который в то время заведовал медицинской частью на театре военных действий. Прочитав письмо и осмотрев Д. И., Пирогов успокоил его, надавал советов, как себя вести, и, возвращая письмо, сказал: «Сохраните это письмо и когда-нибудь верните Здекауеру. Вы нас обоих переживете». Время показало,

* Вероятно, Гаевскому, подпись которого встречается на всех бумагах. — В. Т.

что он был прав, и, вспоминая впоследствии дельные советы Пирогова, Д. И. говорил: «Вот это был врач. Насквозь человека видел и сразу мою натуру понял».

М. Н. Младенцев, В. Е. Тищенко. Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 82—83, 98—99, 110.

А. Ладенбург

«Летом 1870 г. в Гейдельберге, где я тогда был приват-доцентом, однажды утром постучался в дверь моей комнаты какой-то господин, представившийся Менделеевым. Его великое исследование было уже опубликовано и мною тщательно изучено, так что мы вскоре всецело поглощены были научной беседой, затянувшейся незаметным образом на несколько часов. Он между прочим сообщил, что едет во Францию и Англию для закупки некоторых минералов, в которых он предполагал найти предсказанные им элементы экабор, экасилиций или экаалюминий¹. Настало уже обеденное время, а мы все еще не могли кончить нашей беседы, почему я просил его сопроводить меня и вместе пообедать.

Я обедал тогда у Шридера, где и Бунзен был постоянным гостем. К моему удивлению, встреча между ними носила чрезвычайно натянутый характер; по позднейшим сведениям я узнал, что Менделеев у Бунзена совсем не работал или, во всяком случае, очень короткое время, а знаменитое гейдельбергское исследование о расширении жидкостей произведено было Менделеевым в собственной маленькой лаборатории. После обеда он подозвал лакея, очевидно, чтобы расплатиться, я в свою очередь подал тому знак не принимать денег. Тут Менделеев стал меня умолять чуть не со слезами на глазах не причинять ему такой обиды и позволить уплатить, и хотя я сопротивлялся, указывая, что он мой гость и т. д., однако должен был уступить.

Несколько лет позднее — это было в 1877 году летом, состоялся 400-летний юбилей университета в Упсале, куда я командирован был от Кильского университета. Там мы снова встретились как старые друзья. На этом торжестве была, однако, такая масса народу, к тому же он жил у

проф. Клеве, между тем как я — в другом знакомом семействе, так что мы виделись и беседовали сравнительно мало, я помню лишь, что как-то высказал удивление по поводу поражений русских... под Плевной... На это Менделеев мне ответил совершенно спокойно и самоуверенно: «Подождите только, когда мы начнем как следует!» И он оказался прав. Затем прошло 10 лет, и мы опять встретились по дороге в Манчестер, где в том 1887 г. происходило заседание British Association².

Я встретил его на вокзале в Лондоне, он меня сейчас же узнал и подошел со словами: «Я знал, что вы будете первый знакомый, которого я встречу».

Он ехал в сопровождении Меншуткина, с которым я тогда познакомился, мы уселись в вагон, понятно, вместе и провели всю дорогу в чрезвычайно оживленной беседе. Главной темой была речь В. Мейера, произнесенная последним на Гейдельбергском собрании естествоиспытателей.

На вопрос, разделяет ли Менделеев мнение Мейера относительно существования единой первоначальной материи как следствие периодического закона, Д. И. ответил категорическим отрицанием, с чем я был совершенно согласен.

Я остановился у Schunck'a, председателя химической секции, который жил в прекрасной вилле с громадным садом на расстоянии $\frac{1}{2}$ часа езды от Манчестера. Каждое утро предоставлялся в мое распоряжение экипаж, доставлявший меня в город на заседания, где я постоянно встречал Менделеева.

Однажды мой гостеприимный хозяин устроил садовый праздник, на который приглашены были все знаменитости, причем мне поручено было пригласить Менделеева. Сперва он долго отказывался, но затем все же согласился, и мы после заседания вместе поехали к Schunck'у. Приехав, я попросил Менделеева в мою комнату, указывая, что здесь он найдет все необходимое для туалета: воду, губки, щетки и гребенку, — на это он ответил: «Этого мне не надо», тем не менее при появлении в зале он стал всеобщим предметом поклонения дам.

В последний раз я его видел в Берлине во время празднования 200-летнего юбилея Прусской академии наук. Менделеев присутствовал в качестве представителя Петербургского университета, а я — Бреславльского. Во вре-

мя торжественного обеда за одним из столов председательствовал Van't Hoff, по левую руку которого сидел Менделеев, а по правую — я, так что мы трое могли вполне непринужденно беседовать. Уже после горячего Менделеев спросил, не может ли он закурить, я ответил, что это неудобно.

Но после первого или второго блюда Менделеев опять повторил свой вопрос, так что Van't Hoff сказал: «Да, я тоже закурю», и оба задымили папиросками, последний, разумеется, из вежливости, что тем не менее, как я потом слышал, было поставлено ему в упрек.

Мне хотелось бы привести еще один разговор, который, хотя и происходил в отсутствие Менделеева, но касался последнего.

Я ежегодно бывал на пасхе в Гейдельберге. Во время одного из этих посещений я встретил г. Коппа, который мне сказал: «На этих днях мы (при этом понималось Бунзен и Копп) получили запрос, кого мы считаем достойнее и более подходящим для выбора в члены Импер. Российской Академии — Бейльштейна или Менделеева, на что мы ответили: Бейльштейна — вы ведь с этим согласны?» Я сейчас же ответил, что совершенно не согласен, и хотя Бейльштейн мой друг, но все же я без сомнения предложил бы Менделеева. Однако выборы совершились по желанию Бунзена — Коппа³.

И даже в 1887 г. при поездке в Манчестер Меншуткин мне жаловался, что Менделеев все еще не выбран в члены Академии».

А. Ладенбург. *Chemiker-Zeitung*, № 15, 184 (1907).
Цит. по книге: К. Бенниг. Д. И. Менделеев и Л. Мейер. Казань, 1911, стр. 13—16.

А. А. Байков

«В первый раз я услышал имя Менделеева в 1886 г. Я был тогда в шестом классе Курской гимназии...

Однажды мне один товарищ (Н. А. Федоров) говорит: «Мой старший брат был в Петербургском университете на естественном факультете, но потом он перешел на другой факультет, и его книги остались у меня; среди них

есть университетский курс химии, если хочешь, возьми его себе».

«А чья это химия?» — спрашиваю я. «Какого-то Менделеева, — говорит он, — ты его не знаешь?» — Нет, — говорю, — не знаю». В тот же день я получил эту химию и вечером стал ее читать. Это были «Основы химии» Д. Менделеева, 3-е издание 1877 г. Я не мог оторваться от этой книги до поздней ночи, я был потрясен, я был взволнован; я был подавлен величием и грандиозностью той науки — настоящей, полной и глубокой науки, которая излагалась в этой книге, и она сделалась моей настольной книгой. Я ее постоянно читал и перечитывал самым внимательным образом с величайшим прилежанием, я ее систематически изучал и углублялся в нее все более и более, старался усвоить ее как можно лучше, и тогда у меня окончательно созрела мысль сделаться химиком. Я принял твердое решение: по окончании гимназии поступить в Петербургский университет, чтобы слушать лекции самого Менделеева и учиться у него химии. Я так и сделал и по окончании гимназии в 1889 г. поступил в Петербургский университет...

Выполнив все необходимые для зачисления в студенты формальности, я с нетерпением ожидал начала занятий (назначенного на 31 августа), и первая лекция, которую мне пришлось выслушать, была лекция по неорганической химии Д. И. Менделеева. В это время, в 1889 г. имя Менделеева уже пользовалось мировой известностью, но в Петербургском университете оно было предметом совершенно исключительного почитания и среди профессоров и особенно среди студентов. Периодический закон Менделеева, предсказавший с поразительной точностью свойства неизвестных ранее элементов галлия, скандия и германия, к этому времени уже открытых, составил эпоху в истории и вызвал изумление всего мира.

Будучи общепризнанным выдающимся гениальным ученым, Д. И. Менделеев в то же время был известен как человек исключительных душевных качеств, с мужественным и неустрашимым характером; всецело преданный делу науки и стремлению к истине, ради которых был способен на геройские подвиги, даже с опасностью для своей жизни. Это с особенной яркостью проявилось в его знаменитом полете на воздушном шаре во время солнечного затмения 7 августа 1887 г., когда он поднялся в

верхние слои атмосферы для некоторых наблюдений во время затмения... Это был, конечно, очень рискованный поступок, но, к счастью, все кончилось благополучно: шар опустился в нескольких десятках километров от места полета, и на другой день Менделеев возвратился по железной дороге через Москву в Клин, где он тогда жил. Одновременно с московским поездом к Клину подошел и петербургский поезд, и собравшиеся на станции пассажиры и местные жители устроили Менделееву восторженную встречу и шумные овации. В числе присутствующих находился и мой брат, который ехал из Петербурга в Курск и который мне подробно обо всем этом рассказал через два дня под свежим впечатлением всего виденного. Много позже я познакомился и довольно часто встречался с Кованько, который был уже генералом, и от него я также узнал много подробностей об этом удивительном эпизоде из жизни Менделеева. При этом он мне говорил, что полет этот был действительно очень опасным для Менделеева и со стороны Менделеева являлся настоящим геройским подвигом. В Петербургском университете полет Менделеева был всем хорошо известен и еще больше способствовал его популярности.

К этому надо добавить, что летом 1889 г. состоялись два «Лондонских чтения» Менделеева: одно в Королевском обществе, другое — «Фарадеевское чтение» в Британском химическом обществе. На эти чтения приглашались только самые выдающиеся ученые, и эти приглашения для ученых считались величайшей честью.

Вполне понятно, что все эти обстоятельства создавали особую возбужденную атмосферу для первой лекции Менделеева, и задолго до начала ее не только 7-я аудитория, в которой читал свой курс Менделеев, но и прилегающие к ней помещения были переполнены оживленной и шумной толпой студентов всех факультетов и всех курсов, которые, по примеру прежних лет, собрались на вступительную лекцию, чтобы выразить чувства своего восхищения и преклонения любимому профессору, гордости Петербургского университета, красе русской науки — Дмитрию Ивановичу Менделееву. В этой взволнованной, возбужденной и радостной толпе студентов находился и я; мы с нетерпением ожидали появления Менделеева. В соседнем помещении, в котором была препараторская и откуда дверь выходила непосредственно на кафедру, слыша-

лись негромкие шаги, в аудитории воцарилось глубокое молчание, и в двери показалась величавая фигура Менделеева, немного сутуловатая. Длинные седые волосы, ниспадавшие с головы до самых плеч, и седая борода окаймляли его серьезное и задумчивое лицо с сосредоточенными проникновенными глазами. Я до сих пор не могу забыть того, что тогда произошло. Казалось, здание готово было обрушиться от грома приветствий, возгласов, рукоплесканий; это была гроза, это был ураган. Все кричали, все неистовствовали, все старались возможно сильнее и полней выразить свой восторг, свое восхищение, свой энтузиазм. Никогда нельзя забыть тех переживаний, которые тогда пришлось испытать. По мере того, как это происходило, Менделеев хмурился все больше и больше, махал обеими руками, чтобы прекратить приветствия и успокоить аудиторию. Шум не прекращался, Менделеев перестал размахивать руками, нахмуренное лицо его стало проясняться — и вдруг озарилось светлой улыбкой, и тогда восторг слушателей достиг высшей степени. Наконец, понемногу все затихло и успокоилось, и Менделеев начал свою лекцию и приступил к изложению своего курса, который (увы!) он читал последний раз в стенах Петербургского университета. Надо было видеть тот энтузиазм, с которым был встречен Менделеев, чтобы почувствовать, что он был и великий ученый и великий человек. Он неотразимо действовал на всех и привлекал умы и сердца тех, кому с ним приходилось встречаться.

Началась правильная систематическая работа в университете, и я, конечно, с исключительным вниманием слушал лекции Менделеева. Я был счастлив, что «Основы химии» я узнаю не из книги, а слушаю в живом слове самого автора — творца основ химии и периодического закона, и должен сказать, что действительно Менделеев читал свои лекции совершенно необычным, глубоким и проникновенным образом. По своему построению и содержанию лекции его в 1889—1890 гг. вполне соответствовали «Основам химии» в тех изданиях, которые появились до этого времени... С внешней стороны речь Менделеева не отличалась совершенной безукоризненностью и гладкостью изложения, особенно в начале, когда у него были некоторые остановки и заминки в подборе слов и выражений. Он не подготовлял заранее фраз и никогда не прибегал к внешним эффектам. Часто, излагая свои мысли,

он подыскивал подходящие выражения, не сразу их находил, поэтому иногда заикался, не сразу преодолевая встречающиеся затруднения, но когда первые затруднения были преодолены, когда он овладевал излагаемым вопросом, речь его лилась свободно и вдохновенно, и он проникновенно излагал самые трудные и сложные вопросы с необычайной ясностью и простотой, делая их понятными даже для недостаточно подготовленных слушателей.

Близко знакомый с развитием науки своего времени, принимая непосредственное участие в разрешении новейших основных проблем, лично знавший многих выдающихся современников, он вносил в свое изложение живую струю непосредственных наблюдений и впечатлений, которые придавали его словам свежесть, жизненность и правдивость и наполняли яркими образами умы слушателей. В качестве примера могу указать на его лекции, посвященные закону Авогадро — Жерара и его значению для современной химии. Закон этот позволил окончательно и точно установить величину атомных весов элементов и построить систему молекулярных формул простых и сложных тел на основании простого соотношения между молекулярным весом и плотностью тел: $D=M/2$ (где D — есть плотность пара данного тела по отношению к водороду, а M — молекулярный вес). Вопрос этот имеет длинную историю и в продолжении XIX в. вызывал большие разногласия между различными исследователями. Даже после своего разрешения он представлял для многих большие трудности и в 80-х гг. прошлого века привлекал еще к себе большое внимание, и ему было посвящено много работ. С исчерпывающей ясностью и простотой Менделеев изложил этот вопрос в связи с атомистической гипотезой. Он указывал, что хотя атомистическое учение возникло в отдаленные времена и было известно древним грекам, но оно долгое время оставалось бесплодным вследствие ложного направления древней философии, не склонной к индуктивному методу и недостаточно занимавшейся наблюдением и опытом. Развивая свои мысли, Менделеев говорил: «Древний греческий мудрец говорил: я знаю, что я ничего не знаю. Да он и не знал, а мы знаем». В этом и заключается преимущество современной опытной индуктивной науки перед прежней наукой, перед «классицизмом», сводившимся к абстрактным умствованиям и благодаря этому вырождавшимся в мета-

физику и схоластику. В противоположность ограниченности и убожеству древнего мировоззрения, Менделеев считал науку всемогущей и не видел пределов для человеческого знания...

...В своем Лондонском чтении, состоявшемся в 1889 г. в Королевском обществе, Менделеев говорит следующее: «Гrove заметил, что платина, расплавленная в пламени гремучего газа, где образуется вода, падая в воду, ее разлагает, образуя вновь гремучий газ. Разрешение этого парадокса, как многих парадоксов эпохи Возрождения, послужило в наше время к установке Генрихом Сен-Клер-Девилем понятия о диссоциации и равновесиях и заставило вспомнить учение Бертолле...» В своих лекциях Менделеев развил эту мысль более подробно, указав реальную обстановку, в которой произошло это открытие.

Теперь я перехожу к печальным воспоминаниям. Наступило время, когда мы должны были расстаться с Менделеевым, потому что ему пришлось совсем уйти из Университета. Тот курс, который слушал я, был последним курсом химии, читанным в Университете Менделеевым.

В марте 1890 г. в Петербургском университете начались студенческие волнения. Они приняли крупные размеры. Студенты устраивали сходки для обсуждения требований к правительству и составления петиций, и когда все было подготовлено, на сходку были приглашены профессора.

На эту сходку в числе других профессоров явился Д. И. Менделеев, который пользовался необычайной популярностью, любовью и уважением всего студенчества. Речь шла о том, чтобы подать правительству выработанную петицию и просить это сделать Менделеева, который это предложение принял и обещал исполнить.

В некоторых изданиях мне приходилось читать, что петиция, которая была составлена студентами для вручения правительству, была петицией чисто академического характера и политического ничего не содержала.

Это, конечно, совершенно неверно. Я помню прекрасно всю эту историю и знаю, что та петиция, которая была составлена с этой целью и которая была затем вручена Д. И. Менделееву для передачи правительству, была ярко политической петицией, содержала явно политические требования, например свободы слова, свободы печати, равноправия мужчин и женщин и пр. Говорить, что это

была академическая петиция, совершенно неправильно,— это была явно политическая петиция, я это подчеркиваю, потому что и здесь проявилось исключительное мужество Менделеева, который не побоялся в это смутное, мрачное время русской истории взять на себя такое поручение, которое, конечно, являлось в политическом отношении чрезвычайно опасным¹.

Это были годы самого черного мракобесия, годы, когда царствовал Александр III, когда все живое душилось, притеснялось, угнеталось. Поэтому взять на себя такую ответственность и поручение было далеко не простой и легкой задачей.

И здесь сказывается величие Менделеева не только как ученого, но как человека и гражданина.

Я хорошо помню ту лекцию, на которой Менделеев эту петицию принял. Это было 14 марта 1890 г. Собрались на эту лекцию-сходку громадное количество студентов.

Когда Менделеев появился, его встретили громом аплодисментов, рукоплесканий, восторженными выкриками. Он махал руками, хмурился, просил успокоиться. Наконец, когда все затихло, он свой хмурый вид изменил и улыбнулся. Опять взрыв аплодисментов. Он больше уже не махал руками, стоял, молчал, ждал, когда все окончится, и приступил к лекции. Все ожидали от него сильных выступлений, выражений, а он ее начал так: «Марганец встречается в природе главным образом в виде кислородных соединений». Это было начало, а затем он стал развивать те глубокие мысли и идеи широкого общественно-политического характера о необходимости развития промышленности и связи ее с наукой, которые составили главное содержание лекции. После этой лекции Менделееву была передана петиция для вручения министру народного просвещения Деянову.

16 марта петиция, переданная Менделееву, была им отвезена Деянову, который возвратил ее Менделееву с надписью:

«По приказанию Министра Народного Просвещения прилагаемая бумага возвращается Действ. Стат. Сов. профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе Его Императорского Величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги. Его пр-ву Д. И. Менделееву 16 марта 1890 г.».

Не считая возможным после этого оставаться в университете, Менделеев подал прошение об отставке и летом выехал из квартиры в университете на новую квартиру.

Когда стало известно, что министр Делянов отказался принять петицию и Менделеев ушел в отставку, в университете снова вспыхнули волнения. Университетская администрация ввела полицию в университет. Было произведено много арестов, протест был подавлен.

При таких обстоятельствах Менделеев прочел свою последнюю лекцию. Это было 22 марта 1890 г. На этой лекции студентов было уже мало, многие были арестованы, многие были в угнетенном состоянии. Аудитория была немногочисленна. Но тем не менее Менделеева слушали с большим вниманием. Менделеев читал последнюю заключительную главу курса неорганической химии. Он говорил о важных, крупных вопросах, о роли науки в жизни государства и народа, о значении науки для промышленности, он призывал заниматься этими вопросами — сближать промышленность и науку. Таким образом он излагал свою идею о более близкой связи между наукой и промышленностью, о поднятии техники для индустриализации страны. Эти идеи он всегда проводил в своих выступлениях.

И закончил он эту свою лекцию такими словами: «Покорнейше прошу не сопровождать моего ухода аплодисментами по множеству различных причин».

Эти слова были так выразительны, что не раздалось ни одного возгласа, ни одного хлопка, и среди этой мертвой тишины он оставил аудиторию, оставил ее навсегда².

После того как Менделеев ушел из университета, мне приходилось видеть его сравнительно редко, и в продолжение нескольких лет я встречал его главным образом на заседаниях Русского химического общества, которые происходили в университете в химической аудитории, в которой Менделеев раньше читал свои лекции по химии. Заседания эти происходили регулярно раз в месяц, за исключением летних месяцев. Менделеев посещал эти заседания довольно часто, принимал участие в прениях по различным докладам, а иногда и сам делал доклады.

Я хорошо помню его доклад об азотистоводородной кислоте NH_3 , которая была открыта Курциусом в 1890 г. Открытие это вызвало очень большой интерес в химиче-

ских кругах, так как и по своему составу, и по своим свойствам это соединение являлось совершенно неожиданным и непонятным. Менделеев выступил со своим докладом очень скоро, после того как была опубликована работа Курциуса, так как много раньше он занимался разработкой подобных вопросов в связи с теорией замещения и вопросами гидратации и дегидратации различных соединений, главным образом в области органической химии. Азотистоводородную кислоту он рассматривал как производное ортоазотной кислоты H_3NO_4 — аналога ортофосфорной кислоты H_3PO_4 . Двухзамещенная аммиачная соль этой кислоты $(\text{NH}_4)_2\text{HNO}_4$ при дегидратации может образовать азотистоводородную кислоту. Эту схему он пояснил целым рядом аналогичных превращений, изученных среди других соединений, и показал полную обоснованность такого объяснения. Несколько позже экспериментальные данные различных исследователей подтвердили правильность рассуждений Менделеева. Этот доклад произвел на меня большое впечатление, так как показал глубокую эрудицию Менделеева и широту и разносторонность его знаний.

Приходилось мне также слушать его доклады в Отделении физики Русского физико-химического общества по физическим вопросам (например, о расширении воды и др.). Доклады эти всегда были основаны на исчерпывающем материале и обнаруживали глубокое знакомство Менделеева с вопросами, о которых он говорил³.

Позже, когда мне пришлось близко познакомиться с Д. И. Менделеевым, он стоял во главе Главной палаты мер и весов, управляющим которой был назначен в 1893 г. В числе его ближайших сотрудников был мой товарищ по университету В. Д. Сапожников, с которым я окончил в 1893 г. университет. Однажды Сапожников приходит ко мне и говорит, что Д. И. Менделеев хочет со мной поговорить и просит прийти к нему на квартиру. Я был очень поражен и на другой день пошел к нему. Я провел с ним около двух часов.

Менделеев в это время готовил новое издание «Основ химии», куда желал включить некоторые новые данные по вопросу о сплавах, которые в то время привлекали к себе большое внимание и уже обособились в отдельную отрасль знания — «металлографию», разработанную на основе теории растворов и физико-химических законов.

Зная, что я в то время много занимался изучением сплавов, он предложил мне составить некоторые заметки для помещения в «Основах химии». Наша беседа была посвящена главным образом сплавам и началась следующими словами Менделеева: «...В изучении сплавов я нахожу много прекрасных сторон». Я его поручение исполнил и с глубоким вниманием отнесся к словам Менделеева⁴.

Для растворов, которыми Менделеев занимался всю свою жизнь, металлография представляла значительный интерес, так как она позволила окончательно разрешить некоторые вопросы и установить истинную природу «криогидратов», которым в сплавах металлов соответствуют «эвтектические сплавы». Микроскопическое изучение последних с наглядностью показало, что они представляют собой механическую смесь двух металлов, а не химическое соединение, как раньше было общепринято: микроструктура нацело затвердевших водных растворов солей, отвечающих составу криогидратов, полностью это подтвердила, особенно для растворов окрашенных солей (например, $\text{CuSO}_4 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$, KMnO_4). Я передал Менделееву несколько микрофотографических снимков «эвтектик» при различных увеличениях.

После этого мне неоднократно случалось приходиться к Менделееву и иметь с ним разговоры по различным вопросам. Я не могу себе простить, что я совершенно не записывал того, что он говорил, и у меня не сохранилось никаких письменных документов об этих беседах. В то время в голову даже не приходила мысль о его близкой смерти, и, когда произошло это печальное событие, оно поразило всех, особенно химиков. Смерть Менделеева была неожиданной. Он был довольно сильный, крепкий человек, ему было 73 года. Он простудился, заболел воспалением легких. Сначала болезнь не казалась опасной, но потом произошло внезапное ухудшение, и 20 января 1907 года в 5 час. 20 мин. утра он умер.

Это было горестное событие, которое все чрезвычайно тяжело переживали. Похороны его были совершенно исключительные. До Волкова кладбища, где его похоронили, шла громадная толпа народа, а впереди несли таблицу периодической системы элементов Менделеева.

Для всех нас смерть Менделеева была потрясающим событием. Одно для нас являлось утешением,— то, что его жизнь не прошла бесследно, что он оставил нам богатей-

шее наследство, и в этом наследстве наиболее крупным памятником являются его труды, связанные с периодическим законом и «Основами химии».

А. А. Байков. Периодический закон Д. И. Менделеева и его творец. В сб. «75 лет периодического закона Д. И. Менделеева и Русского химического общества». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 17—30.

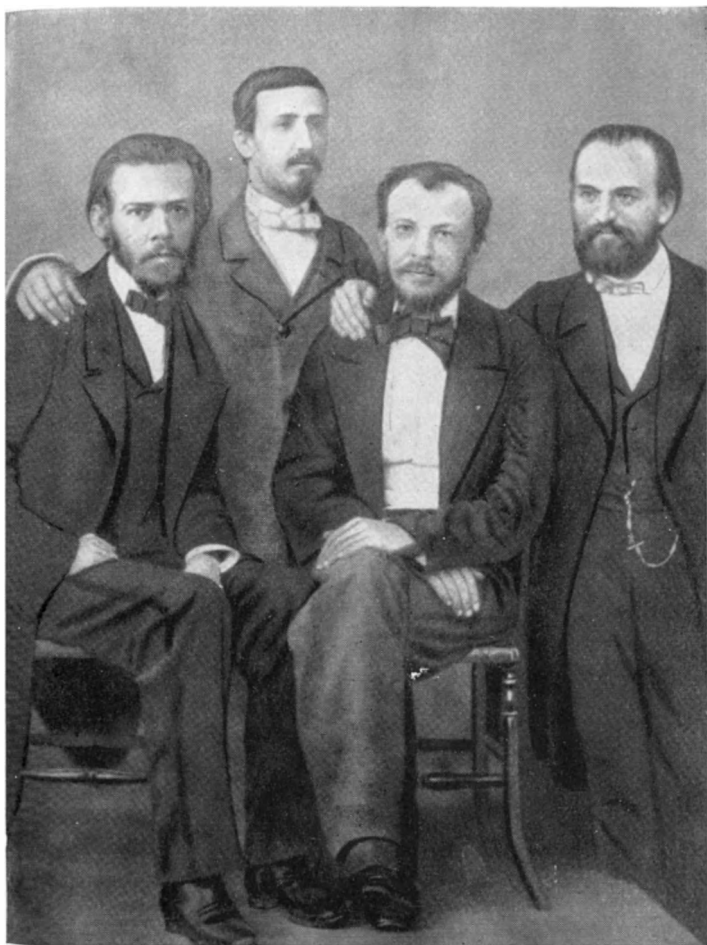
«Основы химии» Менделеева, воплотившие в себе периодический закон,— это памятник, который по силе своего замысла, по совершенству выполнения и глубине мысли является таким же величайшим проявлением человеческого гения, как «Божественная комедия» Данте, как «Страшный суд» Микельанджело, как 9-я симфония Бетховена».

А. А. Байков. Собр. трудов, т. 2, 1948, стр. 505.

Д. П. Коновалов

«Занятие физико-химией не потеряло своей привлекательности для меня, и я начинал подумывать о поездке за границу. Я имел в виду поездку к Сент-Клер-Девиллю и стал об этом советоваться с Бутлеровым. Он мне рекомендовал поговорить с Менделеевым, который в то время уже вернулся из заграничной командировки и которому я уже был им представлен. Менделеев, выслушав меня, направил к профессору А. Кундту¹. С этим, тогда молодым, немецким физиком он познакомился на съезде в Швеции и вынес о нем наилучшее впечатление. Я последовал совету Дмитрия Ивановича и в мае 1880 г., простившись с лабораторией Бутлерова, катил в Страсбург к Кундту. Здесь я нашел очень хороший прием и погрузился в работу по физике. После прохождения практикума и исполнения небольшой работы на заданную мне Кундтом тему я получил место в его кабинете, где он при участии ассистента вел свои работы. Здесь я начал работу на свою тему, имея возможность широко пользоваться разнообразными приборами».

Д. П. Коновалов. А. М. Бутлеров. Л., Изд-во АН СССР, 1929, стр. 70.

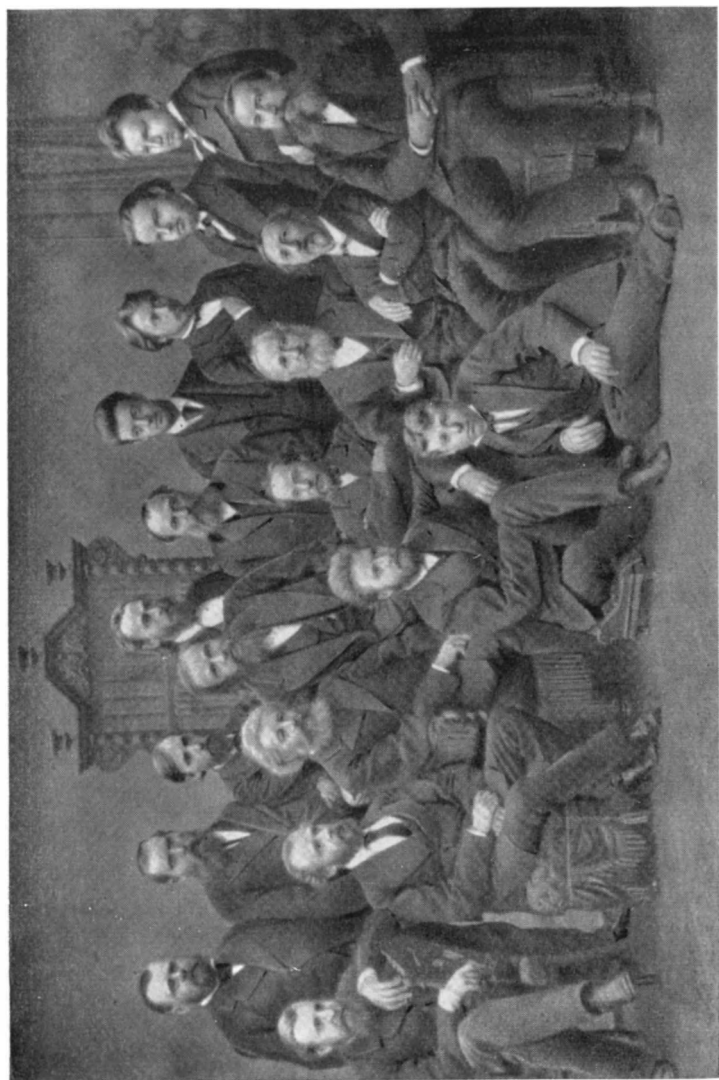
*Н. Житинский, А. П. Бородин, Д. И. Менделеев и В. Олевинский
в Гейдельберге, 1860 год.*

*Д. И. Менделеев с детьми Ольгой и Владимиром
в Боблове, 1878 год.*

◀ *Члены химической секции I Съезда русских естествоиспытателей —
учредители Русского химического общества, 1868 год.*

Д. И. Менделеев. Нижний Новгород, 15 мая 1880 год (фотография А. О. Карелина).

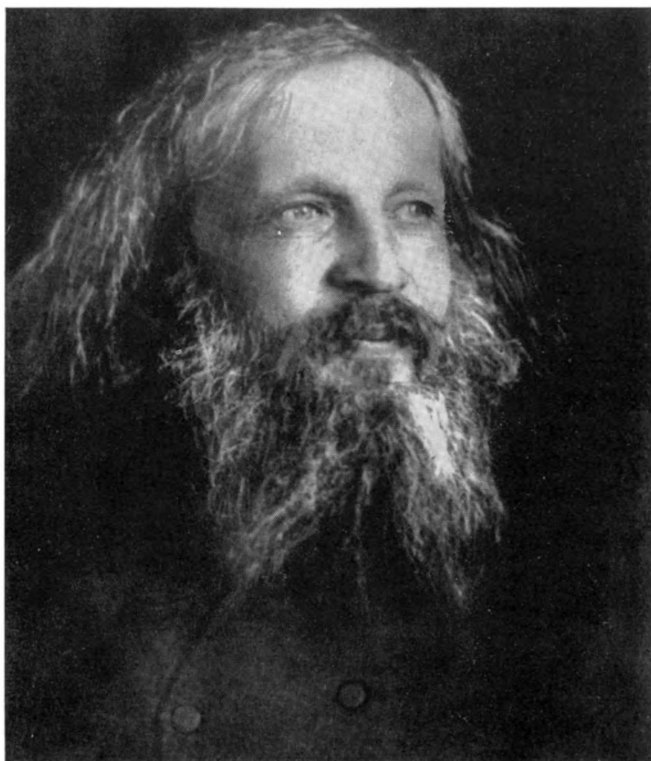
◀ *Группа профессоров, преподавателей и студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета (в центре — Д. И. Менделеев), 1875 год.*

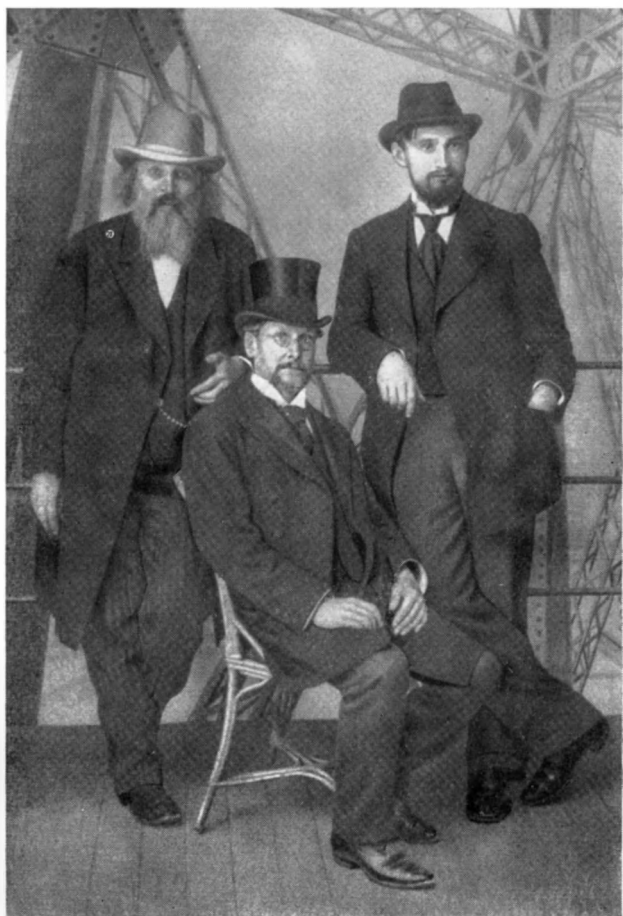

Д. И. Менделеев с дочерью О. Д. Менделеевой-Трироговой и зятем А. В. Трироговым, 1889 год.

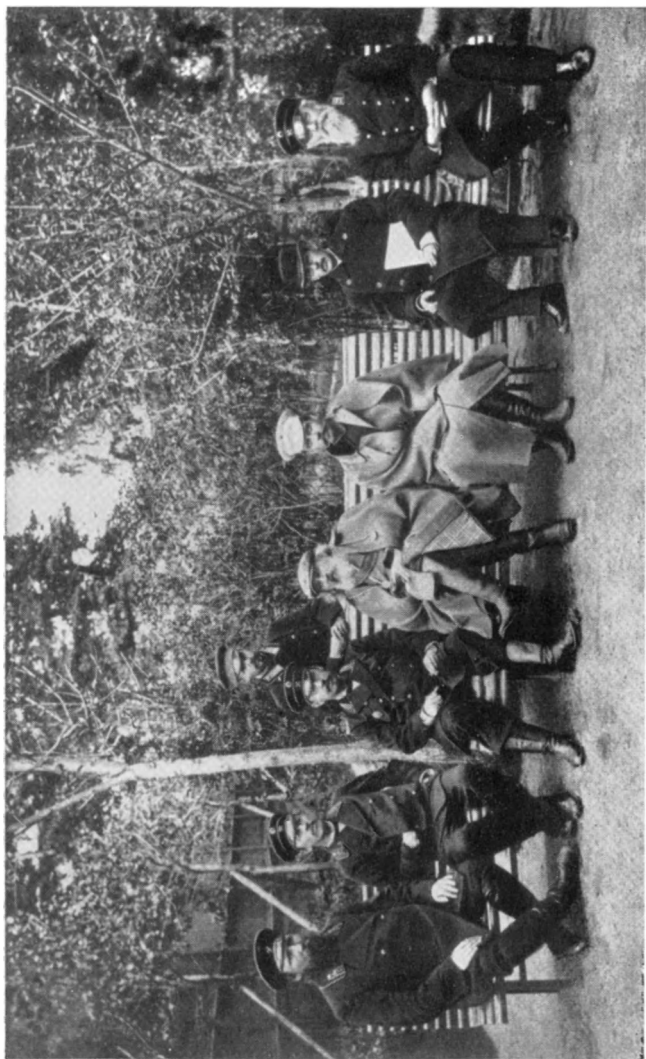
◀ *Д. И. Менделеев среди участников съезда Британской ассоциации содействия развитию наук, Манчестер, 1887 год.*

*Д. И. Менделеев, 80-е годы (фотография отретуширована
худ. М. Боткиным).*

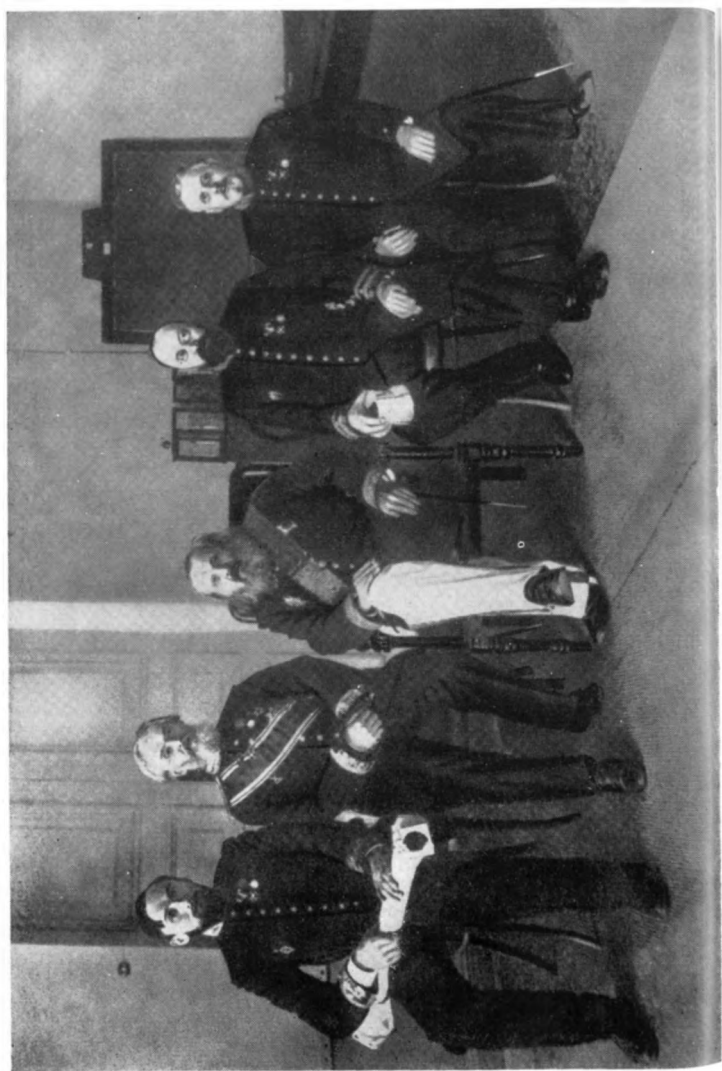
*Д. И. Менделеев, Г. С. Ченей и Ф. И. Бломбах на Эйфелевой башне
в Париже, сентябрь 1895 года.*

Д. И. Менделеев и Б. Ф. Браунер. Прага, 1900 год.

◀ *Д. И. Менделеев в саду Кувшинского завода, 1899 год.*

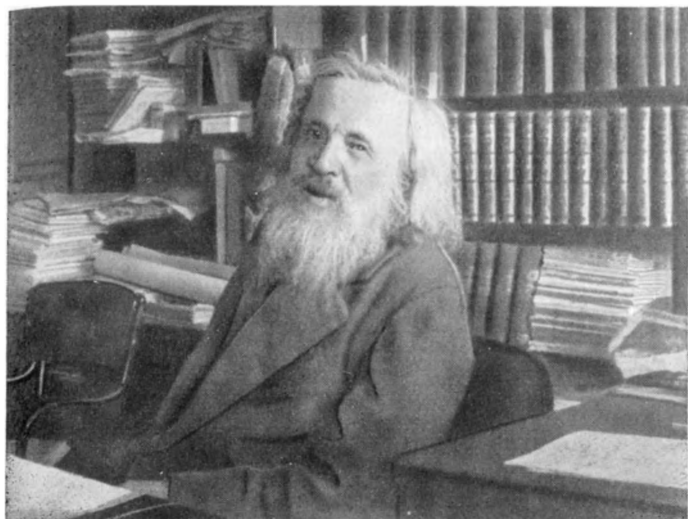

Д. И. Менделеев и А. И. Куинджи играют в шахматы. Наблюдает за игрой А. И. Менделеева, 1904 год.

◀ *Ф. И. Блюмбах, Н. Г. Егоров, Д. И. Менделеев, Ф. П. Завадский и А. И. Кузнецов в Главной палате мер и весов 19 февраля 1901 г. перед отправлением в Сенат для замуравывания русских прототипов.*

Д. И. Менделеев в мантии доктора Эдинбургского университета. Рисунок Н. А. Ярошенко, 1894 год.

Д. И. Менделеев. Фотография, сделанная дочерью Ольгой.

Д. И. Менделеев. Рисунок М. А. Врубеля, 1885 год.

«...Я помню вступительную лекцию по курсу химии, прочитанную Менделеевым осенью 1886 или 1887 года. Самая большая, IX университетская аудитория, в которой читал Менделеев, была полна студентами: стояли в проходах, стояли у кафедры, стояли на коридоре у открытых в аудиторию дверей. В большой университетский зал перенести лекцию было невозможно, в нем не было приспособлений для демонстраций, даже газ не был проведен. Менделеев, выйдя на кафедру, после нескольких минут молчания, за которые можно было проследить подъем его настроения, начал лекцию броском отдельных терминов, как бы желая с первого момента дать почувствовать студентам, каких важных понятий будет касаться его курс химии. Мы услышали своеобразный внушающий внимание голос великого ученого: «Вещество, движение, истины... Вы слышали об истинах, но изученные Вами правила имели исключения (намек на исключения из правил латинской грамматики.— *В. К.*), а истина не терпит исключений». Из дальнейшей лекции было видно, что последнее положение не противоречит понятию эволюции науки, только подчеркивало существенную разницу между набором грамматических правил и результатом многолетних экспериментальных исследований в области точных наук. Аудитория с первых слов прислушивалась ко всему сказанному с величайшим вниманием и следила напряженно за всеми произведенными на лекции опытами. Студент, вернувшись домой, мог почти дословно повторить прослушанную лекцию. Такова была сила подъема и энтузиазма.

Д. И. был глубоким демократом и подчеркивал свое отрицательное отношение ко всем классовым титулам. Как-то на экзамене один из студентов заявил свою фамилию — князь В. Дело в том, что Менделеев обыкновенно не вызывал студентов на экзаменах, а был заведен такой порядок, что сами студенты выходили экзаменоваться по алфавитному списку и объявляли свои фамилии. «На букву «К» я экзаменую завтра», — сказал Д. И., и князь В. попал в глупое положение. Остальные князья, графы и бароны (их было немного) на экзаменах называли себя просто по фамилии. Теперь это кажется очень логичным, но тогда, при царском режиме, отделявшем «белую кость»

от остальной массы народа, требование Менделеева было большим ударом по престижу этой «белой кости»...

Д. И. терпеть не мог фарисейства, как в крупном масштабе, так и в мелочах. Он сам был прямым и непосредственным человеком. Мне пришлось не раз играть с ним в шахматы¹. Как-то одна из шахматных партий складывалась, по-видимому, уже не в мою пользу. Однако после продолжительного обдумывания я нашел вариант, который начинался ходом пешки и менял весь облик шахматной партии в мою пользу. Я двинул одну из центральных пешек и сказал: «Скромный ход». В ответ на это Д. И. довольно резко сказал: «Скромность — мать всех пороков». Понятно, что здесь говорилось о фарисейской скромности. Сам Менделеев, несмотря на то что уже пользовался мировой известностью, отличался необыкновенной простотой и скромностью в лучшем смысле этого слова.

Д. И. безгранично любил науку и жил ею. Должно быть, это было в 1887 или 1888 году, когда я еще работал в бывшей Бутлеровской лаборатории; я помню, как среди ночи Менделеев проходил из своей квартиры, примыкавшей к Бутлеровской лаборатории, в свой рабочий лабораторный кабинет, чтобы или поставить какой-либо новый опыт, или посмотреть на результаты поставленного раньше опыта...»

В. А. Кистяковский. Менделеев как лектор. (Рукопись). Архив АН СССР, ф. 610, оп. 1, № 175.

«Помню также его публичную лекцию в сборном зале С.-Петербургского универс[итета], посвященную экономическому развитию России. Он говорил вначале о численности населения в России и, по-видимому, привел немного преувеличенные данные. Сидевший в первом ряду какой-то специалист из военного статистического бюро громко позволил себе поправить Менделеева. Менделеев очень вышел из себя, по крайней мере минут пять слышалось гортанное придыхание его дыхания, и наконец он сказал: «Не в том дело, а вот в чем» — и рядом блестящих примеров, тут же импровизированных, показал, что суть дела не в нескольких лишних миллионах населения, а в понимании того глубокого экономического процесса, который назревал уже тогда в России. Аудитория многократно прерывала речь Менделеева сочувственными апло-

диссидентами, и « мертвый спец», не понявший суть дела и придравшийся к случайной оговорке Менделеева, должен был себя чувствовать не особенно хорошо.

Прибавлю, что Менделеев часто в трудных местах лекции, когда ему нужно было привлечь внимание аудитории, говорил: «В чем же тут дело (высоким тоном), а вот в чем» (энергично подчеркивая и сильно понижая тон речи). Аудитория, всколышенная призывом лектора, еще с большим вниманием прислушивалась к словам лектора и еще лучше запоминала труднейшие формулы, законы и теории химии».

В. А. Кистяковский. Менделеев как лектор. (Рукопись). Архив АН СССР, ф. 610, оп. 1, № 190.

И. А. Каблуков

«Не могу не упомянуть еще о том блестящем чествовании двухсотлетия памяти Ньютона 20 декабря 1887 г...¹.

Почетным председателем этого заседания совершенно неожиданно для себя был избран Дмитрий Иванович Менделеев. Дело было так: Д. И. Менделеев приехал в Москву, чтобы спокойно поработать в номере гостиницы, так как в Петербурге различные дела и посетители мешали ему заниматься. Случайно узнав от меня о праздновании двухсотлетия памяти Ньютона, Д. И. Менделеев заинтересовался этим и пришел на заседание. Когда весть об этом распространилась среди присутствующих и особенно молодежи, то было высказано общее желание об избрании Д. И. почетным председателем собрания. Проф. В. Я. Цингер, бывший председателем математического общества, открыв заседание, исполнил желание публики. Д. И. хотя и согласился принять на себя роль почетного председателя заседания, но был этим очень недоволен, что частным образом и выразил во время перерыва. К тому же спокойному пребыванию Д. И. наступил конец; на другой день к нему в номер с утра стали стучаться различные депутации от студентов, и Д. И. поскорее уложил свой чемодан и уехал из Москвы».

И. А. Каблуков. Из воспоминаний о деятельности Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 1863—1913. М., 1914, стр. 31—32.

Н. С. Курнаков

«Мне приходилось встречаться с Менделеевым на заседаниях Химического общества, и я вынес о нем самое глубочайшее впечатление. Это один из самых великих, выдающихся ученых людей, которых я встречал на своем веку. Личность в высшей степени замечательная и как профессор, и как лектор, и как ученый-общественник. Менделеев и по внешнему виду, несмотря на слабость здоровья в молодости, поражал своей титанической фигурой.

Он не был оратором в обычном смысле этого слова, но никто не производил на слушателей глубиной своих мыслей такого впечатления, как Менделеев. Его лекции всегда привлекали большое количество слушателей. В лекциях Менделеев захватывал не только вопросы химии, но и все вопросы естествознания и умел их обобщить. Глубина мысли, образные определения — вот что было особенностью лекций Менделеева. До сих пор хорошо помню его прекрасную лекцию об особых точках, прочитанную в Химическом обществе в 80-х годах¹.

Мне лично, как молодому человеку, только вступающему в науку, не раз приходилось обращаться за помощью к Менделееву, и я всегда встречал с его стороны большую моральную поддержку. Помню, как меня поразило, когда в новом издании «Основ химии» Менделеева я нашел ссылку на мою первую научную работу «О комплексных тиомочевинных соединениях платины»². Это было для меня в высшей степени приятно, ободрило меня и явилось большой моральной поддержкой, которая так необходима в первые годы научной деятельности.

Впоследствии, когда Менделеев занимался проблемой морских бездымных порохов, он приглашал меня работать в этой области. Но я в то время участия в этой работе Менделеева по ряду обстоятельств принять не смог.

Отношение Менделеева ко мне — не исключение. Он всегда был в высшей степени отзывчив и внимателен к молодым людям, вступающим на дорогу науки, и поддерживал, ободрял их».

Н. С. Курнаков. Ученый и человек. «Комсомольская правда» от 8 февраля 1934 г.

В. И. Вернадский

«Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов — оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — на первом курсе на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лет гимназической жизни казались нам напрасно потерянным временем, тем ни к чему ненужным искусом, который заставила нас проходить вызывавшая глухое наше негодование правительственная система. Эти мысли получали яркое выражение в лекциях Д. И. Менделеева, как известно, человека очень умеренных, скорее консервативных политических взглядов, который, однако, больше, чем кто-нибудь другой, возбуждал в нас дух свободы и оппозиционного настроения. Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества, ничтожность, ненужность и вред того гимназического образования, которое душило нас в течение долгих лет нашего детства и юношества. На его лекциях мы как бы освобождались от тисков, входили в новый, чудный мир, и в переполненной 7-й аудитории Дмитрий Иванович, подымая нас и возбуждая глубочайшие стремления человеческой личности к знанию и к его активному приложению, в очень многих возбуждал такие логические выводы и настроения, которые были далеки от него самого. Толстой¹, в своем чутье политическо-го инквизитора, был прав в своем подозрении к Менделееву, и не напрасно он не допустил как раз в это время Менделеева (властью своей как президента) до баллотировки в Академию наук и вскоре после окончания нами университета, против желания Дмитрия Ивановича, удалил его из Петроградского университета».

Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Т. 2. Петроград. Научное Химико-технологическое издательство, 1922, стр. 104, 105.

«Блестящие лекции Д. И. Менделеева в Петербургском университете остаются незабываемыми для немногих еще оставшихся в живых его слушателей. В них он еще больше, чем в книге, подчеркивал значение естественных природных процессов — земных и космических: химический элемент являлся в них не абстрактным, выделенным из космоса, объектом, а представлялся облеченной плотью и кровью составной, неотделимой частью единого целого — планеты в космосе. Мне выпало счастье слушать его курс в 1881—1882 гг. во всегда переполненной большой 7-й аудитории университета. Сколько в это время рождалось мыслей и заключений, нередко шедших совсем не туда, куда вела логическая мысль лектора, действовавшего на нас всей своей личностью и своим ярким красочным обликом.

В «Основах химии» проблемы геохимии и космической химии получали не только яркое освещение, но нередко выступали на первое место. Как всегда у Д. И. Менделеева, это не было повторением того, что давалось другими, — на каждом шагу встречается новое, найденное его яркой личностью, схваченное его всеобъемлющим умом».

В. И. Вернадский. Очерки геохимии. Избранные сочинения. Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 300, 24.

В. Л. Комаров

«Для людей, которые были моими современниками, Дмитрий Иванович был не только великим ученым, руководителем в области химического мышления, но он еще был именно носителем своеобразных революционных начал.

Мы знали, что Дмитрий Иванович профессор, что он занимает довольно почетное положение, но в то же время мы знали, что он никогда не будет поддакивать начальству, если он не согласен с ним внутренне. Мы знали, что он всегда ответит «нет» на все такие несогласные с его совестью указания этого начальства. Мы знали, что он самостоятельный человек, что он проводит свою линию, и имя Менделеева всегда произносилось поэтому с особым

уважением, как имя научного вождя, который ведет нас к светлому будущему и не мирится ни с какими безобразиями существующего мира».

Выступление президента Академии наук СССР акад. В. Л. Комарова на торжественном заседании Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева 2 февраля 1937 г.; «Успехи химии», 6, вып. 2, 149 (1937).

«Когда Д. И. Менделеев был профессором Петербургского (ныне Ленинградского) университета в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века, его аудитория ломилась от слушателей. Чтобы занять место на парте, студенты нередко забирались за час, за два до начала лекции, стояли в проходах, сидели на подоконниках. Прослушать две-три лекции Менделеева считали своим долгом даже юристы, вообще относившиеся к университетским занятиям весьма прохладно.

А между тем внешней красотой, бойкостью изложения, горячим энтузиазмом лекции Менделеева не отличались. Он не был красноречив, часто делал длительные паузы, решая мысленно какой-либо вопрос или подыскивая выражение, ему необходимое. К Менделееву шли потому, что его лекции были творческим процессом, потому что на лекциях Менделеев думал вслух и нередко решал научные задачи. Возможно, что и сама таблица элементов зародилась из потребности так расположить элементы, чтобы они, став закономерностью, легче поддавались изучению, со всеми их главными особенностями.

Менделеев сделал огромный шаг вперед в деле установления единства материи, но в своих лекциях он этим не ограничился, характеристику каждого элемента он начинал с конкретного указания на его распространение в земной коре, в живых существах, в атмосфере. Он приучал слушателей мыслить по вопросам химии конкретно и в конце лекции переходил на технологический процесс, касающийся использования данных соединений в промышленности. Химическое сырье в обстановке космоса, химические равновесия и химическая технология — три неразрывных звена в построениях Д. И. Менделеева».

В. Л. Комаров. Речь на Втором Менделеевском чтении 3 марта 1937 г. в Московском доме ученых. «Вестник АН СССР», № 4—5, 25 (1937).

К. Э. Циолковский

«...Лет 23 я представил ряд работ в Петербургское физико-химическое общество; это были: «Теория газов», «Механика живого организма» и «Продолжительность лучеиспускания солнца». Профессора Менделеев, Сеченов, Петрушевский и др. дали моим работам хорошую оценку...

С 1885 г. я твердо решил отдаться изучению воздухоплавания и теоретически разработать металлический управляемый аэростат. Работал я два года почти непрерывно. Наконец, в 1887 г. я сделал в Москве первое публичное сообщение о металлическом управляемом аэростате. Моим сообщением заинтересовались профессора Вайнберг, Михельсон, Столетов и Жуковский, но проект движения не получил. Тогда в 1890 г. я обратился к Д. И. Менделееву с письмом и работой, прося его дать свое мнение о последней¹. В ней рассматривалось устройство металлической оболочки дирижабля, состоящей из конических поверхностей, соединенных мягкими лентами. Оболочка могла складываться в плоскость и изменять свой объем и свою форму без всякого вреда для своей целостности. Д. И. Менделеев ответил мне, что сам он когда-то занимался этим вопросом, но затем бросил и потому обещал передать рукопись и модель в Техническое общество Е. С. Федоров²».

К. Э. Циолковский о своих открытиях. Отрывок из автобиографии, написанной в 1927 г. «Вечерняя Красная газета» от 20 сентября 1935 г.

А. П. Карпинский

«Вся научная карьера Дм. Ив. Менделеева, который был всего на 13 лет старше меня, проходила на моих глазах. Но мы познакомились ближе к 1898 г. в связи с юбилеем Военно-медицинской академии. На этот юбилей были приглашены многие иностранные научные учреждения, в том числе и итальянская Академия наук в Риме. В то время среди иностранных членов Академии были всего два русских ученых — Менделеев и я, которым она и поручила быть ее представителями на юбилее.

Во время торжественного заседания в зале нынешней Филармонии в Ленинграде при прохождении делегации иностранных академий прошли вдвоем Менделеев и я. Перед указанным заседанием я впервые посетил Менделеева, чтобы уговориться с ним о деталях этого представительства (кстати можно указать, что в настоящее время в этой академии тоже два русских иностранных члена — И. П. Павлов и я, причем я являюсь из всех ее иностранных членов и старшим по возрасту, и старшим по избранию).

На том же заседании Менделеев представлял и один из английских университетов, почетным доктором которого он состоял.

После этого я многократно встречался с Менделеевым, посещал его лабораторию, где он подробно знакомил меня с ее устройством и работой».

А. П. Карпинский. Мои встречи с Менделеевым.
«Комсомольская правда» от 8 февраля 1934 г.

Н. А. Морозов

«Интересуясь прежде всего своим делом¹, я познакомился тотчас же с академиком-химиком Бекетовым, который обещал мне посмотреть мои работы по химии, но только не сейчас, и я оставил у него свою рукопись «Периодические системы строения вещества».

Я познакомился затем с Менделеевым, которому изложил свой вывод, что открытый недавно аргон есть член ряда нейтральных самостоятельных газов, укладывающихся в восьмой группе его системы, что атомы металлов и металлоидов должны быть сложны и построены по образцу гомологических рядов органической химии, показывал ему свои теоретические формулы их образования из протогелия, протоводорода, небулия и электронов. Они были потом напечатаны в моих последующих работах по химии, но Менделеев, относившийся ко мне с не меньшим вниманием, как и все остальные люди, все же огорчил меня, уверяя, что если моя теория и объясняет химические свойства атомов, «то все же нет в природе такой силы, которая могла бы их разложить».

Н. А. Морозов. Повести моей жизни. Мемуары. Т. 2.
М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 484, 485.

«...Как раз за месяц до его смерти мне пришлось целый вечер беседовать с Менделеевым об этом самом предмете по поводу печатавшейся тогда моей книги «Периодические системы строения вещества», где я пытался детально обработать очерченную здесь немногими штрихами идею эволюции современных элементов из более первоначального вещества. Это была моя первая встреча с нашим великим химиком,— вторая была уже после его смерти, когда я вместе с другими подходил к его гробу в Петербургском технологическом институте, чтобы сказать ему последнее «прости».

Несмотря на его преклонный возраст, он мне показался при первой встрече, 20-го декабря 1906 г., сохранившим еще некоторую долю своей прежней работоспособности. Но внимание и память уже сильно ослабели у него, и он это, по-видимому, сам хорошо чувствовал, хотя и не хотел сознаться. По временам он забывал в разговоре имя какого-либо известного ученого, и, когда я напоминал ему, он всякий раз притворно сердито взглядывал на меня и говорил: «Разве я сам не знаю?» Но в глубине души он все-таки, кажется, остался довольным моими невольными напоминаниями, облегчавшими ему речь. Такое впечатление я вынес из того, что при уходе он подарил мне последнее издание своих «Основ химии» и еще три другие из своих книг последнего времени.

Мы с ним говорили, главным образом, о дальнейшей обработке его периодической системы. Я ему доказывал, как и вам здесь, что она представляет собою только частный случай среди многих периодических систем, наблюдаемых в природе, и особенно напоминает систему углеводородных радикалов наших земных организмов. Он мне ответил на это, что аналогия не есть доказательство, хотя и соглашался, что многие сходства между его системой и представленными ему мною на чертежах системами углеводородов поразительны. Заметив, что, стоя на этой точке зрения, мы с ним долго не придем к соглашению, я перешел на другую и старался убедить его общепризнанным теперь фактом выделения радием особой эманации, превращающейся постепенно в гелий. Но к величайшему моему удивлению я увидел, что Менделеев совершенно отвергал даже самый факт такой эманации, говоря, что, по всей вероятности, это простая ошибка наблюдателей вследствие малого количества исследуемого вещества.

«Скажите, пожалуйста, много ли солей радия на всем земном шаре? — воскликнул он с большой горячностью. — Несколько граммов! И на таких-то шатких основаниях хотят разрушить все наши обычные представления о природе вещества!

Но третье мое доказательство — с точки зрения эволюции небесных светил — показалось ему убедительным более всех других. Он был всегда сторонником теории Лапласа о происхождении небесных светил из туманных скоплений, но ему, по-видимому, еще не приходило в голову сделать обобщающие выводы из спектроскопических наблюдений над ними и происшедшими из них светилами. Он некоторое время оставался в недоумении, но потом резко воскликнул: «Ну, тут вы меня застали врасплох. Я не принадлежу к тем людям, у которых на все готовые ответы. Вот придете потом, когда вернетесь из деревни, и тогда мы еще поговорим об этом».

Но когда я вернулся из деревни после рождественских каникул и собрался 20 января этого года отнести к нему только что вышедшую мою книгу «Периодические системы строения вещества», в ответ на полученные перед этим от него в подарок книги, я прочел в газетах известие о его смерти...²».

Николай Морозов. Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего. М., 1907.

М. Н. Младенцев

«Д. И. Менделеев был добрейший человек, необыкновенно чуткий, крайне деликатный и до удивительности впечатлительный. Он реагировал на все явления жизни. В нем чудесно сочетался титанический ум с простотой и с редкой душой. Эту страстную душу Д. И. вкладывал во всю свою деятельность.

Ежедневно около 5—6 часов вечера можно было видеть Дм. Ив. Менделеева, прогуливающегося по тротуару двора Главной палаты мер и весов от ворот до ее здания. Летом в сером пальто, в большой шляпе тоже серого цвета, зимой такого же цвета шуба, плотно запахнувшегося, в глубоких галошах. Тихо, тихо, особенно в послед-

ние годы бродит он. Постоит, оглядится, снова пойдет. Встречному помашет рукой или поклонится. Зимой не любил говорить на улице. Если подошедшему к нему не ясен был его жест (он прикладывал палец ко рту), то он говорил: «Я на улице не разговариваю».

В Палату Дм. Ив. приходил в разное время, но большей частью около 4-х часов. Любимым местом его был диван в канцелярии, где, бывало, сядет, положит ногу на ногу, вынет табакерку, скрутит папиросу, за ней другую... Дм. Ив. без папиросы не мог быть долго. Как-то приходит в Палату. Встречаю его в коридоре. Он и говорит: «Германский император выразил желание, чтоб я был на двухсотлетнем юбилее Германской Академии наук... Два часа без курева»¹. Нам, его сотрудникам, трудно представить пишущего Дм. Ив. без папиросы. Всегда нагнувшись над письменным столом, сидит он, и пишет, пишет, а в левой руке папироса, попыхивает, пуская дым, а там крутится новая папироса, и в это время как бы отдыхает. Затем снова за перо. Остаток прежней папиросы в ведро с водой, стоящее с левой стороны. Другой страстью его был чай. Выписывал его Дм. Ив. цибиками. Чай почти не сходил у него со столика по левую руку. Всякому приходящему предлагал он: «Чаю хотите?», а в иных случаях просто нажмет кнопку звонка левой рукой и вошедшему Михаилу Тройникову, служителю, скажет: «Михайло, чаю». Подавался крепкий сладкий чай и всегда свежей заварки.

В иных случаях Дм. Ив. выходил за ворота. Шел в магазин Леонова на первой роте Измайловского полка. Заказывал там лакомства для детей, а затем брал извозчика и отправлялся на Сенную купить для себя рыбы. Предлагал добродушно иногда захватить и нам. Летом любил посидеть в садике и на скамейке во дворе. Любил проехаться на империале (наверху) конки, которая тогда ходила от Сенной до Московских ворот. Не слезая, проедет туда и обратно, а вернувшись, скажет: «Люблю мужицкие умные речи послушать...»

...К детям Дм. Ив. относился вообще всегда нежно и с большой любовью. Бывало, гуляя по двору, услышит голос продавца яблок. Позовет его и бегающих по двору ребят и предложит им взять каждому по яблоку. А сам терпеливо стоит у тележки разносчика и выжидает, когда пройдут все, а ребят во дворе было 50—60. Дети служа-

щих двух учреждений, Главной палаты мер и весов и Технического комитета.

На рождество Д. И. всегда устраивал для детей служащих и рабочих елку за свой счет и каждому из ребят Д. И. что-нибудь дарил.

К нам, своим сотрудникам, Д. И. относился крайне заботливо. Знал наши все нужды и обстановку жизни. Мне, как часто соприкасающемуся с ним, много раз приходилось в этом убеждаться.

В марте 1904 года предложили мне уроки в одном из училищ на Васильевском острове. Надо было у Д. И. испросить разрешение. Прихожу к нему с заранее написанной бумагой, что он не будет иметь возражений. Объясняю в чем дело, и прошу подписать. Д. И. крайне недоволен. «Как это все противно, погано», — воскликнул он. «Дм. Ив., — обращаюсь к нему, — я буду аккуратен... Во время на месте».

Тогда Д. И. и говорит ласково: «Очень прошу Вас, когда кончите лекцию, простыньте, без этого не выходите, и в коночке, не на извозчике, через Николаевский мост... Очень прошу... Опаздывайте! Нет! Наверно, поедете на извозчике... молодёсть!»

Осенью того же года Д. И. возвратился из Канн. Отдохнул, веселый, бодрый, рассказывал, как проводил время, расспрашивал о делах: «Ну, а у вас самого что новенького?». Говорю: «Вернулся преподаватель, которого замещал, так что ушло место». «Ах, как это хорошо, как я доволен, — воскликнул Д. И., — а я ведь всегда думал: наверно, на извозчике через мост — простудится. Очень, очень доволен, это хорошо».

Если кто-либо из служащих или из членов их семей хворал, необходимо было знать о состоянии здоровья больного. Дм. Ив. это очень всегда заботило. Он расспрашивал о ходе болезни и стремился, чем возможно, помочь.

В обращении Д. И. был прост. Чинов и рангов для него не существовало². Принимал всех. Посетителей у него бывало много и самых разнообразных. Репортеры газет, изобретатели. Иногородние ученые считали долгом побывать у Д. И., поделиться своими достижениями, посоветоваться. Мне не один раз приходилось присутствовать при этих беседах. Д. И. иногда очень волновался, корил собеседников, что мало работают. Но всегда относился нежно к своим научным собратиям.

К изобретателям Д. И. относился крайне внимательно. На письма их отвечал сам. Другой раз просит меня ответить понежней, деликатней, чтобы не обидеть изобретателя. А каких только изобретений не бывало!

С репортерами Д. И. любил беседы и отмечал некоторых. «Этот умный, верно передает»,— говорил Д. И. после ухода репортера. Некоторые были крайне назойливы, так что Д. И. не мог в конце концов больше выносить эту докучливость и старался как-нибудь прекратить беседу³.

Когда в газете появлялось интервью, принесешь Д. И. газету, прочтешь ему, он попросит оставить и, взяв газету, вырежет из нее то, что сказано о нем, вклеит в книгу, что хранилась у него в левом шкафике письменного стола. Отметив при этом: «А этот верно передал»; в другой раз добродушно посмеиваясь говорил: «Занятно, занятно пишут...» В газетах писалось, конечно, не всегда то, что говорил Д. И.

Говорят, что Дм. Ив. был груб. Это не так. На мою долю выпало счастье иметь дело с Д. И. непрерывно около 8 лет. Верно, что в иных случаях Дм. Ив. резко обрывал собеседника и указывал ему, что говорит он глупости, но такое обращение вызывалось беседующим с Д. И.

Резким Д. И. бывал очень редко. После допущенной им резкости в иных случаях он печалился, что позволил себе это, и стремился как-нибудь загладить допущенное.

Он был вспыльчив, но скоро отходил. Все это нашло отражение в его бумагах. Находим эту резкость и в ряде писем. Ее признает и сам Д. И. Менделеев. В силу чего на письмах заметки-надписи: «Не послал», «Не послано». Видимо, успевал отойти.

Даже много лет спустя он чувствует неловкость, что допущена им резкость. Это можно усмотреть в его заметке о своей статье, в ответе Авенариусу в 1884 г. «Еще о расширении жидкости». Заметка об этой статье писалась Д. И. 15 лет спустя после выхода статьи. «Тут есть некоторый задор,— пишет Менделеев,— но он был вызван, сам я не задевал, но когда меня заденут— стараюсь не спустить». В этих словах чувствуется как бы стремление оправдаться и в то же время его виновность перед Авенариусом⁴.

Так и в деятельности по Главной палате и иных случаях пишется Менделеевым письмо. Раздражен он поряд-

ком. Адресует письмо на имя М-ра или другому лицу. В письме допущены резкости, но на следующий день раздражение прошло. Письмо же накануне не успели переписать, и, прежде чем подписать его, Д. И. смягчает его содержание.

Мы, близкие к Д. И., стремились к тому, чтобы, когда он бывал болен, расстроен, не давать ему дел, которые могли бы его взволновать, но не всегда это удавалось, так как среди служащих были лица, поступавшие обратно.

Мне приходилось бывать у Дм. Ив. раньше других. По возвращении от него сотоварищи спрашивали: «Ну, как настроен Д. И.?» Говорю: «Валенки и камни». Спрашивающим ясно было, что лучше к Д. И. не ходить в эти дни: Д. И. недомогалось, и он в таких случаях бывал раздражителен... В последние годы, когда бывал у Д. И., приходилось заставить лежащим его на диване, в кабинете: «Простите, что буду слушать Вас лежа, докладывайте». «Уж Вы меня извините, пожалуйста»,— скажет, подходя к столу, и поздоровается. Подпишет бумаги. Спросит о делах. Приходилось бывать у него во время посещения его доктором А. П. Покровским, «А, это Вы,— скажет Д. И.,— садитесь», а меня попросит уступить ему кресло и пересесть на стул. Ну, как Ваше здоровье?»,— спросит доктор. «Да, ничего, ноги что-то ломит». «Послушал бы я Вас,— продолжает доктор,— да не хочется Вас беспокоить».— «Какое же это беспокойство. Он подождет»,— указывая на меня, скажет Дм. Ив. Доктор выслушает его. «Ну, ноги смотреть не стану. Вам это затруднительно».— «Нет, нет, я сейчас, нет. Это мне не трудно»,— и снимает тотчас же сапоги.

А подойди к нему доктор иначе. Скажи прямо ему, что надо его выслушать, надо посмотреть ноги, Д. И. не согласился бы на это.

Дм. Ив. не любил, когда служащие уезжали (все мы штатные имели квартиры при Главной палате).

Вас. Дм. Сапожников⁵ был близкое лицо Д. И. — это его друг. Он корректировал все труды Менделеева во время службы Д. И. в Главной палате. Бывало, В. Д. уедет на дачу и пропадет. Дм. Ив. сам не свой. Грозит его уволить, сердится, но стоило, бывало, показаться В. Д. — Д. И. весь оживал: «Ах это он, В. Д., только не уезжайте сегодня».

Другом Д. И. был и Ф. И. Блумбах⁶. Этот постоянный его советник по всем научным вопросам, равно как и В. Д. Сапожников.

Блумбах отличался большой самостоятельностью. Самостоятельность ценилась Д. И. Бывало, поручит работу. Сделаешь иначе, чем указывалось им, Дм. Ив. не сердится, если нужно было так поступить, лишь скажет: «Ну и хорошо, что меня не послушались».

Одно лето Блумбах остался за управляющего Главной палатой. Давно ему хотелось использовать подвал под центральной комнатой, где помещалась лаборатория основных единиц мер длины. И вот теперь он решается это выполнить. Пробивает пол в комнате, отделяет подвал, окруженный со всех сторон глухой стеной. Устраивает особую чугунную лестницу — ход из центральной вниз. Тратит на это большую сумму и все (это по своей личной инициативе) без предварительных смет, пользуясь своим временным положением. Когда же было выполнено, пришлось ему не один раз поволноваться, как отнесется ко всему этому Д. И. Возвращается из-за границы Менделеев, идет в Палату, обходит лаборатории и заходит к Блумбаху. Последний сам не свой. Но Д. И. доволен и одобрил.

Менделеев был крайне независимым, и это сознавалось и им самим. При этом он отмечал, что «эта независимость не всем приятна». В сношениях своих с высшими чинами Д. И. не соблюдал рангов, что смущало некоторых его сотрудников и возмущало чиновников министерства.

Заботясь о развитии поверочного дела на Кавказе, Менделеев непосредственно сам написал наместнику Кавказа письмо, прося его оказать ему содействие в этом деле.

Путь же был иной. Д. И. должен был написать М-ру Торг. и Пр., а он уже войти с докладом к наместнику.

Когда узнали об этом сотрудники, то мне поставили в упрек, что я не удержал от такого шага Д. И., и указали, что наместник Кавказа не ответит. Получится конфуз.

В пятом часу пришел Менделеев в Палату, сел на диван в канцелярии. Вынул портсигар и стал крутить папиросу. Я ему говорю: «Д. И., говорят, что наместник Кавказа не ответит на Ваше письмо». — «Ну, что ж, только посмеемся, да так и запишем». Прошла неделя, кон-

чилась другая, ответа не было. Д. И. неоднократно спрашивал: «Пришел ли ответ?» Его стало даже несколько это беспокоить.

Но вот однажды приходит Михайло Тройников и говорит: «Вас просит Д. И.». Было около часу дня. Прихожу, Д. И. говорит: «Ответил, ответил Воронцов-Дашков» (т. е. наместник Кавказа). «Пишите!» И продиктовал длинейшее письмо Министру финансов, а копии разослал ряду других министров, прося их содействия в деле проведения реформы о мерах и весах. Письмо министру начиналось: «Снесясь с наместником Кавказа...» Слово «снесясь» являлось совершенно недопустимым.

Д. И. был расчетлив, но не скуп. Он помогал многим. Это особенно выявилось, когда пришлось, разбирая его бумаги после его смерти и изучая их, познакомиться с записями его расходов.

Карл Васильевич Фохт, директор 8-й гимназии, рассказывал, что Менделеев сам привозил плату за своего сына И. Д. При этом, давая деньги, говорил: «А это вот за того, кто не в состоянии заплатить. Только, конечно, не надо об этом...!»

Когда Д. И. выразил принципиальное согласие взять по морскому ведомству на себя предложение от правительства по разработке бездымного пороха, Морской м-р поручил чиновнику переговорить с Д. И. и выяснить вопрос об окладе, какой необходимо положить ему за эту работу.

Менделеев указал только: «Как можно меньше». Ввиду же некоторого смущения посланного спросил: «Ну, хорошо, а как у вас получают члены технического комитета?» — «Они как генералы получают по 2000 р. в год». «Ну, и мне как генералу, — сказал Д. И., — 2000 р.». Тогда чиновник указал, что он уполномочен предложить 30 000 руб. в год. «Нет, — сказал Менделеев, — 2000! 30 000 р. — кабала, а 2000 р. тьфу и уйду».

Это при мне Дм. Ив. рассказывал м-ру торговли М. М. Федорову. Последний был глубокий почитатель Д. И., что особенно выявилось после смерти Менделеева.

В 1900 году была Всемирная выставка в Париже. Д. И. решил командировать всех служащих и из мастерской механиков и столяра. В Министерстве чиновничество возмутилось. «Совсем ваш спятил», — говорили они и повели дело так, чтобы было отказано. Д. И. об этом

узнал и просто сказал: «Поддам в отставку, уйду. Денег у них не прошу, посылаю за счет сбережений от личного состава. Распоряжаюсь деньгами я». Решительность Д. И. знали, и, конечно, все были командированы.

Образ жизни Д. И. трудно определить. Он зависел от тех дел, которыми занимался он в данный момент, т. е. был случайный. Если вопросы, разрабатываемые им, его интересовали, Д. И. забывал о сне. Дни и ночи напролет сидит и пишет, пишет; себя не щадил. Во многих случаях с пером и заснет, очнувшись, снова тот же интерес к делу. В этих случаях и приглашал к себе часов в 9 утра, а то и раньше. Если же особого интереса не было в текущей работе, придешь к нему часов в 11, 12, он еще спит. Накануне этих дней он играл в шахматы. Придет в Палату Ф. П. Завадский в канцелярии Д. И. к нему. «Ну, как, Фома Петрович?...» — скажет подмигнув, а тот ответит: «Ладно... Это Менделеев приглашал играть Ф. П. вечером в шахматы, а тот соглашался прийти.

Партнерами Д. И. были А. И. Горбов⁷, С. П. Вуколов, А. М. Кремлев, К. Н. Егоров, очень редко Ф. И. Блумбах и А. И. Куинджи и др. В иных случаях Д. И. удерживал партнера до 4—5 часов утра⁸.

Когда Д. И. потерял на время из-за катаракты зрение, долгое время скрывал, что плохо видит. Подписывал бумаги наугад, но вот однажды написал не там, где надо было. Тогда при следующей бумаге я, взяв его руку, говорю ему: «Пишите так». Д. И. взглянул на меня глубоко благодарным взглядом, ничего не сказав. После этого спрашивал: «Так?»

После снятия катаракты много дней пришлось Д. И. сидеть с завязанными глазами. Домашние Д. И. и мы, служащие, читали ему; дела мной докладывались. В это время, не зная, что делать, Д. И. усиленно занимался клейкой чемоданов, столиков, ящичков. Кроил папку и другие материалы ему И. Д. — его сын. Во время чтения, слушая, Д. И., живо реагировал на прочитанное. «Как пахнет трупом», — восклицал он, когда одного из героев романа сажают в клеть, где лежат покойница, его жена, и ребенок. «Пять дней ничего еще не ели, а все идут и идут — замечает Д. И. и прибавляет: — Нет, это только в романах возможно».

Прощаясь, Д. И. говорил: «Ну вот и хорошо, все благополучно кончилось. Спокойно и уснуть можно. Много

убийств, самоубийств, все хорошо кончается, люблю такие романы».

У книжника Базлова Д. И. романы подбирала жена книжника. Знала его требования.

Д. И. горячо принимал к сердцу интересы созданной им Главной палаты мер и весов. С самого ее возникновения приходилось ему вести ожесточенную борьбу за это дело. Вначале он имел поддержку в лице друга своего Вл. Ив. Ковалевского⁹, а затем и С. Ю. Витте¹⁰. Но когда сошли со сцены эти деятели, стало труднее вести дело, но Д. И. стремился всячески развивать начатое, что требовало в иных случаях затраты многих сил. Часто возвращался он в полном унынии от Министра. Все хлопоты оказывались бесплодными. В дни после этих неудач Д. И. бывал крайне расстроен. Но если бывали какие-либо надежды на получение ассигнований, а в зависимости от этого перспективы дальнейшего развития поверочного дела, Менделеев оживал. Возвращался радостный, приглашал к себе сотрудников или сам приходил в Палату делиться своей радостью.

Однажды (Это было в 1904 г.) Министром был назначен В. Д. Плеске. Менделеев был у него. Он обещал Д. И. полнейшую поддержку. По возвращении Д. И. пригласил меня к себе, рассказав о том, что говорил Министр, а затем весело сказал: «Ну, я в баню и вам в баню, три дня не выходить за ворота. Обещал министру написать в эти три дня докладную записку о дальнейшем развитии Главной палаты и напечатать. Министр высказал сомнение, что это можно сделать в такой короткий срок. Но мы ему докажем!»

В трое суток, вернее сказать, а не в три дня, докладная записка была готова и представлена министру. Только успеха не было. Ее почти и не рассматривали в Государственном Совете, что глубоко огорчило Менделеева.

Немного спустя, в один из вечеров сажу у Д. И. Звонок. Михайло Тройников, служитель Д. И., приносит визитную карточку. Беру ее, читаю: «Делопроизводитель Государственной Канцелярии Неклюдов». Д. И., закрыв рот указательным пальцем, жестом показал, чтобы я пересел на стул направо от него и уступил свое место позвонившему. Затем сказал: «Проси, Михайло». Вошел молодой человек. Д. И. попросил его сесть. Объяснилась

цель прихода — председатель Государственного Совета Голубев просил Д. И. исправить «меморию», как называлась записка Гос. Совета, где излагалась суть дела докладной записки, поданной Плеске, и постановление Совета. Хотя ассигнований и не отпускалось Главной палате на дальнейшее ее развитие, она оказалась благоприятной для ее работы: расширялись права старших поверителей. Тогда Менделеев, обратившись к пришедшему, а затем и ко мне, сказал тихо: «Слушайте, ваши столоначальники умнее членов Государственного Совета. Ведь ничего из того, что здесь прочли, не говорилось в заседании Совета, анекдот, да и только. Скажите Голубеву, что все хорошо, так и оставьте». Тотчас же по уходе чиновника Д. И. написал представление в м-тво о том, чтобы большую часть поверителей сделали старшими, и тем самым Д. И. воспользовался еще до проведения закона предоставленным ему в будущем новым правом.

Если во время печатания Д. И. какого-либо его труда в печати появлялось новое в научной области, имевшее отношение к его труду, Менделеев немедленно же это вводил в корректуру.

При мне печатались два издания его «Основ химии». Мне пришлось видеть те огромные простыни — листы корректур этой книги; Д. И. корректуру некоторых листов держал по шестнадцати раз.

Много раз при мне задавался вопрос Д. И., как он открыл периодический закон, и, задавая этот вопрос, указывали Дм. И., что он гений. Д. И. почти всегда сердился и говорил: «Ну, какой же я гений. Трудился, трудился, всю жизнь трудился. Искал, ну и нашел».

Знаменитый английский историк и общественный деятель Джон Рескин высказал мнение: «Ни один факт не кажется мне столь ясным, ни один столь прочным во всемирном применении, как тот факт и закон, что все великие люди были и великими тружениками: надо удивляться количеству того, что они сделали во время жизни».

Д. И. Менделеев своею деятельностью еще раз подтвердил это мнение».

М. Н. Младенцев. Воспоминания о Д. И. Менделееве. (Рукопись). Научный архив Д. И. Менделеева при ЛГУ, фонд М. Н. Младенцева.

Н. Д. Зелинский

«...Д. И. Менделеев умел сочетать увлекательное и простое изложение предмета с глубокими теоретическими обобщениями, с постоянными указаниями на значение химии в жизни человека и промышленности.

«Основы химии» объединяли всех русских химиков, были связующим звеном между ними и Д. И., а потому все мы являемся его учениками, преданными и его научным заветам¹...

...Д. И. широко и глубоко смотрел на свой предмет, представлял себе все его значение для развития промышленности в дореволюционной России и много хлопотал и работал в этом направлении. Он ясно, видел, что «только независимость экономическая есть независимость действительная...» Занимался Д. И. и исследованием углеводородов русской нефти...

...Одно время Д. И. Менделеев вел работу над изучением русской нефти на нефтеперегонном заводе Рагозина близ Ярославля... На то, что русская бакинская нефть по своему общему характеру отличается от американской неиспользованной нефти, обладая большей плотностью, впервые обратил серьезное внимание Менделеев. В течение некоторого времени он сосредоточил свое внимание на тщательной фракционировке нефтяных углеводородов в особой им сконструированной колонке...².

...Высокоталантливые и гениальные люди рождаются, но воспитание имеет и в таких случаях чрезвычайно важное значение.

Д. И. всегда отмечал влияние своей матери на его воспитание, вспоминая ее с особенным чувством и благоговением. Одна из лучших работ Менделеева «О водных растворах»³ посвящена матери.

Советской учащейся молодежи память об этом большом и великом ученом и человеке должна быть так же дорога и незабвенна, как и всему старшему поколению русских химиков, которые имели счастье жить и работать в непосредственном общении с ним...».

Н. Д. Зелинский. Собрание трудов. Т. 4. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 492, 557, 558.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИЦ, ВСТРЕЧАВШИХСЯ С Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЫМ

М. А. Папков

«...При поступлении своем в Главный педагогический институт, я застал Дмитрия Ивановича на 2-м курсе физико-математического факультета...¹.

Лишь только я огляделся по поступлении в институт, я сблизился с Дмитрием Ивановичем. Меня поражало его пристрастие к чистой математике, несмотря на то что он ясно обнаруживал себя физико-химиком. К биологическим наукам он выражал тоже большое расположение. С профессорами зоологии Ф. Ф. Брандтом и ботаники Рупрехтом, которым он в письмах ко мне просит передать поклон, он был очень близок и сильно интересовался их науками.

В то время не было еще подразделения этих наук на отдельные отрасли, и каждый профессор этих двух наук последовательно читал все отрасли их.

Меня в то время поражала обширность взгляда Дмитрия Ивановича на проходимые в этом факультете науки. Однако он не ограничивался науками того факультета, а интересовался науками, проходимыми на историко-филологическом факультете, так как он успевал выбирать время, чтобы быть на лекциях профессоров и того факультета. Кроме того, он посещал мастерскую гальвано-пластических работ, устроенную в здании Академии наук.

От такого широкого и горячего интереса к наукам страдал его физический организм, выражаясь кровохар-

каньем и расстройством нервов². Для укрепления организма он некоторое время ходил в гимнастическое заведение Де-Рона, принадлежавшее морскому министерству, которое давало разрешение студентам пользоваться там пассивной и активной гимнастикой бесплатно. А что нервы его были расстроены и напряжены, я могу привести характерное его выражение. По окончании вечерних репетиционных занятий, которые мы производили в специальных для того залах, распределённых по курсам и по факультетам, мы часто предлагали Дмитрию Ивановичу сыграть с нами в шахматы. Он очень любил эту игру. Однако он большею частью отказывался, говоря: «Голубчики, не могу, ведь вы знаете, что я целую ночь спать не буду».

С профессором астрономии А. Н. Савичем он был в очень хороших отношениях. Обыкновенно мы просили его сходить к нему на квартиру, чтобы выяснить какой-нибудь вопрос, касающийся преподавания этого предмета. Иногда случалось Дм. Ивановичу ходить на дом к профессору высшей алгебры М. В. Остроградскому вместе со своим товарищем Сабининым и к профессору физики Э. Х. Ленцу с товарищем К. Д. Краевичем. С профессором химии Александром Абрамовичем Воскресенским Дмитрий Иванович Менделеев был в самых дружеских отношениях, с профессором минералогии и геогнозии С. С. Куторгой он также был весьма близок.

Все профессора уже и тогда видели, что перед ними был будущий великий ученый, слава и гордость России³.

В денежных средствах Дмитрий Иванович, как мне казалось, всегда был стеснен.

Когда в институте были беспорядки между студентами старшего курса по поводу недовольства их господствующем в институте режимом, особенно за установившееся наушничество, в котором подозревали нашего старшего надзирателя, Алексея Ивановича Смирнова, Дмитрий Иванович не принимал в этом движении никакого участия. Однако из его письма ко мне (уже по окончании курса из Одессы) видно, что он просит передать поклон надзирателю Александру Львовичу (фамилию его не помню), а не А. И. Смирнову...»

В книге М. Н. Младенцева, В. Е. Тищенко. Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 100, 101.

В. В. Стасов

«...Профессор Д. И. Менделеев рассказывал мне, что три такие поездки он совершил со своим товарищем и другом Бородиным в 1860 и 1861 годах: весной и осенью 1860 года по Италии, в 1861 году — по Швейцарии. «Пускались мы в дорогу с самым маленьким багажом, — говорит Д. И. Менделеев, — с одним миниатюрным саквояжем на двоих. Ехали мы в одних блузах, чтобы совсем походить на художников, что очень выгодно в Италии — для дешевизны; даже почти вовсе не брали с собой рубашек, покупали новые, когда нужда была, а потом отдавали кельнерам в гостиницах вместо на чай. Весной 1860 года мы побывали в Венеции, Вероне и Милане, осенью того же года — в Генуе и Риме, после чего Бородин поехал на короткое время в Париж. В первую поездку с нами случилось курьезное происшествие на железной дороге. Около Вероны наш вагон стала осматривать и обыскивать австрийская полиция: ей дано было знать, что тут в поезде должен находиться один политический преступник, итальянец, только что бежавший из заключения. Бородина, по южному складу его физиономии, приняли сразу именно за этого преступника, обшарили весь наш скудный багаж, допрашивали нас, хотели арестовать, но скоро потом убедились, что мы действительно русские студенты, — и оставили нас в покое. Какое было наше изумление, когда, проехав тогдашнюю австрийскую границу и въехав в Сардинию, мы сделались предметом целого торжества, все в вагоне же: нас обнимали, целовали, кричали «виват», пели во все горло. Дело в том, что в нашем вагоне все время просидел политический беглец, только его не заметили, и он благополучно ушел от австрийских когтей».

В. В. Стасов. Александр Порфирьевич Бородин.
«Исторический вестник», XXVIII, 147, 148 (1887).

В. В. Рюмин

«...Крупная, яркая фигура Дмитрия Ивановича, его громадное значение в истории русской науки, его широкая популярность во всех кругах дают право его учени-

ку, мне, поделиться с читателями воспоминаниями о нем: воспоминаниями отрывочными, мелкими, но характеризующими интересную личность Д. И.

До 1863 года Петербургский технологический институт был закрытым учебным заведением. Только с этого года институт занял положение, равное остальным высшим техническим учебным заведениям.

Под руководством бывшего тогда директором горного инженера Я. И. Ламанского институт стал быстро прогрессировать, и в 1863 году у нас на кафедре появился Дмитрий Иванович, уже и тогда имевший репутацию серьезного химика. В институте Д. И. читал органическую химию и заведовал лабораторией, при которой была и его квартира. В то время Д. И. был сравнительно молодым человеком — ему было около 30 лет (родился он 27-го января 1834 г.). Знаменитая «Система элементов» еще не была опубликована, напечатана была только его «Органическая химия», но его известность, как выдающегося работника и необычайно точного экспериментатора, была уже прочно установлена.

С переходом на II курс мне предстояло знакомство с Д. И. Первое впечатление живо и до сих пор: длинные волосы, некоторая небрежность костюма, нервные, порывистые движения, особая манера разглаживать бороду сзади наперед, глубокий взгляд, своеобразная интонация несколько глухого голоса — отличали Д. И. от большинства наших профессоров.

Читал свои лекции Д. И. тоже не так, как остальные: его речь была отрывиста, не всегда лилась гладко, но положения его были точны, в наши головы они вклинивались и отчетливо врезались в память.

Иногда он, увлекаясь сам, не замечал, что далеко отошел от курса, унесся в область, нам недоступную, в область химической фантазии, и тогда, спохватившись, останавливался, улыбался, глядя на нас, и, расправляя бороду, говорил: «Это я все наговорил лишнее, вы не записывайте».

Между ним и аудиторией существовала какая-то неясно ощущаемая, но прочная нравственная связь. Однажды, во время его лекций, многие, действительно простуженные, расчихались и раскашлялись особенно сильно. Д. И. остановился, посмотрел на нас и довольно резко сказал, что будет впредь ставить в аудитории капли даг-

ского короля. Никто этим не был обижен, и, когда он после лекции признался, что был несколько резок, мы его уверили, что не чувствуем ни малейшей обиды.

Вообще в лаборатории, делая разъяснения и замечания студентам, Д. И. бывал подчас раздражен и отпускал фразы, вроде того, что «ни одна кухарка не работает так грязно, как вы». Но это не портило отношений: говорил он это нам, как равным, и сам сносил ответы не всегда почтительные и корректные, отвечая на них остроумными и меткими шутками. Его отношения всегда дышали доброжелательством, и важен был их смысл, и не форма. Зато он научил нас работать в лаборатории так чисто и аккуратно, как ни до, ни после него не работали.

Мне выпала особенно приятная работа под его непосредственным наблюдением; работая новым в то время аппаратом — спектроскопом, при помощи которого надо было сделать анализ остатков в камерах завода серной кислоты. Работа эта сблизила молодого студента и молодого профессора; его влияние было сильно и навсегда укрепило те приемы работ, которые мелки сами по себе, но в общем имеют большое значение. Все прошедшие школу Д. И. и оставшиеся в лабораторной практике вспоминают его указания с особою благодарностью и любовью.

Д. И. прекрасно работал со стеклом: для своих точных работ сам приготавливал себе термометры, ареометры и пр. Был в числе студентов некто П-в, человек почти одних лет с Д. И. и тоже недурно работавший на паяльном столе (для многих работ нужно гнуть стеклянные трубки, запаивать их, выдувать шары и т. п.). Стол в лаборатории был только один, и, если за ним сидел П-в, а Д. И. надо было запаять трубку или выдуть что-нибудь, он терпеливо ждал несколько минут, затем начинал волноваться и отпускать шутки на счет медленности работы П-ва, уверяя его, что трубка лопнет. П-в хладнокровно кончал работу, уступая место, и сам оставался у стола. Д. И. начинал нервничать, а П-в спокойно замечал ему: «Вот у Вас так лопнет, надо гнуть медленнее». Трубка действительно лопалась. П-в торжествуя заявил: «А, что, говорил я: не торопитесь» — и отходил от стола под ворчание Д. И.

С тем же П-м помню такой случай. Д. И. задал ему приготовить какое-то редкое вещество. На вопрос: «Из

чего его приготовить?» — Д. И. буркнул: «Из воздуха». Он любил, чтобы студент в таких случаях сам порылся в литературе, искал, обдумал и только тогда шел к нему за окончательным решением. П-в этого не сделал; обдумав план работы, он самостоятельно приступил к ней. Подходит Д. И., спрашивает: «Ну, из чего же вы получаете?» Ничтоже сумняшеся П-в отвечает: «По вашему совету — из воздуха». Такие стычки несколько не портили отношений между ними: глубоко уважаемый всеми, Д. И. верно понимал свое влияние и отношение к нему слушателей. Конечно, и П-в после того, как от него отошел профессор, сам пошел к нему и подал написанный им план работы, который и был вполне одобрен.

Д. И., кроме громадного количества знаний, которыми он обладал, был химиком с глубоким чутьем. Нередко от него можно было услышать: «Ну, знаете ли, по сообщениям, эта реакция должна идти так, как Вы говорите, только тут что-то не так, я чувствую, что не так — не пойдет». И чувство его не обманывало. Его слова: «Химик должен во всем сомневаться, пока не убедится всеми способами в верности своего мнения» — остались навеки в памяти его учеников, и каждый из них, делая анализ, проделывал его со всеми тонкостями и тогда только решительно говорил о результатах.

Нередко Д. И. давал для анализа такие соединения, которые обычно не дают: так, он давал чистую воду, с целью убедить студента в необходимости прежде всего выпарить каплю данного для анализа раствора для того, чтобы не возиться напрасно, полагаясь на слова дающего анализ, что дан действительно раствор.

Мне с Д. И., хотя и не часто, приходилось встречаться и после выхода из института. Помню, ехал я однажды зимою по Николаевской дороге из Москвы и на дорогу купил себе какой-то бульварный роман. Дело было зимою. После Твери вваливается в вагон какая-то странная фигура в полушубке, в сибирском малахее на голове, в валенках, обвешенная сумками. Присматриваюсь — вижу Д. И. Возле меня было свободное место, на которое он и сел. Сумки свои повесил на крючки, размотал шарф, и, узнав меня, разговорился. Ехал он из своего имения на лошадях до станции, и потому был в таком необычном костюме. Тогда уже вышла в свет его система элементов, слава его росла, и, понятно, мне — молодому химику —

было интересно встретиться с ним. Но лежавший около меня роман — такая несерьезная вещь — меня крайне конфузил: по моей молодости я, конечно, серьезничал не в меру и очень заботился, чтобы быть возможно более солидным. Стараясь спрятать книгу, я невольно обратил на нее внимание Д. И. и окончательно смутился. Но оказалось, что Д. И. сам любил подобное чтение и притом не только в дороге. Он объяснил значение подобных книг как хорошего отвлекающего средства: «Знаете ли, не думать совершенно я не умею, а чувствую — надо отдохнуть мозгу. Ну и возьмешь такую книжку, которая сама мыслей никаких не возбуждает, а читается легко — вот и отдых». Со временем я увидел, что это средство применяется многими. При такой же встрече в вагоне, спустя несколько лет, Д. И. отказался от книги и заявил: «Я теперь лучше придумал: вожу с собой карты и раскладываю пасьянс. Места карты занимают мало, а комбинаций в пасьянсе масса — и занимательно, и голова отдыхает».

В дорожных сумках у Д. И. обыкновенно были разные лекарства, вроде нашатырного спирта, гофманских капель и т. п. Запас этот в те времена был необходим не только в глухой деревне, но и в вагоне как для себя, так и для соседей-пассажиров. Д. И., предусмотрительно относившийся ко всему, и здесь остался верен себе.

Приходилось встречаться с Д. И. и после, когда о нем уже много говорили и писали. Из этих встреч упомяну только о встрече в Париже, на бывшей там в 1881 году электрической выставке. Там Д. И. останавливал внимание русских техников на разнице между русской и французской промышленностью, душою скорбел о нашей отсталости, но все же подчеркивал быстрый ход развития России. Он говорил, что, идя таким темпом, Россия не только догонит, но и перегонит иностранцев. Горячо любивший Россию, он не зарылся исключительно в химию, но отдавал много времени изучению промышленности и экономического быта Родины. Его книга «К познанию России» произвела большое впечатление у нас и за границей. Ее оценили и особенно в Америке поняли знания Д. И. как экономиста.

Сам сделавший переворот в химических взглядах, к концу жизни он, подобно Бунзену, относился далеко не сочувственно к новаторам¹, не хотел слышать о возмож-

ности трансмутации элементов², хотя его система элементов сама давала толчок к признанию возможности образования известных нам простых тел из одной первичной субстанции.

Несмотря на всю известность, на широкую деятельность его на разных поприщах, в России все же меньше ценили Д. И., чем за границей.

Велики заслуги Д. И., и Родина должна гордиться таким ученым, не забывать его и не ставить ему в упрек тех мелочей, которые свойственны каждому человеку: то возвышение русской химии, которое обязано ему, должно своим светом удалить малейшие тени на его памяти».

В. В. Рюмин. Из воспоминаний о Д. И. Менделееве.
«Вестник знания», № 1, 58—61 (1917).

В. А. Поссе

«...Ректором университета в то время был профессор ботаники, академик Фаминцын¹. Этого высокого художавого старика с умным, серьезным лицом ученого я часто встречал в доме его друга П. П. Храповицкого². Фаминцын, отдававший все свои умственные силы научным работам, мало интересовался политикой. Тем не менее он был арестован и посажен в предварилку, как фамилярно называли дом предварительного заключения.

Просидел он, кажется, только несколько дней. Не помню, до ареста или после ареста Фаминцын получил приказ генерала Гурко³ явиться к нему. Приказ был получен во время заседания университетского совета. Фаминцын собрался тотчас ехать.

«Постойте, — сказал знаменитый химик профессор Менделеев, — я поеду с вами. Одному вам с ним не справиться».

О том, что произошло в кабинете у Гурко, рассказывали мне и мой брат, и Храповицкий.

Вошедших профессоров генерал встретил фельдфебельским криком. Смущенный Фаминцын молча слушал, как Гурко кричал, что сам придет в университет и не только студентов, но и профессоров согнет в бараний рог.

Сначала молчал и Менделеев. Но затем, потрянув своей львиной головой, стал тоже кричать своим басом с

характерным для него оканьем. Кричали оба, но скоро голос генерала стал ослабевать, и слышны были только менделеевские громы:

«Как вы смеете мне грозить? Вы кто такой? Солдат и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто я такой. Имя Менделеева навеки вписано в историю науки. Знаете ли вы, что он произвел переворот в химии, знаете ли вы, что он открыл периодическую систему элементов? Что такое периодическая система? Отвечайте!»

О периодической системе Гурко, вероятно, не имел понятия. Это его смутило. Свидание закончилось торжеством науки. Энергичным жестом распахнув двери кабинета, Менделеев спокойно, но внушительно сказал, обращаясь к Фаминцыну:

«Пойдемте. Он теперь не пойдет разносить университет».

В. А. Поссе. Воспоминания. Т. 1. Л., «Молодость», 1933, стр. 43.

С. Ф. Глинка

«После кончины Н. Н. Зинина¹ (в феврале 1880 года) в Академии освободилась кафедра химии и возник вопрос о замещении ее. А. М. Бутлеров был всегда высокого мнения о Д. И. Менделееве, как о выдающемся русском химике, и, конечно, прежде всего вспомнил о нем. В это время отношения между Бутлеровым и Менделеевым были несколько испорчены по следующим причинам: Менделеев незадолго перед этим провел систематическую борьбу со спиритизмом, которым усердно занимался Бутлеров, прочитал лекцию и напечатал книгу против спиритизма², кроме того, он отрицательно отнесся к учению о структуре органических соединений, которое развивал Бутлеров в Университете на своих лекциях, иногда позволял себе резкую критику в этом направлении³. Как мне пришлось слышать, на той же почве во время съезда естествоиспытателей и врачей в 1879 г. по поводу доклада одного из учеников Бутлерова у него произошло довольно резкое столкновение с Менделеевым. Несмотря на все это, Бутлеров продолжал относиться к Менделееву с полным беспристрастием. Однажды он показал мне

только что полученную им книгу английского химика Рейнольдса⁴, присланную ему автором, и сказал: «Рейнольдс оспаривает первенство Менделеева в открытии им периодической системы элементов, но ведь Менделеев один предсказывает новые элементы». Это было сказано после открытия галлия и скандия, но раньше открытия германия, что, как известно, произошло в 1886 г. Лотар Мейер и Ньюлэндс, которые являются соперниками Менделеева в основании периодической системы элементов, как справедливо сказал Бутлеров, новых элементов не предсказывали. Описание свойств экакремния и его соединений, сделанное Менделеевым за 15 лет до открытия соответствующего этому элементу германия, говорит само за себя.

Как-то в начале осени 1880 г., когда я был у Бутлерова, он разбирал бумаги и нашел среди них письмо от одного из провинциальных химиков⁵, не имевшего, впрочем, отношения к университетам, в котором он просил А. М. иметь его в виду при замещении вакантной кафедры в Академии. Письмо это было прислано еще летом, во время отсутствия А. М., и он тотчас же написал на него ответ, извиняясь в промедлении и объясняя причину; он написал, что, делая представление в Академию о замещении вакантной кафедры химии, он, согласно § 2 действовавшего тогда устава Академии, должен будет представить Д. И. Менделеева. Стало известным, что президент Академии Литке, непреременный секретарь Веселовский и большинство академиков являются решительными противниками кандидатуры Менделеева, противопоставляя ему профессора Технологического института Бейльштейна⁶. Менделеев был забаллотирован. После этого профессора университета в виде протеста устроили обед в честь Менделеева, во время которого говорены были соответствующие речи⁷; полемика в газетах, которая началась еще раньше, оживилась особенно теперь. Статьи против Менделеева появились преимущественно в *St. Petersburgger Zeitung*. Вопрос перешел на национальную почву и обострился еще более. Я не буду останавливаться на подробностях этой борьбы, которая завершилась окончательным забаллотированием Менделеева, представленного вторично, и избранием Бейльштейна. На другой день после заседания Академии, на котором была решена судьба Менделеева, мне случилось

зайти в академическую библиотеку, и при мне шел разговор между академиком и лицом из штата библиотеки; академик говорил, что Менделеева невозможно было допустить в Академию из-за его тяжелого характера; других причин неизбрания Менделеева в члены Академии он не приводил.

Другим и еще более печальным эпизодом в жизни Менделеева является оставление им университета; подробное описание этого эпизода отвлекло бы меня слишком далеко и на нем я останавливаться не буду. Менделеев был немислим без лаборатории и без университетской кафедры; не попав в Академию и выйдя из университета, он остался без того и без другого. Как известно, впоследствии он имел занятия в Министерстве финансов.

Однажды весной 1891 или 1892 года, ранним утром, в холодную и ветреную погоду я, взглянув в окно своей квартиры, которую имел в одном из зданий Института инженеров путей сообщения, увидел, к своему удивлению, Менделеева, который в шубе нараспашку бегал по обширному двору института и, видимо, кого-то разыскивал. Я поспешил к нему на помощь. Увидев меня, Д. И. сказал: «Вот, полюбуйтесь, до чего я дожил на старости лет — вчера до 12 часов ночи сидел в заседании, теперь рано утром (было не более 9 часов) бегаю; не знаете ли вы, где живет N (он назвал одного из живших в институте, который раньше был в Баку на нефтяных заводах)?» Я указал ему, где живет N, с которым он хотел посоветоваться по вопросу, затронутому на бывшем накануне заседании. Эпизод этот случайного характера открыл мне ту обстановку, в которой должен был жить и работать Дмитрий Иванович в возрасте, близком к 60 годам.

Светлыми проблесками на этом темном фоне жизни Д. И. Менделеева были его поездки в Англию, где он получил медаль имени Гэмфри Дэви за свои труды. В связи с этим интересно сопоставить следующие строки из предисловия к изданию «Основ химии» в 1906 г.: «Когда (1897 г.) явилось второе и особенно третье в (1905 с 7-го русск. издания) английское издание, мне стало очевидным, что этою книгою пользуются английские и американские студенты, чего, признаюсь, ожидать никак не смел и что глубоко тронуло мое русское серд-

це». Эти слова очень грустно читать: чувствуется, что Д. И. среди равнодушия и недоброжелательства соотечественников отдыхал душою, находя сочувствие среди чужеземцев.

Время до назначения Д. И. на место управляющего Палатою мер и весов, где он мог наконец устроить себе лабораторию, и устройства ее мне представляется периодом скитания его в тщетных поисках лучшего — ему было 56 лет, когда он должен был оставить университет, а в такие годы всякая жизненная ломка переносится нелегко.

Палата мер и весов находится против Технологического института, где Д. И. в 1864 г. начал свою профессорскую деятельность и где, вероятно, провел лучшее время своей жизни, когда полный надежд он вступил на ту дорогу, которая превратилась впоследствии в тернистый путь...»

С. Ф. Глинка. Личные воспоминания о Менделееве. Почему Д. И. Менделеев не был избран в Академию наук. «Журнал химической промышленности», т. 2, № 1 (7), 25—27 (1925).

Н. А. Меншутки

«Записка об ученых трудах Д. И. Менделеева

Перед баллотированием профессора Д. И. Менделеева на первое пятилетие ф[изико]-математический факультет постановил прочесть записку об ученых трудах Д. И. и поручил мне ее составить. Если бы не это поручение, я бы не решился сегодня возвысить свой голос, так как ни положение мое в науке, ни отношение к Д. И., [в котором] одному из моих учителей, не позволили бы мне это сделать.

Мне не приходится разбирать деятельность Д. И. как члена Совета, так как [его деятельность] она прошла у Вас на глазах. Вам знакома отзывчивость Д. И. и его горячее участие в решении большинства вопросов, которые нам приходилось обсуждать. Я потому ограничусь в этой записке очерком учебной и ученой деятельности Д. И. Менделеева.

В дело преподавания химии Д. И. внес большую лепту и составлением учебных книг по всем отраслям химии, равно как характером своего преподавания. Помню, с каким интересом, еще будучи студентом, мы встретили появление в 1861 году его органической химии. В то время эта книга была единственною у нас в России [...], стоящею на высоте науки, да и при сравнении с иностранными сочинениями выделялась интересом, ясностью изложения и совершенно своеобразною цельностью. Это сочинение выдержало два издания. В 1864 году издана Д. И. Менделеевым аналитическая химия Жерара и Шанселя, в которую Д. И. внес много существенных дополнений, напр[имер] определение плотности паров и газов и оптическую сахарометрию. В 1868 [он] Д. И. начал печатание своего замечательного сочинения «Основы химии», «которое [уже] [теперь] расходуется уже 3-м изданием. Если, быть может, это сочинение и трудно доступно для первоначального ознакомления с химией, то несколько знающему, скажу даже более, специалисту-химику это сочинение представляет неисчерпаемый запас интереса и новизны. [Не одна] Важные мысли[б]и, [здесь высказанная] щедрою рукою рассыпанные по всему сочинению, без сомнения, вызовут не одн[у]о исследование. [Вот что один] Говорить ли о лекциях Д. И.? Воодушевленное отношение к предмету чтения, горячее, даже страстное его изложение, невольно увлекают слушателя. Этим [...] внешним качествам речи отвечает содержание лекций, редкое по разносторонности и особенно по высоте мысли. [Н] Считаю не лишним указать, что многие из студентов нашего разряда, перейдя на второй курс, вновь вторично ходят слушать Д. И. Вот что сделано Д. И. в дел[у]е преподавания. Смело можно сказать, что редкий из нас столько же сделал для успеха преподавания предмета.

Разносторонность таланта Д. И. делает для меня трудным сделать перед Вами, М. Г., очерк его ученых трудов. Лежащий передо мною список трудов Менделеева столь велик, что я не решаюсь его прочесть, боясь утомить Ваше внимание, и остановлюсь лишь на более обширных и отдельных сочинениях. Составление каждого из этих сочинений сопровождалось появлением плеяды исследований по тому же предмету. В 1875 году Д. И. издал большое [сочинение] «Об упругости газов»,

в 1876 году «О барометрическом нивелировании и применении для него высотомера», в 1877 году — «Нефтяная промышленность в С. Американском штате Пенсильвания и на Кавказе», в 1880 году — «О сопротивлении [воздуха] жидкостей и о воздухоплавании». Первые из приведенных трудов принадлежат области физики или стоят на границе между физикой и химией; [...] они заключают между прочим описание многих оригинальных приборов, напр[имер] дифференциального барометра, высотомера, весов особого устройства и т. п. ...Сочинение о нефтяной промышленности, написанное после поездки в С. Америку, помимо научного интереса (здесь, напр[имер], разобран [важный] вопрос о происхождении нефти) представляет важное экономическое значение. Появлению этого сочинения предшествовало представление Д. И. записки г. министру финансов о необходимости снижения акциза с нефти. Последнее, как известно, осуществилось. Благодаря этому производство нефти на Кавказе в короткий промежуток 2 лет устроилось и достигло в 1879 году до 5 миллионов пудов. Занятие метеорологией, интерес исследования верхних слоев атмосферы привели Д. И. к изучению вопроса о воздухоплавании. Первый выпуск сочинения, посвященного этому предмету, [и] заключающий исследования о сопротивлении жидкостей, как я уже указывал, появился в свет.

Я еще не упоминал об исследованиях в области сельского хозяйства. Укажу, что Д. И. [был] душою обширных сельскохозяйственных опытов над влиянием удобрений, предпринятых Вольно-экономическим обществом с 1868 по 1872 годы. При всей разносторонности этих трудов нельзя не признать, что [в] каждое из них свидетельствует о силе и оригинальности таланта Д. И.

Химику, однако, приятнее далее остановиться на трудах Д. И. по химии, тем более что именно эти труды доставили Менделееву знаменитость. Я не стану останавливаться на химических исследованиях небольшого объема, все они исчезают перед величиною значения открытого Менделеевым периодического закона... Периодический закон есть закон природы, [он] останется навсегда в науке...»

Н. Меншуткин. 5 мая 1880 г. ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5646.

Ф. М. Флавицкий

Письмо Ф. М. Флавицкого к жене из Спб. от 16 сентября 1883 г.

«...Отправился в университет, там узнал, что Бутлерова нет, и мне сказали, что его не будет до конца месяца, так что, пожалуй, с ним и не увижусь. С первым встретился в университете со Львовым. Немного погодя, пришел в лабораторию Менделеев и, потолковавши немного, пригласил к себе на обед. Что за голова у этого человека! В сущности несколькими фразами он мне дал такой материал, что я стал вдвое опытнее. Менделеев очень хорошо отнесся к моей работе над смолами и одобрил мои планы. Он посоветовал сначала переговорить с разными служебными лицами, даже не причастными к Министерству государственных имуществ, и тогда только представить докладную записку министру. Она, по его мнению, необходима, но не должна быть более листа, иначе и не прочтут. Когда я сказал, что имею намерение изложить вопрос в литературной форме, Менделеев сказал, что Боже меня сохрани сделать это раньше выяснения вопроса в Министерстве, так как значило бы провалить вопрос...

Менделеев был ко мне чрезвычайно любезен, как я и не мог ожидать».

Письмо Ф. М. Флавицкого к жене из Спб. от 17 сентября 1883 г. «...в 11 час. отправился к Писареву, бывший управляющий Гос. им. в Казани, а теперь вице-инспектор Лесного департамента. Писарев принял меня до невероятности любезно и снабдил меня самыми даже мелочными советами. Так, не советовал приобретать фрак, а явиться в сюртуке. По его мнению, надо прежде представления Министру, привлечь внимание Товарища его, Вешнякова, к которому посоветовал отправиться со своими брошюрами и при представлении послать свою визитную карточку с припиской: доктор химии, доцент Каз. ун-та. Оказывается, и министр и товарищ министра — университетские и на них своей ученой степенью могу импонировать... минут через 5 вышел Вешняков... Я объяснил ему свою просьбу, предложил докторскую диссертацию и о смолах. Сначала Вешняков стал говорить, что мне следует обратиться к частным средствам, но потом согласился, что в этом заинтересовано прави-

тельство. Когда же, на его вопрос, кто направил меня к нему, я сказал, что Менделеев и Арнольд, Вешняков обещал переговорить с министром, если увидит, а мне советовал составить записку и с нею представить свои работы, относящиеся до смол...»

С. Ф. Флавицкий. К истории возникновения подочного хозяйства в СССР. «Успехи химии», 17, вып. 2, 268 (1948).

В. Н. Чичерин

«...Результатом моей пятилетней работы была выработанная мною система химических элементов, которую я изложил письменно. Но так как это дело для меня совершенно новое, то я предварительно хотел иметь совет человека, сведущего в математических науках. С этой целью, будучи в Москве, я обратился к профессору Слудскому, с которым давно был в хороших отношениях. Он познакомился с первыми главами моего сочинения, оценил мой труд, сделал некоторые замечания, но, не будучи химиком, советовал обратиться к Менделееву. С последним я был слегка знаком еще с Гейдельберга¹, а затем опять встретился в Москве на Техническом съезде, когда я был головою. Я послал первую главу моего исследования с письмом, в котором говорил, что он, вероятно, очень удивится, увидев, что юрист берется за химические исследования, но что на старости лет, имея досуг, занялся этими вопросами и пришел к некоторым выводам, которые и подвергаю его суду. Несколько дней спустя я пошел к обедне в домовую церковь дома князя Голицына, где мы квартировали. При выходе смотрю: стоит Менделеев: «Я к вам приехал прямо с железной дороги, — сказал он, — я получил ваше письмо перед самым отъездом из Петербурга на юг и в этот же вечер сделал о нем сообщение в заседании Русского физико-химического общества². Все этим заинтересовались, и теперь ваше открытие занесено в протокол. Но я успел пробежать только первые страницы, и вот я приехал к вам, даже не переодевшись, чтобы просить у вас дальнейших разъяснений. Возьмите карандаш и покажите мне все, что вы вывели». Я объяснил весь ход моей мыс-

ли. Он слушал с величайшим интересом, расспрашивал толково и подробно обо всем и настаивал на том, чтобы я непременно напечатал свою статью в «Журнале Русского физико-химического общества»³. Сам он тут же написал редактору записку, в которой вместе с тем предлагал меня в члены общества⁴. Позавтракав у нас, он отправился к Столетову⁵, которому с восторгом говорил о моем исследовании.

Это был один из хороших дней моей жизни. Результат нескольких лет усидчивой работы оценен одним из самых видных деятелей современной науки. Я думал, что попал наконец в такую область, где можно работать не в полном одиночестве, как я делал доселе, а находя поддержку, критику и оценку. Но это была только мимолетная мечта. Менделеев вскоре после нашего свидания упомянул о моей работе на происходившем в Англии юбилейном празднестве в память Фарадея; при этом он заявил, что надобно дождаться окончания исследования, прежде нежели произнести о нем настоящее суждение. Но окончания не вышло, а он молчал. Я писал ему, прося дать какой-нибудь отзыв, говоря, что я, человек новый в этой области, зажег свой собственный светильник и иду во тьме крошечной по никем еще не пробитому пути, а потому нуждаюсь в освещении со стороны: он ответил, что теперь занят другим...»⁶.

Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. «Земство и Московская дума». М., «Север», 1934, стр. 312, 313.

Е. А. Роговский

«...После окончания курса в С.-Петербургском университете я встречал Дмитрия Ивановича в заседаниях физического отделения Русского физико-химического общества, где он изредка бывал, посещая преимущественно заседания химического отделения этого общества.

В августе 1887 года видел Дмитрия Ивановича в имении графа Олсуфьева Никольском¹. Русское физико-химическое общество снарядило в этом году две экспедиции для наблюдения полного солнечного затмения 7 августа 1887 г. Одна экспедиция была отправлена в

Красноярск, другая — близ станции Николаевской дороги Подсолнечной Клинского уезда. Там экспедиция во главе с профессором Н. Г. Егоровым² нашла гостеприимный приют в имении графа А. Олсуфьева Никольском. В числе участников этой экспедиции был и я. Невдалеке находилось имение Д. И. Менделеева. Погода в дни до затмения была ужасная: небо все время было закрыто тучами, и часто лил дождь, так что дороги стали отчаянными. И вот дня за два до затмения в Никольское прискакал на тройке, загнав одну лошадь, Дмитрий Иванович, весь забрызганный грязью. Не надеясь увидеть корону Солнца на земле, он решил взлететь на воздушном шаре выше облаков, и приехал в Никольское, чтобы получить некоторые сведения от профессора Н. Г. Егорова и других членов экспедиции относительно наблюдения солнечной короны. Часа через 1½ он простился. Помню одну фразу, сказанную им при прощании: «Я не боюсь летать, а боюсь того, что при спуске мужики примут меня за черта и изобьют». Рассказывают, что, когда, сев в Клину перед затмением в корзину воздушного шара вместе с Кованько³, начальником воздухоплавательного парка, Дмитрий Иванович заметил, что шар, веревочные сети которого намokли от дождя, не в состоянии поднять двух наблюдателей, он обратился к г. Кованько с требованием выйти из корзины. Так как шар был военного ведомства и г. Кованько был его начальником, то он отказался выйти из корзины, но Д. И. Менделеев пригрозил выкинуть его из нее, если он не сойдет добровольно. Г-ну Кованько ничего другого не оставалось делать, как исполнить требование, так энергично выраженное, и Дмитрий Иванович полетел один и поднялся выше облаков и, таким образом, мог наблюдать корону. Дмитрий Иванович совершил полет впервые, и этот случай показывает всю энергию и стремительность натуры Дмитрия Ивановича, не останавливающейся не только перед затруднениями, но и перед явною опасностью.

Когда Дмитрий Иванович был назначен заведующим Главною палатой мер и весов в С.-Петербурге, я был там и виделся с ним. Благодаря инициативе и деятельности Дмитрия Ивановича Палата мер и весов стала образцовым научным учреждением, могущим стоять в одном ряду с подобными же учреждениями за границей, и в ней было что видеть. Не говоря об образцовом устрой-

стве отделений с компараторами, позволяющими измерять метры с точностью до 0,001 мм, весовых отделений с весами, которые дают возможность измерять килограммы с точностью до 0,01 мгр, отделения для проверки термометров до 0,001°, барометров до 0,01 мм и отделений для электрических измерений, при каждом посещении можно было видеть что-либо новое, представляющее последнее слово науки в области точных измерений.

Можно было видеть автоматический компаратор, который сам, при помощи электрического двигателя, производит сравнение мер; особая рама подхватывает последовательно то одну, то другую меру, и рычаг отмечает на вращающемся барабане самые ничтожные разности в длинах, можно таким образом передать прибору две сравниваемые меры, пустить в ход электрический двигатель и удалиться, заперев комнату на ключ: прибор сам производит без конца сравнение мер и записывает результаты этого сравнения. В другой раз можно было видеть грандиозную Аत्वудову машину в 35 метров высоты, помещающуюся в трубе из котельного железа, 1,08 метра внутреннего диаметра, с двойными стенками, между которыми может пропускаться вода для поддержания постоянной температуры. Можно было видеть приготовления к опытам в том же помещении над качанием маятника в 35 м длины и золотым шаром стоимостью в 75 000 руб. из золота, данного во временное пользование министерством финансов, и многое другое.

При посещении Д. И. Менделеева велись обыкновенно разговоры на научные темы, но нередко затрагивались общественные и политические вопросы. В последнее мое посещение, имевшее место в половине июня 1906 года, речь зашла о последних открытиях в области радиоактивности тел, и Дмитрий Иванович очень недружелюбно отнесся к идеям Резерфорда и Содди о превращениях элементов⁴, он заявил себя сторонником их постоянства. Разговор перешел на общие и политические темы, как это нередко бывало и раньше; так как это было перед моей поездкой в Лондон, то речь зашла об Англии и англичанах. Дмитрий Иванович с глубоким уважением отзывался об англичанах, но в качестве русского патриота враждебно относился к Англии, как государству и к ее политике. Разговор закончился игрой в шахматы, которую Дмитрий Иванович очень любил, и мог ли я ду-

мать, что вижу в последний раз этого полного сил и энергии старика!»

Е. А. Роговский. Из личных воспоминаний о **Д. И. Менделееве.** «Труды Общества физико-химических наук при Императорском Харьковском университете», 1908, ч. 35, в. 1. Отчеты о заседаниях в 1907 г., стр. 1—5.

М. Ф. Фрейденберг

«...У меня было довольно богатое «техническое» прошлое, так как с отроческих лет я питал необычайное приращение ко всякому ремеслу, ко всякой, так сказать, механике... Особняком стоит мое увлечение воздухоплаванием. В 1879 г., т. е. задолго до Цеппелинов¹ и Сантос-Дюмонов², я решил соорудить управляемый воздушный шар и по этому поводу вступил в переписку с обществом воздухоплавания в Париже, а затем с проф. Менделеевым. По указаниям знаменитого ученого (подробное письмо его с наставлением, как получить необходимый раствор резины для оболочки, хранится у меня как реликвия)³, я соорудил громадных размеров шар и на нем совершил в 1881 году ряд полетов, подробно описанных в одесском журнале «Маяк»⁴. Воздухоплавательные опыты вовлекли меня в долги, и я принужден был бросить начатое дело...»

М. Ф. Фрейденберг. Воспоминания изобретателя (9 августа 1913 г.). (Рукопись). Центральный музей связи им. А. С. Попова. Исторический архив. Фонд М. Ф. Фрейденберга.

«Увлекаясь воздухоплаванием, я с давних пор мечтал совершить воздушный полет. Такой случай представился. В Одессу приехал воздухоплаватель-самоучка Лаврентьев⁵, и я убедил его взять меня с собою за плату. После воздушной экскурсии, приведшей меня в восторг, я решил обзавестись собственным аэростатом и летать. Увлекаясь все больше и больше, я рисовал себе воздушный корабль, снабженный винтом и рулем...

На запрос в Париже, как построить аэростат, мне советовали этого не делать, а приобрести готовый за

шесть тысяч франков. Таких денег у меня не было, и мне пришлось в голову обратиться за содействием к Менделееву, который перед тем совершил полет в Клину⁶. На мою просьбу не отказать мне в необходимых указаниях знаменитый химик ответил обширным письмом, в котором дал ряд важных советов, донельзя облегчивших мою задачу. В июне я приступил к сооружению шара, а в июле совершил первое воздушное путешествие».

«Двадцать пять лет цензорской опеки. Литературные воспоминания (16 января 1913 г.)». (Рукопись). Центральный музей связи им. А. С. Попова. Исторический архив. Фонд. М. Ф. Фрейденберга,

С. Л. Толстой

«...В июле 1888 года я поехал в имение Олсуфьевых Никольское-Горушки (Обольяново), Дмитровского уезда, к своим товарищам Михаилу и Дмитрию Олсуфьевым, где они проводили лето.

Дмитрий Адамович, так же как и я, недавно окончил курс естественных наук. В то время он был под обаянием своего соседа Д. И. Менделеева, жившего в своем имении в Клинском уезде. Он недавно ездил к Менделееву, собрался еще раз поехать и легко уговорил меня поехать вместе с ним. Сделав верст двадцать пять по живописной местности, мы подъехали к красивому барскому дому. Это был дом Менделеева, но он жил не здесь. В этом доме жила его первая жена со своей семьей. Сам же он, вместе со второй женой, жил в версте отсюда, в другом, новом каменном доме, им самим выстроенном. Туда мы и направились.

Дмитрий Иванович любезно принял нас. Какое впечатление должен был произвести на меня, недавно окончившего курс естествознания, увлекавшегося химией и знавшего, что Менделеев был в то время первым химиком в мире? Очевидно, я смотрел на него с восхищением и подобострастием: но не только поэтому я подпал под его влияние; он был на самом деле обаятельным человеком... Виден был большой ум, чувствовалась большая жизненная энергия. Он любил говорить и говорил горячо и об-

разно, хотя не всегда гладко. Он крепко верил в то, чем в данное время увлекался, и не любил возражений на свои, иногда смелые парадоксы. Этим и некоторыми другими чертами он мне напоминал моего отца. Между прочим, он жалел, что мой отец пишет против науки. Я сказал, что отец восстает не против науки, а против привилегированного положения ученых. Менделеев с этим не согласился и говорил: «Нет, он пишет против науки»¹.

В то время Менделеев увлекался вопросом о прогрессе промышленности в России. Незадолго перед этим Эдинбургский университет поднес ему докторский диплом *honoris causa*. Он нам рассказал, что в Эдинбурге в торжественном заседании университета он прочел свою лекцию, как полагается новому доктору, в средневековом костюме доктора — в тоге и угольчатой шапочке, но по-русски. Никто, конечно, его не понимал, но все слушали с уважением. Затем был прочитан перевод его лекции².

Мы попросили Дмитрия Ивановича показать нам его докторский костюм. Он охотно это сделал и даже надел его. Сине-малиновая тога, угольчатая шапочка, густые космы седых волос, торчащие из-под шапочки, суровое лицо Дмитрия Ивановича, обрамленное большой бородой, — все это под толстыми сводами его кабинета и на фоне голой белой стены напоминало нам средневекового алхимика. Мы невольно улыбнулись. Менделеев выказал себя большим патриотом; в его мечты входили не только благосостояние и культурное развитие России, но и величие России как государства. Затем разговор перешел на развитие промышленности в России и особенно в Донецком крае, куда Дмитрий Иванович недавно ездил...

«Правительство должно умножить и улучшить пути сообщения Донецкого края, — продолжал он, — Донец считается судоходным, и на нем запрещено строить плотины, но для судоходства по Донцу ничего не сделано — русло не углублено, не очищено от карчей*, знаки не поставлены и т. д., и даже неизвестно, какие там мели и перекаты, неизвестно даже, какие суда могли бы там ходить. Правительство чрезвычайно скупо тратит деньги на водные сообщения, печать этими вопросами не зани-

* Карча — суковатый пень, дерево с корнями, подмытое и снесенное водой, опасное для рыболовов и судов. — *Сост.*

мается, вообще мало кто этим интересуется. Следовало бы кому-нибудь, прикосновенному к литературе, поехать туда, осмотреть нарастающую донецкую промышленность, прокатиться по Донцу, сделать кое-какие съемки и промеры и описать свои впечатления в живой газетной или журнальной статье».

«Вот вы, господа естественники, — неожиданно обратился он к нам, — вы недавно кончили университет, что бы вам это сделать? Поехали бы в Донецкий край да и написали бы статью».

Еще до поездки нашей к Менделееву Олсуфьев и я собирались путешествовать по России. Поэтому, хотя мы не были «прикосновенны к литературе», предложение Менделеева упало на уже подготовленную почву, и мы выразили готовность поехать. Тогда он, недолго думая, стал намечать план нашей поездки. Он посоветовал нам сначала осмотреть некоторые шахты и промышленные предприятия Донецкого бассейна, а затем проплыть по Дону до Лисичанска, до впадения Донца в Дон...

Дмитрий Иванович еще много и интересно говорил нам о будущем Донецкого края и о необходимости развития промышленности в России. Эти мысли изложены в его статье «Будущая сила России, покоящаяся на берегах Донца», напечатанной, кажется, в 1889 г. в «Северном вестнике».

Мы уехали, очарованные Дмитрием Ивановичем и увлеченные нашей предполагаемой поездкой.

Россия так мало известна нам, решили мы, что нам следует поехать, особенно с такой интересной целью.

Вскоре после моего возвращения в Ясную Поляну я получил следующее письмо от Д. Олсуфьева: «Вчера после твоего отъезда написал Менделееву письмо... подтвердил ему наше согласие с тобой ехать на Донец и просил составить маленькую письменную инструкцию. Вот письмо, которое сегодня привез мне мой посланный: «М. Г. Дмитрий Адамович, рукопись и книжки я получил исправно и больше, чем им, обрадовался Вашему письму, в котором Вы подтверждаете охоту ехать с г. Толстым на Донец. Очень это может быть полезно. Рад от души, и все, что надо, сделаю, напишу и скажу, и построю, сколько могу с моей стороны. Только срок дайте, теперь не время мне. А между тем Вы можете кое-что подготовить; особенно было бы полезно Вам почитать о

Донецком крае, где можно. Опять укажу на книгу Лепле — перевод Н. Щуровского — достанете в Москве, если не в продаже, то в библиотеках. Статей-то много, но их где собрать, а такой обстоятельной книги, как Лепле, другой нет. Поищите тоже, что можете достать (много отличных статей о Волге, Доне, Днепре найдете в «Инженере» — журнал Министерства путей сообщения за последние 4 года), об реках, их уровнях, перекатах, мелях. Есть отличные исследования Гарина о Днестре в журнале М. П. С. Полезно тоже хоть немного поупражняться с нивелированием, барометром и нивелиром, но это не особо важно и скорее стеснит в пути, потому что главное известно, а подробности меняются. Важнее всего узнать кое-что об углях и с геологической, и с химической, и с технической стороны. Это легко найдете. Иностранских книг много. Возьмите хоть какую-нибудь техническую энциклопедию... К сожалению, здесь у меня ничего нет под руками.

Еду в Питер в воскресенье и оттуда непременно напишу, как Вы желаете, если поеду на Кавказ.

Засим почтение и поклон Вашему папе.
Преданный Вам Д. Менделеев»³.

...Под влиянием разговоров с Менделеевым я писал моей матери в октябре 1888 г.:

«Вчера я был у Менделеева. Он только что прочел «О жизни». «Ваш отец, — говорил он, — воюет с газетчиками и сам становится с ними на одну доску. Он духа науки не понимает, того духа, которого в книжках не вычитаешь, а который состоит в том, что разум человеческий всего должен касаться; нет области, в которую ему запрещено было бы вторгаться...» Я ему говорил, что отец, главное, борется против позитивного мировоззрения, по которому для того чтобы решать насущные вопросы об отношении к людям, нужно пройти через всю контовскую лестницу наук, а нам нужно не это, а ответ на вопрос: что сейчас делать? Менделеев на это ответил, что «ведь мы питаемся каждый день, а разве поэтому нельзя рассуждать и исследовать научным путем вопрос о том, чем лучше всего питаться» (хотя, он говорит, что и об этом мы очень мало знаем.— С. Т.). «Зачем же отрицать другие науки — точные? Разве они несовместимы со взглядами Льва Николаевича?»⁴.

Можно быть других мнений, чем Дмитрий Иванович, но про него никак нельзя сказать, что он был неискренен в своих убеждениях. Когда я слушал его неровную, но убежденную речь, чувствовалось, что он говорил то, что он продумал, и свое, а не чужое».

С. Л. Толстой. Очерки былого. М., Гослитиздат, 1956, стр. 162—166, 174, 175.

В. Е. Чешихин (Ветринский)

«...Массу слушателей привлекал в начале учебного года на первые свои лекции проф. Менделеев, читавший общий курс неорганической химии естественникам и математикам и оставивший ныне увиверситет. В этой массе бывало не мало и посторонних студентов. Потом оставались одни постоянные слушатели. Много народа опять набиралось тогда, когда профессору предстояло читать о том, что создало ему всемирную знаменитость, об открытой им периодической системе химических элементов. Эта лекция, как и первая, неизменно заканчивалась шумными аплодисментами, от которых профессор уходил в свою лабораторию, досадливо отмахнувшись рукою или сострив что-нибудь насчет ребячества молодежи. Д. И. читал всегда хмурясь и негодуя как будто, с трудом справляясь с конструкцией своей речи, тяжеловесною, со многими повторениями и вставочными предложениями. Он говорил, точно медведь валит напролом сквозь кустарник; так он напролом шел к доказываемой мысли, убеждая нас неотразимыми доводами. Впечатление, какое на меня всегда производили его лекции, я могу сравнить только с впечатлением от последних сочинений Льва Толстого; та же безграничная убежденность в том, что говорит каждый, и то же глубокое пренебрежение к внешней красоте фразы. Разница, конечно, в том, что у Менделеева, в подтверждение всего высказываемого им по химии, тут же был наготове неотразимый факт в виде опыта. Вообще в экспериментальном отношении лекции Менделеева были блестящи и обыкновенно проходили без сучка и задоринки. Зато как же он и мычал, и ворчал на своего лаборанта, если у того что-нибудь не клеилось и прерывало нить мыслей профессора.

Политико-экономические взгляды Д. И. достаточно известны. Иногда он высказывал их и на своих лекциях, прославляя фабрично-заводскую деятельность. Говорит он, например, о новых колосниках, при которых происходит полное сжигание угля, и не утерпит, ввернет что-нибудь вроде: «Вот говорят люди о деятельности, про то, что, мол, худо живется. Да вот она тут эта деятельность! На сколько тысяч рублей каждый год в трубу, без пользы, дыма-то этого, т. е. угля, пускают. Ну, сохраните эти тысячи для России — вот и богатство, вот и благодарное поле для деятельности: вернет вам затрату труда сторицею, и народ вам спасибо скажет!» Студенты не особенно любили эти лирические отступления.

Курс Менделеева заканчивался обыкновенно тем, что после заключительной лекции все присутствовавшие на ней шли в лабораторию и здесь просили профессора, ввиду постоянно ходивших слухов, что он вот-вот покинет университет¹, не делать этого, что профессор торжественно и обещал. В доказательство того, как горячо относились студенты к Менделееву, достаточно сказать, что по одному его слову передать жалобу студентов по адресу моментально расходились сходки: что сказал Менделеев, то он для университета сделает — таково было всеобщее убеждение. В самом начале 1888 года, после студенческой истории он был командирован в Донецкий каменноугольный бассейн с ученою целью, и начальство университета нашло нужным вывесить в комнате объявлений длинное и смутное объяснение в том смысле, что командировка эта отнюдь не имеет вида удаления профессора из университета: тогда, конечно, все поняли ее в последнем смысле, даже кто и не знал подробностей о закрытии университета в конце 1887 г.»

Ветринский. Из недавнего прошлого С.-Петербургского университета. (Из воспоминаний бывшего студента.) «Новое слово», № 2, 162—164 (1895).

В. Я. Курбатов

«В том год (1891) профессора в университете читали лекции, артисты устраивали спектакли, музыканты — концерты с целью помочь голодавшему Поволжью. Как я

понял из разговоров учительниц, слушавших лекцию Менделеева, последнюю нельзя было устроить в университете, откуда Дмитрий Иванович был только что удален министром, да и в зале Петровского училища ее разрешили, но без объявления о ней в газетах...

...Первые же фразы Менделеева, с одной стороны, казались несколько тягучими и скрипучими, но они ставили и широко, и глубоко в сущности один основной вопрос: «Что России на ее колоссальных пространствах дает природа и как использовать то, что дает нам природа?» Дмитрий Иванович на поставленный им вопрос ответил, что «пока считают, что Россия живет и должна жить хлебом, но хлеба одного мало...»

Дмитрий Иванович перешел к вопросу, откуда взять те вещества, которые необходимы для урожая, если их нет в почве, и которые урожай извлекает из почвы. Он начал рассказ о фосфоре. Дмитрий Иванович говорил о горении фосфора и о двух его видах: легкозагорающемся, ядовитом и труднозагорающемся, неядовитом («безопасные» спички только стали входить в обиход). При этом Алеша Петрович * показал ряд опытов...

На естественно появившийся вопрос, откуда взять аммиак, Дмитрий Иванович рассказал о каменном угле, о колоссальных залежах его на Донце, о том, как готовят светильный газ из угля и при этом получают аммиак...

Дмитрий Иванович начал вторую часть лекции словами: «До сих пор я не говорил о нашей главной сокровищнице — Урале, но Урал богат железом, медью и всеми минералами. И это настоящее и великое наше богатство, не меньше, чем почва и урожай...»

Именно изучение минералов и приемов получения из них металлов и привело к появлению науки химии, потому что для первых же бронзовых орудий было нужно олово, а оно на земле — редкость. За ним финикияне переплывали далекие моря. Но на Урале нет сколько-нибудь значительных залежей оловянного камня, содержащего олово. На Урал новгородцы шли за золотом. Гораз-

* Алексей Петрович Зверев поступил служителем в лабораторию университета на 4 года раньше начала профессуры там Дмитрия Ивановича, т. е. в 1861 г. Это он сам сообщил мне в то время, когда помогал ассистировать Д. П. Коновалову. Он скончался в 1908 г., т. е. после 47-летней службы в университете. Приемы проведения лабораторных опытов он знал очень хорошо. — В. К.

до позже при Петре там начали добычу железа, а железных руд на Урале целые горы (Благодать, Магнитная и т. д.), и в них основные богатства Урала». Сказав еще о меди и упомянув о малахитовых украшениях, Дмитрий Иванович перешел к вопросу об элементах. Рассказав о столь непохожих друг на друга белом олове и сером олове, о красном и белом фосфоре, о графите и алмазе и о различии понятий «элемент» и «атом», он говорил о том, что в 1869 г. число элементов оказалось очень большим, что он решил расположить элементы в определенном порядке. Рассказывал, как он написал на карточках свойства элементов, как складывал их в порядке химических свойств и получил таблицу...

Дмитрий Иванович не ограничился тем, что указал, как сбылись его основные предсказания, но отметив, что на краях его системы есть пустые места, он говорил, что там на краях установленного закона могут быть исключения. «Но, — говорил он, — тяжелых атомов, может быть, мы еще не могли найти потому, что они находятся в глубинных слоях земли». И он снова вернулся к Уралу, сильно размытым, когда-то очень высоким горам, от которых остались только подножия в виде колоссальных плит магнитной руды. Далеко еще не полно исследована поверхность гор, но несравненно большего нужно ждать от исследователя глубоких недр. Если это сейчас кажется невозможным, то в будущем будет без сомнения найден способ быстрого прохождения через скалы и углубления на километры и на десятки их туда, где не только тяжелые металлы вроде золота...

Спустя три года, когда я уже прочел «Основы химии», ...я купил сам билет на лекцию Менделеева, и снова эта лекция не рекламировалась в газетах... Лекция была в пользу городских школ... Зал кредитного общества был больше, чем Петровского училища, но он и больше был набит публикой... Дмитрий Иванович, после того как публика затихла, начал с рассказа об элементах. Но почти тотчас же от эмпедокловых элементов перешел к средневековым элементам и к тому, что люди давно догадались о том, что металлы не разлагаемы. Он говорил о том, что в конце 18-го века ученые-химики установили большое число элементов, а в 19-м веке начали догадываться о том, что имеется сходство между определенными элементами, а потому возможно разбить их на группы...

Меня очень поразило, что Дмитрий Иванович вовсе не выдвигал Лавуазье на первое место, как это было во всех книгах. Наоборот, он больше говорил о Дальтоне и еще больше об Авогадро. Сказав о той путанице формул, которая наблюдалась в химии до съезда в Карлсруэ, он подчеркнул свое участие в этом съезде. Однако указал, что шла борьба новых и старых представлений, что даже большие ученые, например Вюрц, говорили о желательности каких-то скромных соглашений. Он подчеркнул значение правильного определения формул и решений этой задачи Кундтом.

Первая часть лекции была подготовкою второй...

Во второй части лекции Дмитрий Иванович начал с причины, заставившей его искать закон элементов, причем говорил, что общность этого закона представлялась ему давно, однако при всех попытках его составления встречались неразрешимые загадки. Моментом решения задачи явилось решение посмотреть правильность определения свойств элементов, которые приводились.

Дмитрий Иванович составил те карточки, которые потом им же были составлены в общую таблицу, которая и была помещена во втором томе первого издания «Основ химии». Дмитрий Иванович указал, что он подбирал карточки не по сходству элементов, что делали и до него, а по порядку величины свойств.

Таким образом получилась первая таблица, основой которой являлись подгруппы щелочных (и щелочноземельных) элементов и галогенов. Эта вертикальная таблица была повешена на доску. Менделеев указал недостатки таблицы, а именно, что целых семь элементов оказалось вне таблицы.

Дмитрий Иванович подробно рассказал, как и почему он решился сначала изменить атомные веса уже известных элементов, а затем и предсказать свойства еще не открытых элементов и как поразило его, что галлий был открыт спектральным исследованием именно так, как предвидел он. «Момент открытия галлия, — сказал он, — и является утверждением периодического закона».

Все это не было для меня новостью, но вот Дмитрий Иванович заговорил о том, что еще можно ожидать на основании формы системы. И прежде всего он указал, что ему не верится, чтобы система имела столь простую форму как таблица, потому что столь простая форма не

соответствует тому, чтобы в очень сложной природе были так просты соотношения между атомами элементов. Тут он указал, что элементы железного ряда и платиновых семейств являются явным переходом от марганцевой подгруппы к медной. «Это, — указывал он, — говорит за то, что сами атомы элементов построены из каких-то других, более простых атомов. Однако не думайте, предупредил он, чтобы эти атомы я считал первичной материей».

В. Я. Курбагов. Воспоминания о Д. И. Менделееве.
(Рукопись). Архив АН СССР, ф. 858, оп. 1, ед. 614.

«В азарте спора... я повторил менделеевские слова — «Земля, солнце, человек, муха — индивидуумы..., хотя геометрически делимы». Вдруг из другой группы спорящих о крестьянском вопросе поднялся и быстро подошел ко мне неизвестный (в тот момент) невысокий, с ранней лысиной человек и спросил немного удивленно:

— Эти слова, молодой человек, Ваши?

— Конечно, нет. Их написал Менделеев.

— Но где же это? Я у него не читал.

— В «Основах химии».

— Там этого нет.

— Вы, верно, читали раннее издание, где действительно их нет.

— Конечно, я читал в студенческие времена, еще в Казани.

— Но книги были большие или малые по формату?

— Небольшие, толстые, — показывая размер, отвечал он. — Но вы-то что за знаток, что каждое издание помните?

— А как же не помнить, когда разные издания связаны с осуществлением предвидений Менделеева. Слова же свои я взял из последнего издания, хотя знал их и раньше. Зародыш их в Лондонском чтении.

— Вот это настоящий великий ученый, идущий напролом против того, что общепринято. Ведь Менделеев утверждал, что всю химию можно изложить без понятия «химическое средство», — с этими словами неизвестный мне присоединился к атомистам, то есть к нашей группе, «оствальдианцы» же быстро потерпели поражение. Неизвестный ушел продолжать спор по крестьянско-

му вопросу. А я узнал от сына хозяина дома, что это (был) Владимир Ильич Ленин».

Ю. С. Мусабеков. «Уч. зап. Азерб. гос. университета», № 3, 1968.

И. Е. Репин

«В большом физическом кабинете на университетском дворе мы, художники-передвижники, собирались в обществе Д. И. Менделеева и Ф. Ф. Петрушевского¹ для изучения под их руководством свойств разных красок. Есть прибор — измеритель чувствительности глаза к тонким нюансам тонов; Куинджи² побивал рекорд в чувствительности до идеальных точностей, а у некоторых товарищей до смеху была груба эта чувствительность».

И. Е. Репин. Далекое близкое. Изд. 4. М., «Искусство», 1953, стр. 341.

«Архип Иванович, — рассказывает г. Ясинский³, — повернул и придвинул к известной черте на паркете огромный мольберт, прикоснулся к черному коленкору, который заволновался и упал наземь, и мы увидели пригорок, покрытый густой растительностью, и на малороссийских хатках, прячущихся в зелени, заиграло живое, но созданное самим Архипом Ивановичем солнце. Небеса, которые мы увидели, уже начинали погасать. Это были кроткие райские, лилово-розовые небеса, пронизанные последними лучами умирающего светила. Еще ничего подобного никогда не создавало искусство. Безукоризненный огненно-розовый свет освещал белые стены хат, а теневые стороны их были погружены в голубой сумрак. Голубая тень легла от дерева на освещенную стену.

Взмах руки Архипа Ивановича — и коленкор закрыл чудную картину, странно вспыхнувшую и на мгновение загоревшуюся странной жизнью в этот зимний петербургский день; мольберт отошел в глубину комнаты, повернулся и опять, покорный руке художника, приблизился к нам, дойдя до волшебной черты, проведенной на полу. «Это что за координата такая» — спросил Дмитрий Иванович. А это была просто выверенная линия, которую на-

до было иметь в виду, чтобы магическое полотно не давало рефлексов, ослабляющих впечатление...

Опять собрался в складки черный коленкор — и мы увидели темный густолиственный кедровый и масличный сад на горе Елеонской с яркой темно-голубой прогалиной посредине, по которой, облитый теплым лунным светом, шествовал Спаситель мира. Это — не лунный эффект: это — лунный свет во всей своей несказанной силе, золотисто-серебряный, мягкий, сливающийся с зеленью деревьев и травы и проникающий собою белые ткани одежды. Какое-то ослепительное, непостижимое видение...

Переходя к третьей картине Архипа Ивановича, г. Ясинский высказывается о ней так: «Пред нами открылось необъятное бледное пространство — берег, покрытый полевыми цветами и чертополохом; река, уходящая в безграничную даль, светлые, воздушные, чистые, как глаза ангела, небеса в легких параллельных, едва розовых, едва лиловых, едва серебряных облаках, и над берегами, над рекою заструился утренний прозрачный пар. Странное чувство испытал я, когда вдруг увидел этот Днепр, извивающийся по великой низменности. Я уверен, что все то же испытали. Наверно, у каждого сжалось сердце, схваченное радостным чувством, и на ресницы стала проситься слеза...»

Менделеев закашлялся. Архип Иванович спросил его: «Что это вы так кашляете, Дмитрий Иванович?»

Профессор весело отвечал: «Я уже шестьдесят восемь лет кашляю, это ничего, а вот картину такую вижу в первый раз».

Перестановка — и вот перед нами четвертое чудо: березовая рощица с ручейком, освещенная солнцем, и с голубыми небесами на заднем плане...

Какая необыкновенная чистота красок! Как они сверкают!..

— Да в чем секрет, Архип Иванович? — опять начал Менделеев.

Кто-то заявил:

— Я закрываю глаза и все-таки вижу.

— Секрета нет никакого, Дмитрий Иванович, — смеясь, сказал Куинджи, задерживая картину к великому нашему сожалению, потому что хотелось все стоять перед нею и смотреть и слушать этот ручеек, распавшийся на

мочажинки*, которые теряются в траве, между тем как немного выше по зеленой мураве тянется настоящий солнечный луч.

— Много секретов есть у меня в душе, — заключил Менделеев, — но не знаю вашего секрета...

Картины, показанные в этот раз, были: «Вечер в Малороссии», «Христос в Гефсиманском саду», «Днепр» и «Березовая роща».

М. П. Неведомский, И. Е. Репин. А. И. Куинджи.
Спб., Об-во им. А. И. Куинджи, 1913, стр. 161, 162.

И. Я. Гинцбург

«Д. И. Менделеева я лепил в 90-х годах при крайне тревожных обстоятельствах. Тогда были студенческие беспорядки в университете, и во время сеансов, которые происходили в университете же, часто его беспокоили студенты и профессора; раз пришлось мне прекратить работу — совестно мне было, что в такое время я занимаюсь искусством. А однажды я испытал мучительные часы: из окна, возле которого я работал, видно было, как вдоль решетки университетского сада медленно двигаются городовые, направляясь к главному входу университета, где тогда происходила большая сходка. Я хотел прекратить работу, но Дмитрий Иванович просил продолжать ее.

Скоро Дмитрий Иванович из-за препирательства с начальством вышел из университета; я стал бывать на его частной квартире на Кадетской линии и стал лепить его статуэтку. Он сидел в своем обширном кресле и читал, хотя не особенно удобно было работать (не мог смотреть со всех сторон), но зато я спокойно и долго работал. Эта статуэтка понравилась И. Е. Репину. Из бронзы же она приобретена самим Дмитрием Ивановичем, университетом и Академией наук. Сам Дмитрий Иванович очень хорошо ко мне относился. Не могу забыть сле-

* Мочажина — твердое (не торфяное) болотце, здесь, по-видимому, пересыхающий ручей. — Сост.

дующего случая, происшедшего на последнем сеансе. Пришел фабрикант химических и физических препаратов Ушаков¹. Познакомив меня с ним, Дмитрий Иванович сказал: «А вот, Петр Капитонович, закажите Гинцбургу свой бюст». Смущенный фабрикант нерешительно ответил: «Хорошо, подумаю». — «Да чего думать, сейчас и закажите». — «Дмитрий Иванович, — говорю я, — ведь это не так к спеху, потом поговорим». — «Да чего «потом», некогда мне с вами разговаривать, условьтесь, когда первый сеанс». — «Хорошо, я приду завтра в двенадцать часов». — «Отлично», — засмеялся своим рассыпчатым смехом Дмитрий Иванович, и лицо его сделалось радостным и чрезвычайно добрым. На следующий день явился ко мне в мастерскую Ушаков, выбритый, причесанный, в новом сюртуке и, усаживаясь в кресле, говорит: «А куда мне смотреть?» — «Куда хотите, можете двигаться». Но, очевидно, моя модель прекрасно запомнила наказ фотографа: смотрите на меня, и, куда я ни шел, он поворачивался ко мне, и я так не мог видеть его со всех сторон. «А хорошо сделал Дмитрий Иванович, что направил меня к Вам, — это хорошее дело, и если бы он не заставил бы, то сам я не догадался бы заказать свой бюст».

«Скульптор Илья Гинцбург». Воспоминания, статьи, письма». Л., «Художник РСФСР», 1964, стр. 63, 64.

Я. Д. Минченков

«По вторникам на квартире Лемоха¹ собиралось довольно большое общество: товарищи-передвижники, профессора Академии художеств и люди из мира ученых.

Часто бывал Д. И. Менделеев, сын которого, моряк, был женат на дочери Лемоха (он умер ранее моего знакомства с семьей Лемоха).

Великий ученый Менделеев был интересен в домашней обстановке. Разговор вел простой, особого русского склада. От него веяло Русью, которую он любил.

Большая, умная медвежья голова, длинные нечесанные волосы и задумчивые, иногда мечтательные глаза.

Излагая новую теорию или мгновенно родившуюся мысль, Менделеев вперял в пространство глаза и точно пророчествовал.

Крутил толстейшие папиросы и подымал густой столб табачного дыма, среди которого казался каким-то магом, чародеем, алхимиком, умеющим превращать медь в золото и добывать жизненный эликсир.

Смотрю я на прожженные табаком коричневые пальцы Менделеева и говорю: «Как это вы, Дмитрий Иванович, не бережете себя от никотина, вы, как ученый, знаете его вред». А он отвечает: «Врут ученые: я пропускал дым сквозь вату, насыщенную микробами, и увидел, что он убивает некоторых из них. Вот видите — даже польза есть. И вот курю, курю, а не чувствую, чтобы поглупел или потерял здоровье».

Близок был к Менделееву Максимов² — художник-передвижник. Максимов был малообразован, не мог разбираться в вопросах научных, сложных, общественного порядка, и все же Менделеев много с ним говорил, строил грандиозные планы экономического переустройства нашей страны и, как поэт, мечтал о ее счастливой будущности. Максимов, вспоминая разговор Дмитрия Ивановича, будоражил свою кудрявую голову и говорил: «Вот, батюшка, что Дмитрий Иванович говорит... ой-ой-ой, куда тебе!»

Вопросы искусства были близки Менделееву в такой же степени, как и вопросы науки, а народное начало, вложенное в его натуру, находило отзвук в содержании искусства передвижников, с которыми он часто общался».

Я. Д. Минченков. Воспоминания о передвижниках.
Л., «Художник РСФСР», 1959, стр. 68, 69.

В. А. Яковлев

«Вот на кафедре показалась какая-то бородатая фигура, она устанавливает большие химические весы, эмблему новейшей химии, орудие великого Лавуазье. Но эта фигура еще не он, не профессор. Это его помощник, лаборант, сурово ворчащий на смельчаков, решающихся, стоя у кафедры, потрогать те предметы, какие-то склянки, которые он устанавливает. Аудитория шумит, болтает, кашляет, посмеивается над маленьким невзрачным человечком с полотенцем на плече; это знаменитый Алеша, служитель Менделеевской лаборатории, вот уже два-

дцать (тогда, а теперь сорок) лет помогающий лаборантам в препаровочной устанавливать приборы и ставить опыты, демонстрируемые во время лекций. Еще несколько минут ожидания, и вот раздается оглушительный, долго длящийся гром рукоплесканий. Из маленькой двери, ведущей из препаровочной на кафедру, появляется могучая, сутуловатая слегка фигура Дмитрия Ивановича. Он кланяется аудитории, рукоплескания трещат еще сильнее... Он машет рукой, давая знак к тишине, и говорит: «Ну, к чему хлопать? Только ладоши отобьете». Вот наконец наступает тишина, и аудитория вся замирает. Д. И. начинает говорить.

Первое время, с непривычки или от сравнения с другими профессорами-говорунами, нами овладевает какое-то чувство неловкости. Лектор растягивает как-то своеобразно фразу, подыскивая слово, тянет некоторое время «э-э-э...», вам даже как будто хочется подсказать не подвертывающееся на язык слово, но не беспокойтесь, оно будет найдено, и какое — сильное, меткое, образное. Своеобразный сибирский говор на «о», все еще сохранившийся акцент далекой родины! Речь течет дальше и дальше. Вы уже привыкли к ней, вы уже цените ее русскую меткость, способность вырубить сравнение, как топором, оставить в мало-мальски внимательной памяти след на всю жизнь. Еще немного, и вы, вникая в трудный иногда для неподготовленного гимназией ума путь доводов, все более и более поражаетесь глубиной и богатством содержания читаемой вам лекции. Да, это сама наука, более того — философия науки говорит с вами своим строгим, но ясным и убедительным языком. Вы начинаете любоваться мощною, напоминающей Микель-Анджеловского Моисея, сумрачно-грозной фигурой. В ней хорошо все: и царственно широкий лоб мыслителя, и сосредоточенно сдвинутые брови, и львиная грива падающей на плечи шевелюры, и извивающаяся при покачивании головой борода, по поводу которой как-то сам собой выскакивает в памяти отрывок стиха: «Косматый трясет бородой» или отрывок о Зевсе, Нептуне или другом олимпийце, герое из испаряющейся из нашей головы греческой или латинской поэзии. И когда этот титан в сумрачной аудитории, с окнами, затененными липами университетского сада, освещаемый красноватым пламенем какой-нибудь стронцевой соли, говорит вам о мостах знания, прокладываемых че-

рез бездну неизвестного, о спектральном анализе, разлагающем свет, доносящийся с далеких миров, быть может, уже потухших за те сотни лет, что этот луч несется к Земле, — нервный холодок пробегает по вашей спине от сознания мощи человеческого разума. Вы содрогаетесь от прикосновения к вечным тайнам, к бесконечности...»

В. А. Яковлев. Памяти Д. И. Менделеева. «Природа в школе. Отдел химии», № 3, 166—168 (1907).

В. Е. Грум-Гржимайло

«Во время моего студенчества мне удалось слушать двух выдающихся лекторов химии: профессора Горного института К. Д. Сушина¹ и Д. И. Менделеева.

К. Д. Сушин был замечательный лектор. Он читал лекции, так сказать, руками. При громадном экспериментальном таланте он жил в лаборатории и дышал лекциями. Перед глазами аудитории проходила бесконечная серия опытов; мы все видели своими глазами, щупали своими руками, нюхали, пробовали на вкус. Мы «вкладывали персты в раны», мы знакомились с природой. Его постоянными сотрудниками были великолепная коллекция всяких образцов, все, что могло чему-нибудь нас научить, как-то: для ядов — крысы, мыши; для демонстрации противогнилостного влияния древесного угля он притащил на лекцию труп кошки, положенный им заранее в древесный уголь. Фактическая сторона неорганической химии врезалась в память слушателей на всю жизнь. Ее нельзя было не знать. Теории химии он не придавал никакого значения и ее не читал.

Слушая К. Д. Сушина, я увлекался в то же время «Основами химии» Д. И. Менделеева и решил его послушать в университете, пробравшись туда «зайцем» (допуск в университет посторонних лиц строго преследовался в то время). В середине года я слушал у него лекцию о воде, так медленно излагал он свой курс. Ни одного опыта. Ни одной цифры. Его двухчасовая лекция в «Основах химии» занимала всего несколько строчек. Но всю лекцию Д. И. учил нас, как надо наблюдать явления быденной жизни и как их понимать. Я вышел очарованный. Да, это учитель. Он передавал своим ученикам свое уме-

ние наблюдать и мыслить, чего не дает ни одна книга. Вот два антипода лекционной системы. Оба таланта, но талант Д. И. Менделеева как учителя мыслить был исключительный.

Подойдите к этим двум лекторам с часами в руках. Талантливое изложение К. Д. Сушина данной главы потребует, скажем, два часа времени. А сколько на это употребит Д. И. Менделеев? Он сам этого не знает. Циркуляры, программы, часы, оплата втискивают обоих этих лекторов в одну рамку, и вот здесь причина бесконечных споров о числе часов, необходимых для прохождения данного курса. Педагоги, делающие из инженеров Коробочку с двадцатью местами ручного багажа, боятся чего-нибудь не досказать студенту в школе, недодать ему рецептов на всю жизнь и не думают совсем о том, что все, что знает человечество, написано в книгах, и надо облегчить инженеру только чтение этих книг, а для сего он должен знать только математику, физику и химию. Остальное приложится само собой. В жизни, во время службы в заводе, он прочитает все, что ему надо, продумает, соберет новейшие достижения науки и техники и выйдет безбоязненно из самых трудных положений; он будет великолепным инженером при одном условии, однако, что вы не убьете в нем интереса проделать всю эту работу двадцатилетним пребыванием в школе, на положении малолетнего, не имеющего своей воли.

Сказанное приводит меня к выводу, что строгая регламентация числа часов для отдельных предметов высших учебных заведений не нужна. Высшие учебные заведения могут специализироваться смотря по местным условиям и потребностям в инженерах данной специальности и даже исходя из личного состава преподавателей. При наличии среди преподавателей таких учителей, каковым был Д. И. Менделеев, программа и распределение числа часов факультета могут быть резко нарушены. И в этом есть логический смысл. Когда Д. И. Менделеев учил химически думать, он делал не только свою работу, не только работу всего цикла химических наук, но работу всего естественного факультета. Таким лектором в С.-Петербургском Политехническом институте по механике был В. Л. Кирпичев. Его аудитория, вмещавшая 800 чел., была всегда полна. Почему? Да потому, почему была полна и аудитория Д. И. Менделеева. Это тоже был учитель

думать, как должен думать механик. Попредметная специализация высших учебных заведений будет для России при нашей бедности профессорами только выгодна».

В. Е. Грум - Гржимайло. Собрание трудов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 224, 225.

Б. П. Вейнберг

«Le style c' est l' homme *», а Менделеев, в одном деловом письме, которое я имел счастье получить от него, совершенно правильно охарактеризовал себя словами: «Я — человек своеобразный», и точно так же своеобразным был и стиль его, и его речь. К великому сожалению, среди драгоценных реликвий, сохраненных от Дмитрия Ивановича, нет ни одной фонограммы. Кому хоть раз привелось его услышать — с кафедры или, в частной ли беседе, — тот с закрытыми глазами по нескольким словам узнал бы голос и речь Дмитрия Ивановича, то медленно нанизывавшего слова на высоких тягучих, даже, можно сказать, плакучих металлических нотах, то переходившего в скороговорку почти шепотком на средних нотах, то гремевшего отрывистыми низкими аккордами, то как топором рубившего отдельные краткие фразы, то составлявшего многозвенчатую совокупность подчиненных друг другу, а зачастую и не подчиненных, так как с грамматикой Дмитрий Иванович не всегда считался, придаточных предложений, нагонявших, перегонявших одно другое и друг на друга взгромождавшихся, как льдины в ледостав...».

Б. П. Вейнберг. Работы Д. И. Менделеева по капиллярности и температуре абсолютного кипения. Труды Первого Менделеевского съезда по общей и прикладной химии, состоявшегося в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1907 г. Спб., 1909, стр. 89—90.

«Как лектор Менделеев оставил во мне и многих моих товарищах неизгладимое впечатление. Неизгладимость эта обуславливалась, с одной стороны, обаянием научно-

* Стиль — это человек (фр.).

го авторитета творца периодической системы, с другой стороны — исключительностью тех условий, при которых Менделеев читал нам лекции в конце весеннего семестра, но главным образом зависела она от поразительного лекторского таланта покойного. Некоторые из нас увлекались способом изложения А. А. Маркова¹, каждым словом как бы заколачивавшего гвоздь за гвоздем по одной прямой линии, с которой он не давал сходить истине. Другие наслаждались изящною, стройною и спокойно-мелодичною речью К. А. Поссе², которого слушали даже иные юристы, не понимавшие зачастую содержания его лекции, но проникавшиеся их «музыкальностью» и «убедительностью». Третьих привлекал О. Д. Хвольсон³, замечательно ясно и просто излагавший то, что казалось таким трудным и запутанным, умело подчеркивавший существенное и манивший в дебри дальнейшего изучения предмета. Но громадное большинство нас отдавало пальму предпочтения Дмитрию Ивановичу, который обладал прирожденным даром захватывать аудиторию и мощно властвовать над нею.

Трудно отдать себе отчет в том, чем достигал он этой власти над нами. Одно можно сказать с достоверностью — не внешними приемами, которые всем: и интонацией, и жестикуляцией, и построением речи — были далеки от того, что считается отличительными чертами настоящего оратора.

По интонации речь Менделеева была незаурядною и разнообразною, но интонация эта не столько стояла в тесной внутренней связи с содержанием, сколько зависела от настроения Дмитрия Ивановича и от отклонений от параллельности хода речи и хода мыслей.

Иногда мысли Дмитрия Ивановича так быстро сменялись одна другою, так бежали одна за другою, что слово не могло поспеть за ними, — и тогда речь переходила в скороговорку однообразного, быстрого ритма на средних нотах. А иногда словесное выражение мыслей не приходило сразу, и Дмитрий Иванович как бы вытягивал из себя отдельные слова, перерывая их многократными «мм... мм... как сказать» и произнося их медленно на высоких, тягучих, почти плачущих нотах, — и потом внезапно обрушивался отрывистыми низкими аккордами, бившими ухо, как удары молотка. Будь я музыкантом, я, думается, мог бы положить лекцию Менделеева на музы-

ку, — и любой из тех, на чью долю выпало счастье его слушать, безошибочно узнал бы звуки этого мощного голоса, переходившего от ясно слышного в последнем углу аудитории шепотка к громоподобным возгласам.

Внушительна бывала жестикуляция этого старца с небольшою бородкою и с копною длинных волос, которыми он иногда выразительно встряхивал. Он то как бы отстранял рукою какие-то препятствия, то широким жестом, обыкновенно левой руки, как бы захватывал все вокруг, то как бы манил к себе что-то.

Точно так же разнообразна была и самая конструкция речи. Фразы Менделеева не отличались ни округленностью, ни грамматическою правильностью: иной раз они были лаконически кратко выразительны, иной раз, когда набегавшие мысли нажимали друг на друга, как льдины на заторах во время ледохода, фразы нагромождались бесформенно: получались периоды чуть не из десятка низанных друг за другом и друг в друге придаточных предложений, зачастую прерывавшихся новою мыслью, новою фразою и то приходивших, — после того как сбегала словами эта нахлынувшая волна мыслей, — к благополучному окончанию, то остававшихся незаконченными.

Эти особенности речи Менделеева особенно ясно бросались в глаза мне, когда я, записывавший все его лекции стенографически, дешифровал свои записи, из которых я и буду проводить дословно примеры в дальнейшем. Не будучи достаточно хорошим стенографом, я ясно вижу теперь, что при записи мною были допущены некоторые описки, а при дешифровке — некоторые ошибки, но я не решаюсь исправлять их теперь, через 20 лет, и буду приводить слова Менделеева так, как они были тогда мною дешифрованы.

Попробуйте передать короче, выпуклее и своеобразнее мысли, вложенные Дмитрием Ивановичем в такие, например, фразы:

«Гораздо реже в природе и еще в меньшем количестве — оттого и более дорог, труда больше, иод».

«Общежитие, история поставили серебро рядом с золотом, и периодическая система ставит их так же, как и медь, в один и тот же ряд».

«Не только от энергии Солнца, летом усиливающейся, но и от измененной влаги, количества водяных паров лето так отличается от зимы».

И попробуйте вместе с тем разобрать грамматически такие периоды:

«Как раз в это самое время (во время открытий Кирхгофа и Бунзена по спектральному анализу. — *Б. В.*) мне пришлось жить там и мне пришлось быть свидетелем возрождения этой блестящей части естествознания, которая с тех пор получила самостоятельность и весьма важное значение во всем естествознании, потому что позволила анализировать при помощи света не только тела доступные, но и отдаленнейшие светила и явления, недоступные прямому соприкосновению с ними, а однако посылающие к нам свет, анализ которого дал нам возможность решить то, о чем мы не могли даже осмеливаться думать решать».

Попадались у Дмитрия Ивановича часто фразы, разрезанные на части и не всегда благополучно сросставшиеся: то фраза перебивалась просьбою закрыть форточку, то указанием на ход опыта, то нетерпеливым обращением к лаборанту, которому приходилось зачастую чувствовать на себе нервною и раздражительностью Дмитрия Ивановича, то разысканием препарата (следует заметить, что у него было тогда уже не особенно хорошее зрение, а VIII аудитория, где он читал, была довольно темною), то новою мыслью и новою фразою...

В аудитории Менделеева была толпа стремящихся к науке студентов и был профессор университета, в самом полном смысле этого слова. Профессор этот старался при случае выяснить нам назначение университета, выяснить нам, что мы должны взять от университета, что должны ему дать и как должны будем мы пользоваться взятым, выйдя из университетских аудиторий и лабораторий в жизнь.

Вот, например, какой последний завет дал он нам — последний, потому что это была последняя лекция его как профессора С.-Петербургского университета, студентам:

«Но не для того мы здесь и не для того учреждаются университеты, чтобы получались только дипломы и чтобы получалось знакомство с предметом, с его..., как сказать,... в его прошлом. Это — одна сторона, это — неизбежно, это — сторона, можно сказать, первичная, но есть и другая высшая сторона, которая и дает то..., дает тот оттенок университетскому знанию, который должен быть назван духом университета.

Вы знаете сказки, в которых говорится о том, что приходит кто-то и говорит: «Фу, русским духом пахнет!» Вам это непонятно, вам это в детстве кажется чем-то даже смешным.

Когда поживете, тогда увидите, что есть во всем, что сложилось, что образовалось, что имеет влияние, что имеет значение, — есть во всем нечто неуловимое, что люди в первичном образе всегда изображали в виде духа..., т. е. воздуха. Вы в курсах философии узнаете, что первые учения философские старались весь мир.. понять... при помощи представлений... о воздухе или духе... проникающем все... Это самое первоначальное представление у всех народов так или иначе сказало даже в словах... между воздухом и духом есть всегда, во всех... у всех... первичных понятий, а следовательно, и в языке, ибо и он тогда слагается, когда еще первичные понятия слагаются, — есть, как сказать, единение.

Так есть и в университетах свой дух. Не состоит он вовсе в том,... в чем, может быть, многим из вас он представляется; нередко кажется..., что он состоит, или нередко может казаться, по крайней мере, что он состоит в каком-то... влиянии на общество каким-то особенным образом... У нас, где образование еще, можно сказать, не привилось твердо и крепко, такого рода некрепкое и нетвердое представление очень развито, а потому, заканчивая курс, я хочу сказать о том, как, в чем состоит истинный университетский дух, в чем его суть, откуда берется эта душа университетская, совершенно особенный оттенок кладущая на тех, кто с внутренней стороны... душою к университету прилежит.

Этот дух состоит исключительно и всецело, в существе, только в одном: в стремлении достигнуть истину во что бы то ни стало, — не практическую пользу, не личное улучшение, не каких бы то ни было этих политических или экономических улучшений, — все это сбоку, все это придатки, все это есть не что иное, как атрибуты, члены основного, одного, исключительного стремления, это — достижения истины во что бы то ни стало и как бы то ни было, — но только истины в том виде, в каком она... ее можно достигнуть. Не в том, чтобы, отпирая храм ключом, прямо пойти сдернуть завесу сокрытой истины, — ничего нету, сказки, пустое! Ничего такого нету, никакой такой завесы нет: истина не спрятана от людей, она среди

нас, во всем мире рассеяна. Ее везде искать можно: и в химии, и в математике, и в физике, и в истории, и в языкознании, — во всем том, что направлено к отысканию истины, — оттого-то это все и соединяется в университете.

Не практическая польза, а вот стремление достигнуть эту истину с разных сторон, — а она одна, — и мы видим и знаем, чем дальше живем, тем больше убеждаемся, что, пойдем ли мы со стороны истории, пойдем ли мы со стороны астрономии, или химии, — все до одного доходим. Я бы его вам открыл, сказал бы, как я всюду говорю, что могу и знаю, если бы пришло уже в сознание окончательно начало всех начал, — не думаю я, что оно будет еще, так сказать, доступным само по себе, — но близко подойти к этому пределу люди могут, можно сказать, и будут достигать и подходить к нему, — и каждый шаг вперед будет действительно двигать людей в понимании истины. И вот это-то стремление к пониманию истины во всей ее чистоте и совершенстве и составляет единственный, истинный дух университетов...»

Это стремление к истине — не только в смысле усвоения уже известного, но и в смысле открытия неизвестного — Менделеев при каждом удобном случае внушал нам, внушал нам или самым содержанием своих лекций, или специальным указанием на этот смысл университетского преподавания.

Уже на одной из первых лекций Менделеев бросал нам такие слова — и бросал их среди фразы о температуре диссоциации воды: «Наука бесконечна, в ней являются с каждым днем новые и новые задачи, и университетское образование должно стараться возбудить желание внести свою лепту в сокровищницу науки».

Но еще более, чем такие непосредственные внушения, действовал на нас самый способ изложения Менделеевым неорганической химии. Я не буду говорить здесь о стройности плана этого курса — с этим знаком всякий изучавший его «Основы», а укажу на то, что Менделеев делал из этого курса как бы энциклопедию естествознания, связанную основною нитью неорганической химии. Экскурсы в область механики, физики, астрономии, астрофизики, космогонии, метеорологии, геологии, физиологии животных и растений, агрономии, а также в сторону различных отраслей техники, до воздухоплавания и артиллерии включительно, — были часто в его лекциях. И эти

экскурсии были всегда вполне уместны, никогда не были слишком длинны и детальны и освещали соответствующий вопрос неорганической химии едва ли не ярче и не живее, чем какие-либо чисто химические примеры. Никогда не терял он при этом из виду главной цели и основной цели своего изложения, и если случалось ему отойти слишком далеко в сторону, он умел вовремя остановиться.

При этих экскурсиях Менделеев большею частью оставался на почве чистой науки, так как он, как видно уже из приведенных цитат, отрицал утилитарную цель университетского преподавания, но тем не менее он часто обращался к практическим вопросам, как ввиду тесной связи техники с наукою, так и ввиду того, что он старался приготовить из нас деятелей на пользу России.

Сравнительно редко обращая наше внимание «на то обстоятельство, что участие в прогрессе научном — в особенности со стороны опытов — все более и более, а в особенности в таких странах, как Англия и Франция, — принимают участие часто техники, заводчики, потому что чрезвычайно тесна зависимость между чисто абстрактной наукой и прямыми ее приложениями к жизненным отношениям», Менделеев особенно настаивал на роли «фонаря науки» в технике и промышленности. Говоря, например, о каменном угле, он указывал нам, что «на поверхности находящийся каменный уголь очень редок, его надо отыскать в глубине. Как же не повременить, пока не узнаешь, что здесь стоит затрачивать большие деньги, чтобы прорыть фундаментальные колодцы, устроить подъемные машины и т. д., если не иметь фонаря науки для того, чтобы осветить эти подземные глубины. Без этих знаний подобного рода предметы никоим образом не могут выступить, и поэтому-то везде мы видим, что развитие промышленности, обоснованной на минеральном топливе, всегда, так сказать, находится в соответствии и в теснейшей связи с развитием научных знаний».

И нам он часто горячо проповедовал необходимость светить этим «фонарем науки». Вот, например, отрывок из той же лекции на сходке:

«Вот вас большое количество собралось здесь слушать химию (лукавый взгляд Менделеева при этих словах показал нам, что в них заключалась заметная доля иронии, — и по аудитории пронесся смешок, разделенный

и Менделеевым, который продолжал далее свою мысль, лишь несколько приспособляясь к не совсем обычному составу слушателей. — Б. В.). И если рассеются благодаря вам, через вас сведения о том, как богата Россия во многих отношениях, какие в ней естественные богатства, ждущие образованных людей для того, чтобы они принялись за дело».

Та же нота необходимости приняться за разработку богатств России, те же указания на личность этих богатств были обычными — всегда образным, всегда ярким — как бы припевом к лекциям Менделеева, о каком бы материале ни говорил он. Вот несколько отрывков:

«Россия отправляет за границу массу костей и получает массу клея. Вы это должны прекратить, ваше дело — дело будет, если вы химией занимаетесь в самом деле, к России прививать эти понятия, распространять их и делать невозможными впредь подобные экономические неудобства...»

«...Надо думать, что придет время, что мы не только перестанем покупать соду заграничную, как мы до сих пор покупаем, но вследствие природных месторождений и дешевизны, как сырья, так и труда, будем напротив того снабжать мир нашими содовыми продуктами».

И он предостерегал нас от расхищения естественных богатств России, убеждал нас вносить «светоч знания» в эти вопросы, указывал, что в этом — наш долг».

Б. П. Вейнберг. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910.

С. П. Вуколов

«В момент больших военных преобразований на работу для военных нужд часто привлекаются научные силы страны. Так, например, знаменитые химики Лавуазье, Бертолле и др. занимались в свое время проблемами пороха и взрывчатых веществ. Пришлось этими вопросами заниматься и знаменитому русскому ученому Д. И. Менделееву. В другое время и при других условиях Д. И. Менделеев мог бы в этой области сделать эпоху. Но это были 90-е годы царской России — и этим все сказано...»

...В конце 80-х годов в Англии, Италии, Германии появились бездымные порохи, где кроме нитроклетчатки в пороховую массу входил нитроглицерин.

Сведения о блестящих баллистических качествах новых порохов и отсутствии дыма заставили русское правительство заняться вопросами бездымного пороха. Для выработки бездымного пороха был привлечен Д. И. Менделеев. Последний был назначен консультантом по производству взрывчатых веществ при военном министерстве¹.

Задача, взятая на себя Д. И. Менделеевым, была очень трудная. Она усложнялась тем, что повсюду пороховые вопросы держались в величайшем секрете.

При выборе материала для орудий Менделеев решил упростить задачу и подыскать нитроклетчатку надлежащих качеств для получения пороха без нитроглицерина. По мнению Д. И., порох должен был быть однороден и состоять из нитроклетчатки, растворимой в спирте, — эфире. В своих изысканиях Д. И. Менделеев исходил из простой определенной идеи: искомая нитроклетчатка должна на единицу веса выделить при горении наибольшее количество газообразных продуктов. Это определяло состав нитроклетчатки. Но этого было мало: нужно было найти такую нитроклетчатку, которая легко растворялась бы в спирте и эфире.

Я помню, как в лаборатории университета Д. И., радостный, возбужденный, показывал мне и профессору В. Тищенко пробирки с кусочками нитрованной бумаги в смеси спирта с эфиром и говорил: «Смотрите, смотрите, растворяется, как сахар». «Этот вид коллодия, — говорил Д. И., — должно считать новой, до сих пор в практике неизвестной формой нитроклетчатки». Он назвал ее пирокolloдием.

В 1892 г., менее чем через год по открытию в лаборатории, была произведена первая стрельба пирокolloдийным порохом. Результат получился блестящий. В июне 1893 г. была произведена первая в России стрельба из 12-дюймового орудия бездымным порохом, и инспектор морской артиллерии известный адмирал Макаров поздравил Менделеева с блестящим успехом. Бездымный порох был изобретен.

Чем кончилось это неожиданное увлечение морского ведомства отечественной наукой? Увы! Без радости была

любовь... Менделеева скоро «ушли» из морского ведомства.

Пироколлодийный порох не был принят военным министерством. Для флота он готовился на небольшом морском заводе в ничтожных количествах. В конце 90-х годов с ростом русского флота морское ведомство, вместо того чтобы расширить свой завод, отдало заказ на порох частному обществу, связанному с крупными германскими фирмами. А вскоре после японской войны морской завод был совсем закрыт, и пироколлодийный порох прекратил свое существование в России. Зато он великолепно привился в Америке.

Менделеев как бы предвидел такую возможность. В 1893 г. он писал: «Мне кажется особенно печальной та возможность, что пироколлодийный порох будет держаться у нас в большом секрете, но не будет, отчасти в силу секретности, признан во всех его достоинствах, а между тем так или иначе проникнет на Запад, и его ученые проведут этот совершеннейший порох в жизнь, прибавляя новую славу к своим именам, и заставят нас принять то, что делается теперь в самой России.

Остается добавить, что во время империалистической войны военное министерство заказывало в Америке несколько тысяч тонн пироколлодийного пороха!»

С. П. Вуколов. Менделеев, царизм и бездымный порох. «Правда» от 10 сентября 1934 г.

У. Рамзай

«Я прибыл на обед рано и убивал время, просматривая имена присутствующих, когда ко мне, поклонившись, подошел необычной внешности иностранец, каждый волос которого, казалось, был совершенно независим от другого. Я сказал: «Мне думается, придет довольно много людей». Он ответил: «I do not speak English» *. Я сказал: «Villichet sprechen Sie Deutsch?» **. Он ответил: «Ja, einwenig. Ich bin Mendeleef» ***. На что я не сказал: «Я Рамзай», а ответил: «Ich heiÙe Ramsay» ****, что, мо-

* Я не говорю по-английски (англ.).

** Может быть, Вы говорите по-немецки? (нем.).

*** Довольно слабо. Я — Менделеев (нем.).

**** Меня зовут Рамзай (нем.).

жет быть, звучало более скромно. Стоило владеть немецким языком для того, чтобы поговорить с Менделеевым, даже если его немецкий был слаб».

Цит. по книге: M. W. Travers. A Life of Sir William Ramsay. London, 1956, p. 12.

Г. К. Джонс

«Я встретил Менделеева в Лондоне весной 1894 г.

Он был личностью, производящей большое впечатление; среднего роста, коренастого сложения, с длинными седыми волосами... Его необычайный интерес к науке в целом, а к природе растворов в особенности, его несогласие с обычными социальными идеями, его своеобразная внешность — все указывало в нем на гениального человека».

Harry C. Jones. A new era in chemistry. London, 1913, p. 299.

А. К. Макаров

«Полагая, что все, что относится до жизни Д. И., должно войти в будущую биографию, долженствующую охарактеризовать и душевные качества знаменитого профессора, считаю нужным поделиться сведениями из домашней жизни Д. И.

У Д. И. был близкий его товарищ и друг Антон Иванович Скиндер¹, горный инженер, изучавший вместе с Д. И. горное дело, человек весьма начитанный и много работавший по научным вопросам. Когда Д. И. принял на себя редактирование в Энциклопедическом словаре Эфрона химико-технического и фабрично-заводского отделов, он тотчас же пригласил к себе в помощь А. И. Скинтера, а с открытием Палаты мер и весов перевел его к себе на службу. Недолго пришлось служить Скинтеру у Д. И. — не прошло и года, как Скиндер простудился и скончался. Дружба Д. И. со Скиндером была не только товарищеская, но и самая задушевная, скрепленная еще и тем, что Скиндер был постоянным партне-

ром Д. И. по шахматной игре. Этому благородному развлечению Д. И. любил отдавать свои досуги, — те часы отдыха, которые необходимы человеку, работающему целый день, и мысли которого не могут остановиться сами собою. Д. И. останавливал работу мысли над научными и социальными вопросами игрою за шахматной доской. Постоянным его партнером был Скиндер. Оба играли довольно сильно, были игроки равные, но и в шахматной игре Д. И. проявлял свой глубокий ум: шахматные комбинации давались ему легко, и хотя Д. И. смотрел на шахматную игру, как на любимое развлечение и отдых, никогда не углубляясь в дебри шахматных анализов, тем не менее он всегда высоко ценил шахматное искусство, признавая его пользу и плодотворность для молодежи.

При посредстве Скиндера я познакомился с Д. И. в качестве редактора-издателя «Шахматного журнала», и он меня расспрашивал о шахматной жизни и литературе в России и тут же предложил Скиндеру написать что-нибудь для «Шахматного журнала»².

После смерти Скиндера в 1896 г. Д. И. обратился ко мне с просьбой помочь ему найти сотрудника, который бы заменил Скиндера по работам — для Энциклопедического словаря. Я ему тотчас представил моего товарища по Технологическому институту, инженер-технолога и химика А. А. Ржешотарского³, известного уже в то время трудами по химическим анализам и в особенности по структуре стали.

Ржешотарский вполне удовлетворил Д. И. и как выдающийся по химии ученик, и как дельный сотрудник по Энциклопедическому словарю, и как приятный партнер по шахматной игре, хотя Ржешотарский играл слабее Скиндера; и Д. И. был так доволен новым сотрудником, что не преминул поблагодарить меня за него письменно. К сожалению, и Ржешотарский недолго поработал с Д. И.

Как Скиндер, так и Ржешотарский, с которым я часто виделся, всегда с восторгом и глубоким уважением отзывались о душевных и теплых отношениях к ним Д. И.; к себе же я постоянно встречал у Д. И. ласковое и приветливое отношение, которое до конца моей жизни будет мне приятным воспоминанием.

Привыкнув отдыхать за шахматной доской, Д. И. последние три года играл в шахматы с разными лицами

и просил меня почаще приходить к нему вечером сыграть несколько шахматных партий. Перед последней поездкой за границу осенью прошлого года Д. И. приобрел карманные шахматы и находил это изобретение очень остроумным и подходящим в путешествиях. Русские шахматисты, так же как и русские ученые, должны гордиться, что к их семье принадлежал и знаменитый ученый Дмитрий Иванович Менделеев».

А. К. Макаров. К биографии Менделеева. «Новое время» от 29 января (11 февраля) 1907 г.

В. И. Ковалевский

«В 1893 году судьба свела меня с гениальным, мудрым и вместе с тем с чрезвычайно своеобразным человеком — Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Моя работа совместно с ним принадлежит к самым отрадным воспоминаниям моей жизни.

У С. Ю. Витте родилась мысль создать в России научное учреждение по метрологии, так как до того времени почти не было никакой заботы об организации в нашей стране надзора за мерами и весами¹.

Д. И. Менделеев составил широко разработанный проект деятельности Палаты мер и весов как научного учреждения и вместе с тем главного руководства по применению мер и весов в практической жизни. Надо было позаботиться о заказе эталонов метрических мер и весов. Для этого Дмитрий Иванович был командирован за границу. Между В. И. Ковалевским и Д. И. Менделеевым возникла переписка. В своих письмах он, между прочим, давал меткие характеристики некоторых известных людей того времени. Между прочим, он до отъезда из России увлекался Габриэлем Тардом — автором известного сочинения «Les lois de l'imitation» («Законы подражания»). После знакомства с ним в Париже увлечение Д. И. очень понизилось...

По возвращении из командировки Д. И. энергично готовился к открытию Главной палаты мер и весов.

Частые деловые посещения Менделеева еще более укрепили мои симпатии к нему. Надо было близко знать

редкую душу этого человека, чтобы не придавать значения часто резким и колючим выходкам с его стороны.

Так, однажды я посетил его и озабоченно спрашиваю: «Можно ли покурить?» Он ответил: «Нечего задавать нелепых вопросов, когда сам хозяин курит»...

Помню я его радость, когда он за 50 руб. купил французскую энциклопедию у знакомого букиниста, который случайно нашел ее в одном богатом помещицьем доме.

Приходит ко мне как-то очень взволнованный Дмитрий Иванович. Он мне сообщил о своем горе. На здании Главной палаты мер и весов под руководством одного придворного архитектора приступили к строительству башни для установки маятника Фуко. Менделеев мне сообщил следующее: «Я взялся сам за это дело, отказавшись от услуг придворного архитектора. И, представьте себе мой ужас: в стене образовалась трещина. Я ее заклеил бумажкой для проверки. Бумажка порвалась, и я теперь в большом горе. Зачем брался я за это дело?»

Стоявший тогда во главе торгового флота князь Александр Михайлович сильно содействовал осуществлению замысла адмирала С. О. Макарова предоставить в его распоряжение (ледокол) «Ермак» для того, чтобы попытаться пробиться к Северному полюсу. Деятельное участие в осуществлении этого плана принимал и Дмитрий Иванович. Он сильно содействовал снаряжению «Ермака» всем тем инвентарем, который был нужен для научных исследований во время экспедиции, причем основательно рассчитывал, что руководство всей научной частью будет поручено ему — Менделееву. По этому поводу между Макаровым и Менделеевым произошли существенные разногласия, и Менделеев должен был отказаться от участия в экспедиции.

«Ермак», как известно, потерпел несколько аварий и для ремонта был отправлен в Нью-Кэстль (Англия). Ремонт обошелся в несколько сот тысяч рублей. Тогда же возник вопрос, стоит ли продолжать попытку Макарова. Комиссия под председательством адмирала А. А. Бирлева, при моем участии, признала, что от такого замысла нужно отказаться.

Но мысль о Северном полюсе не покидала Д. И. Однажды рано утром он зашел ко мне в министерство в сильно возбужденном состоянии.

«Я много потратил труда,—сказал он с беспокойством,—чтобы попытаться найти надежный путь к Северному полюсу. Для нас это имеет огромное значение как ближайший путь к Дальнему Востоку. Вот мой проект с необходимыми картами и графиками, переписанный в нескольких экземплярах. Я твердо решил привести его в исполнение уверенный в удаче настолько, что беру с собой дорогих мне Анну Ивановну и сына Ванюху*. Мне хочется сделать доброе дело для моей Родины. Вот вам один экземпляр моей работы, поезжайте к великому князю Александру Михайловичу и попросите его помочь мне так же, как он помогал адмиралу Макарову». Я сказал, что еду сейчас к великому князю, но на успех не рассчитываю. Князь отнесся несочувственно, не взял от меня экземпляра проекта и сказал: «Такому дерзкому человеку, как Менделеев, я помочь отказываюсь». Я вернулся от князя с большим огорчением и сообщил Д. И. о своей неудачной миссии.

Д. И. между тем сидел у моего камина и нетерпеливо меня поджидал. Он курил свои «крученки» одну за другой. Тут же Менделеев молча бросил все экземпляры своего проекта в камин. Во всяком случае, сколько мне известно, после его кончины ни одного экземпляра проекта не оказалось².

Д. И. Менделеев был убежденный защитник и деятельный проводник развития индустрии, считая, что только планомерным и рациональным сочетанием двух основных отраслей народного хозяйства — сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности — можно поднять его на высокий уровень. В пример он часто приводил Соединенные Штаты Америки, где совместная работа в этих областях уже проявила свои плодотворные результаты. Он вкладывал много мысли и энергии для подъема промышленности и освобождения ее от иностранного импорта. Он принимал деятельное участие в установлении разумной покровительственной системы нашей индустрии, он выступал на защиту ее устным и печатным словом. К нему часто обращался министр финансов С. Ю. Витте с просьбой в письмах к царю отпарировать нападения наших аграриев на индустриальное направление нашей

* Анна Ивановна — жена Д. И. Менделеева, Ванюха — его старший сын Иван Дмитриевич. — *Сост.*

экономической политики. Партия наших аграриев все более старалась убедить царя в том, что Россия должна быть земледельческой страной «пар экселанс»*, что фабрики и заводы у нас создают тревогу и беспокойство, вносят в страну субверсивные идеи... Николай II все более становился на их точку зрения и, между прочим, просил Менделеева и меня представить веские доводы против такой тенденции как с точки зрения обороны страны, так и будущего экономического развития государства. Я составил записку несколько в юмористическом духе, развивая ту мысль, что идиллические идеалы Жан-Жака Руссо приведут нас к падению материальному и духовному. Ссылаясь, между прочим, на Вильгельма Рошера³, который доказывал, что чисто земледельческие страны обречены на бедность и политическое бессилие, Д. И. Менделеев еще ярче и выпуклее высказался против одностороннего домогательства аграриев...»

В. И. Ковалевский. [Воспоминания]. Сб. «Вопросы истории естествознания и техники», Вып. 13. М., Изд-во АН СССР, стр. 103—105, 1962.

С. Ю. Витте

«Когда я сделался министром финансов, то это учреждение Палаты мер и весов я сознательно увеличил и расширил именно потому, что во главе ее стоял такой значительный ученый, как Менделеев — человек с большою не только научною, но и практической инициативой. Менделееву во многом обязано развитие нашей нефтяной промышленности и других отраслей нашей промышленности. Он был по тем временам ярый протекционист и, как это бывает обыкновенно со всеми выдающимися людьми, во время его жизни вследствие того, что он был и талантливее, и умнее, и учение лиц, его окружающих, а с другой стороны вследствие того, что имел самостоятельный характер, подвергался со всех сторон самой усиленной критике. Его сочинения, касающиеся развития наших хозяйственных и промышленных сил, служили предметом насмешливой критики; его обвиняли в том, что

* Par excellence (фр.) — по преимуществу. — *Сост.*

будто бы он находился на жаловании у промышленников и потому он проводит идею протекционизма, и только тогда, когда он умер, то начали кричать, что мы потеряли великого русского ученого.

Хорошо еще, что россияне отдали ему эту честь после смерти его, хотя для Менделеева было бы приятнее, если были оценены его достоинства во время его жизни».

С. Ю. Витте, Воспоминания. Т. 2. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 570.

«... В 1898 г., а именно в конце этого года, был по моей инициативе¹ заказан ледокол «Ермак»; ближайшей целью сооружения этого громадного ледокола была у меня та мысль, чтобы, с одной стороны, сделать судоходство в Петербурге и других важных портах Балтийского моря в течение всей зимы, но главным образом попытаться, нельзя ли пройти на Дальний Восток через северные моря, по северному побережью Сибири. Ледокол этот был сооружен при ближайшем участии адмирала Макарова, того самого Макарова, который геройски погиб около Порт-Артура, будучи во время японской войны назначен главнокомандующим Дальневосточным флотом...

Этому делу открытия морского пути на Дальний Восток через сибирские побережья, а равно плаванию по направлению к полярному полюсу очень сочувствовал также известный наш ученый Менделеев.

... Я помню довольно интересное заседание, которое было у меня в кабинете, в котором принимали участие я, Менделеев и адмирал Макаров. Я поставил вопрос о том, каким образом установить программу для того, чтобы достигнуть намеченной мною цели, т. е. пройти на Дальний Восток к Сахалину через северные моря по нашему сибирскому побережью. На это мне Менделеев после размышления, на которое я ему дал время, высказал то убеждение, что для того, чтобы найти путь на Дальний Восток, не следует идти из Петербурга, огибая Норвегию северными морями параллельно нашим северным побережьям, а нужно просто пройти прямо по направлению к Северному полюсу, прорезать Северный полюс и спуститься вниз, что такой переход будет гораздо проще и может быть совершен и гораздо скорее и безопаснее. Адмирал Макаров не вполне разделял это мнение, он на-

ходил, что это будет очень рискованный шаг, что благо-
разумнее будет попытаться идти по направлению нашего
северного побережья.

Между ними в моем присутствии произошел обмен
взглядов. Менделеев утверждал, что не уверен, что то,
что он предполагает, может быть вполне реализовано,
но что есть гораздо более шансов к тому, что можно про-
резать Северный полюс и спуститься вниз южнее. На во-
прос Макарова, согласится ли с ним ехать Менделеев на
«Ермаке» по плану, им предложенному, Менделеев ему
категорически ответил, что по этому плану, т. е. идти на
Северный полюс и там спуститься вниз, он совершенно
согласен и с ним поедет; тогда Макаров ему предложил
с ним ехать, но только не по этому направлению, а опять-
таки по нашим северным морям, придерживаясь к сибир-
скому побережью. Менделеев ответил, что такое плава-
ние и более рискованное и более трудное и поэтому он
ехать с ним по этому направлению не согласен. Таким
образом, между этими двумя выдающимися лицами про-
изошло в моем присутствии довольно крупное и резкое
разногласие, причем оба эти лица разошлись и затем бо-
лее уже не встречались². Уходя от меня, каждый из них
мне повторил: Менделеев, что он во всякое время согла-
сен ехать на «Ермаке» с адмиралом Макаровым на Даль-
ний Восток к Сахалину, прямо прорезывая Северный по-
люс, а Макаров мне заявил, что он согласен на «Ермаке»
ехать к Сахалину, придерживаясь направления парал-
лельно нашим северным побережьям. В конце концов
ни тот, ни другой проект не осуществился, отчасти вслед-
ствие этого разногласия, а отчасти оттого, что Макаров
в скором времени был назначен начальником Кронштадт-
ского порта, а затем началась несчастная Японская
война...»

С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М., Соцэкгиз, 1960,
стр. 569—572.

Л. Мальцев

«Тогда я был еще мальчиком. Мой дедушка часто мне
рассказывал о своем товарище детства Д. И. Менделе-
еве. Вспоминал он и стеклянный завод, который был рас-

положен близ нашего села Аремзян, принадлежащий матери ученого М. Д. Менделеевой.

Летом 1899 года по нашей деревне пронесся слух: к нам едет Д. И. Менделеев¹. Будто бы он в Тобольске и придет в Аремзяны повидаться со стариками — друзьями детства. Вся деревня принялась готовить Дмитрию Ивановичу теплую встречу. На работу никто не выходил. Все оделись в праздничные наряды и вышли на улицу встретить земляка. Был летний жаркий день. Все толпились на улице, разместившись по обеим сторонам улицы длинными рядами. Старики ходили и поучали: «Как подъедет гость, снимайте шапки и низко кланяйтесь».

Вот появляется на улице экипаж, и я увидел Дмитрия Ивановича. Сняв широкоую шляпу, поправив длинные седые волосы, Дмитрий Иванович радостно улыбался. Потом он низко поклонился крестьянам, принял из рук старика хлеб-соль и спросил: «Кто меня помнит в детстве?»

Из толпы вышли шесть стариков, таких же седых, как Д. И.: Н. П. Мальцев (мой дед), М. Е. Урубков, Г. А. Урубков, И. А. Соколов, М. И. Васильков и И. П. Мальцев.

Они пригласили гостя в школу и после гостеприимного обеда долго беседовали с Д. И. Менделеевым; сверстники делились воспоминаниями. Один из них вспоминает, как вместе мальчиками они играли в бабки, второй рассказывает, как он, играя в мяч, больно ударил Митю мячом, а тот пожаловался матери.

Дм. Ив., слушая рассказы стариков, от души смеялся. Потом вместе с ними он снялся на фотографическую карточку² и собрался к отъезду.

Это событие на всю жизнь сохранилось в памяти моей, моих сверстников и жителей Верхних Аремзян, которые старше нас».

Л. Мальцев. Воспоминания о знаменитом земляке.
«Тобольская правда» от 2 февраля 1937 г.

А. Г. Архангельский

«На бывшем в декабре 1901 года Петербургском XI съезде русских естествоиспытателей и врачей довелось видеть Дмитрия Ивановича и мне, ученику уже его уче-

ников и собратьев по науке. Как сейчас вижу, с каким благоговением многочисленные участники съезда во время первого общего собрания смотрели на Дмитрия Ивановича, эту гордость России, этого великого Дедушку русских химиков, маститая, хотя уже и согбенная под бременем многолетних непрерывных трудов, фигура которого так сильно выделялась среди других блестящих представителей почетного президиума. На заседаниях секции химии Дмитрий Иванович неоднократно принимал живое участие в прениях, а при осмотре 23-го декабря членами Съезда Главной палаты мер и весов самолично давал пояснения в некоторых ее отделах¹. Стоит только посмотреть это замечательное учреждение с хранящимся в нем прототипом метра, с интересной автоматической делительной машиной, а также отделением для точного взвешивания и компараторным, чтобы представить себе, с какою искреннею любовью, чисто юношеским увлечением и блестящим успехом работал уже на склоне дней своих незабвенный Дмитрий Иванович и в области прикладного знания».

А. Архангельский. Д. И. Менделеев, его научная и общественная деятельность. Брянск, 1907, стр. 24, 25.

И. Ф. Пономарев

«В феврале 1903 года в Киевском политехническом институте¹ в торжественной обстановке защищал дипломные работы первый выпуск инженеров-механиков, строителей, химиков-технологов, а также агрономов, поступивших в институт в 1898 году.

Я был тогда студентом 3-го курса химического отделения. Нам разрешалось смотреть на защиту с балкона актового зала.

После лекции я заходил на балкон и наблюдал, как студенты рассказывали содержание дипломных проектов. Чертежи были развешаны на досках, стоявших около стола, покрытого зеленым сукном. А за столом сидели члены экзаменационной комиссии во главе с Дмитрием Ивановичем Менделеевым.

Менделеев специально приехал из Петербурга (министр финансов С. Ю. Витте, в чьем ведении находился

институт, пригласил его быть председателем первой экзаменационной комиссии). Признаюсь, тогда Менделеев интересовал нас, студентов, больше как председатель комиссии, чем как великий химик, творец периодической системы элементов.

Дмитрию Ивановичу прятно было вновь войти в жизнь высшей школы после длительного перерыва. С вниманием следил Дмитрий Иванович за докладами студентов, защищавших дипломные проекты и работы. Особенно заинтересованно относился он к работам студентов химиков и агрономов, участвовал в дискуссиях по проектам новых заводов и научным проблемам, которые разрешали студенты в своих лабораторных исследованиях².

Дмитрий Иванович обошел все лаборатории химического отделения, наблюдая постановку исследовательских работ и условия подготовки химиков-технологов, в которых нуждалась Россия. Недостаток специалистов задерживал развитие русской химической промышленности.

При осмотре лабораторий главного корпуса института Дмитрий Иванович заинтересовался изобретением заведующего кафедрой электротехники проф. Н. А. Артемьева, сконструировавшего костюм из медной сетки. В этом костюме Н. А. Артемьев делал интересные опыты, производя молнии с сильным треском. Он пропускал при этом ток с напряжением до десяти тысяч вольт.

Экзаменационная комиссия во главе с Д. И. Менделеевым должна была проверить и оценить подготовку специалистов, оканчивающих первый в ведомстве министерства финансов Киевский политехнический институт.

Менделеев дал хороший отзыв о работе института. Это послужило толчком для расширения сети политехнических институтов: они были открыты в Петербурге, Варшаве и Новочеркасске.

Государственная экзаменационная комиссия, председателем которой был великий химик Д. И. Менделеев, работала не в обычное время. Интересна, например, такая деталь. В соответствии с учебным планом в политехническом институте был установлен четырехгодичный срок обучения. Первый выпуск инженеров и агрономов должен был произойти не в феврале 1903 г., а в мае 1902 года. Но в 1901—1902 учебном году в Киевском политехническом институте происходили частые студенче-

ские волнения, сопровождавшиеся забастовками. На них ушло около 12 учебных недель (из 28 по плану).

Министр С. Ю. Витте издал приказ: «В течение учебного года господа студенты длительное время не занимались. Поэтому они не могут хорошо подготовиться к экзаменам. Приказываю оставить всех студентов на второй год».

Дмитрию Ивановичу это было известно... Он относился к молодежи тепло и понимал ее чаяния и надежды».

Рассказывает современник Менделеева. «Химия и жизнь», № 7—8, 91, 92 (1965).

Д. Марголин

«Познакомился я с Д. И. Менделеевым в мае 1903 г., когда знаменитый ученый прибыл из Петербурга в Киев для присутствования в качестве представителя Министерства финансов на первых выпускных экзаменах в Киевском политехническом институте.

Давно ища знакомства с «Нестором русской химии», я обрадовался представившемуся случаю и в первый же, после его приезда в Киев, воскресный день отправился с этой целью в гостиницу «Континенталь» по Николаевской ул., где он остановился. Узнав из переданной ему швейцаром моей визитной карточки, что я — химик, Д. И. Менделеев немедленно пригласил меня к себе в номер и любезно встретил. Я застал великого ученого за утренним чаем, хотя уже было далеко не ранний час. Дело было, как сказано, в воскресенье, почему маститый профессор позволил себе встать позже обыкновенного.

Я увидел пред собою знакомое по портретам, оригинальное, проникновенное лицо автора «Основ химии», обрамленное большой окладистой бородой, с широким лбом и густыми ресницами вокруг выразительных и глубоких глаз. Длинные пряди серебристых волос ниспадали с затылка до самых плеч. Уже тогда зрение у знаменитого химика было плохо, один глаз он держал всегда прищуренным, а другим он также видел не особенно хорошо, так что ему большей частью читали другие¹. Весь он поседел, как лунь, а на его светлом челе лег ряд глубоких старческих морщин. Но вид его был еще достаточ-

но бодр и, несмотря на свои почти 70 лет, он сохранил тогда всю ту же чуткость и отзывчивость к текущим явлениям общественной жизни и современным научным вопросам, как и всегда, поражая в то же время редкой в его возрасте нервной подвижностью всей своей фигуры.

После обмена приветствиями Д. И. Менделеев пригласил меня сесть к столу, предложил отпить вместе с ним чашку чая, и мы разговорились. Беседа наша вращалась, конечно, вокруг текущих химических тем. Сначала разговор шел о тогдашней «злобе дня» новооткрытом супругами Кюри элементе радиия, причем знаменитый химик сообщил, что смоляная урановая руда, т. н. уранит, из которой добывается радий, встречается и у нас, в России; далее, говоря о физиологическом действии невидимых лучей радия, Д. И. рассказал, что он сам видел у академика Беккереля темное пятно, прожженное на его теле лучами радия, крупницу которого он носил с собою, держа его для предосторожности в свинцовой коробочке. Масштабный ученый выразил также уверенность, что не всегда добывание радия будет стоить таких колоссальных денег, как теперь, и что, с более тщательным изучением способов его получения, радий, являющийся самым дорогим теперь из металлов, значительно подешевеет, причем сослался на пример калия и натрия, которые в первое время после их открытия также ценились очень высоко, а потом стали дешевы.

Затем беседа перешла на тему о вновь открытых элементах атмосферы, и я поинтересовался узнать, нашли ли в менделеевской периодической таблице элементов места все те новые простые тела, которые были открыты в течение последних лет, и, между прочим, элементы атмосферного воздуха. В ответ на этот вопрос Д. И. вынул из бокового кармана обложку нового (тогда 7-го) издания своей знаменитой книги «Основы химии», переведенной в настоящее время на все главнейшие европейские языки,— и подал ее мне, сказав: «Вот, не угодно ли посмотреть?»

На оборотной стороне обложки была напечатана менделеевская периодическая таблица элементов²,— та самая, которая теперь украшает могильный памятник величайшего русского химика на Волковом кладбище,— дополненная и исправленная автором. Я с интересом стал внимательно рассматривать эту таблицу и заметил, что

в ней справа прибавлена новая группа химических элементов, отмеченная общим знаком 0, куда вошли все новые элементы атмосферного воздуха, обязанные своим открытием известным английским химикам Рамзаю и Рэлею, именно: аргон, неон, криптон и ксенон, а также изолированный недавно элемент гелий, открытый в солнечной фотосфере. В последний горизонтальный 12-й ряд таблицы попал и радий с атомным весом 224, помещенный рядом с торием и ураном, с которым у него, как известно, много общих свойств...»

Д. Марголин. Памяти Д. И. Менделеева. (Из личных воспоминаний). «Записки по свеклосахарной промышленности», т. 37, № 8, 343—346 (1907).

Б. М. Филиппов

«В мае 1903 года в «Научном обозрении» впервые увидел свет знаменитый труд Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», положивший начало космической эре в истории человечества.

... Небезынтересно вспомнить некоторые подробности, связанные с опубликованием знаменитого труда Циолковского в пятом номере «Научного обозрения» за 1903 год.

Редактору марксистского журнала, бывшего еще к тому же под особым надзором охранного отделения, с большими трудностями удалось добиться разрешения цензуры на эту публикацию. Главное управление по делам печати резко воспротивилось публикации статьи, считая, что она противостоит религиозным представлениям о Вселенной и утверждает возможность проникновения человека в небеса, иначе говоря,— в «резиденцию господ бога»; такого рода статья может вызвать резкое недовольство со стороны служителей церкви, как подрывающая религиозные устои.

Никакие доводы отца об огромном научном значении работы Циолковского не помогли. Тогда М. М. Филиппов решил посоветоваться со своим другом и учителем Д. И. Менделеевым, принимавшим активное участие в жизни «Научного обозрения».

Ознакомившись с работой Константина Эдуардовича и выслушав жалобы редактора на цензурный произвол, Менделеев сказал ему: «Ну, конечно, цензор есть цензор. Он ведь получает жалованье не за разрешения, а за запрещения. Но я вам дам совет не как химик, а как дипломат. Сведите все ваши доводы в защиту Циолковского к пиротехнике. Докажите им, что, поскольку речь идет о ракетах, это очень важно для торжественных праздников в честь тезоименитства государя и «высочайших особ». Вот пусть тогда вам запретят печатать статью!»

Отец воспользовался этим советом и, стараясь быть серьезным, изложил эти «соображения» самому ретивому цензору А. Елагину. Разрешение это было получено 31 мая 1903 года».

В. Филиппов. Первые статьи Циолковского. «Литературная газета» от 27 июня 1963 г.

О. Э. Озаровская

«По летам (я) гостила в сельце Боблове (Клинского уезда), где у Менделеева была усадьба, но Д. И. заставала там и видала лишь в течение нескольких дней. Кабинет Д. И. — самая большая и вместе самая обитаемая комната.

Там стояла узкая железная кровать, письменный стол, большое кресло, несколько стульев, полки с книгами, да куча яблок на полу. И всякий несколько раз на дню забежит то яблочко взять, то книжку, и Д. И. очень это любил. В Боблове он отдыхал, и никто ему помешать не мог. Он не писал, а только читал, и чтение было легкое. По вечерам ему вслух читала жена. Он гулял, т. е. выходил посидеть в «колонию» (уголок сада, обрабатываемый младшими детьми), но долго отдыхать не мог и больше трех недель подряд в Боблове не выдерживал...

Кабинет в городе был иной, и войти в него свободно, кроме жены и детей, можно было немногим избранным. За служащими в Палате он обыкновенно посылал сам, но при надобности они, разумеется, были к нему вхожи.

Входит посетитель; Д. И. предлагает сесть в кресло и сейчас же кричит: «Стойте! На книгу не сядьте!»

Посетитель вскакивает, берет с кресла фолиант и не знает, куда его девать — стол завален книгами и бумагами: «Ах, уж сели, так сидите! Садись бы на книгу...»

Посетитель кладет книгу на кресло и намеревается на нее сесть. «А, да держали в руках, так уже клали бы на стол, что ли! Да уж сидите! Время-то идет!»

Как только Д. И. заметит, что произвел угнетающее впечатление, конечно: взволнуется, наговорит грубостей и едва не прогонит, а сам будет тяжело страдать.

Все это происходило от застенчивости, необычайного волнения перед новым человеком, и, когда он кричал, он кричал в сердцах на себя самого.

Первая встреча решала судьбу отношений. Если посетитель не испугается, а ответит спокойствием, Д. И. уgomонится и польется у них интересная беседа.

Немногие понимали этот нрав, а если понимали, то не владели собой, не умели скрыть своего переполоха, и тогда их отношения навсегда оказывались тяжкими: одного пугали, другого раздражали...

...Кончила я курсы, мечтала получить школу на Шлиссельбургском тракте: мне уже были дороги налаженные там чтения и занятия с рабочими Обуховского завода. Это дело не вышло.

В моих надеждах и огорчениях принимали участие А. И.* и Иван Михайлович Чельцов¹. Последний уже спрашивал, каковы мои сведения в области химии. Я угадывала, что он хочет устроить меня в своей лаборатории, но угадала и его колебания. Ведь тогда существовал «женский вопрос» во всей силе. Женщины на научной работе насчитывались единицами. Чельцов боялся трений не столько со стороны начальства, сколько со стороны самих служащих. За советом он поехал к своему учителю и другу. Менделеев ответил:

— Отлично! Возьмите барышню! У меня в университете была одна еврейка². Ух, какая работница была! Непременно возьмите!... Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!»

И. М. отступил. Хотя, как он мне потом говорил, я проигрывала материально, но он понимал, какое для меня было счастье иметь руководителем Менделеева.

* Анна Ивановна Менделеева. — Сост.

Об этом соревновании в области «женского вопроса» я узнала года два спустя, а тогда дело представлялось так.

Пришла к нам в Новый год (1898) А. И. и сказала, что у ее мужа есть временная работа вычислительного характера и чтобы я завтра же шла к Д. И.

...Я знала, что порог кабинета, кроме жены и дочерей, переступали только две женщины: М. И. Ярошенко (вдова художника; Д. И. любил живопись, понимал ее, и его ближайшими друзьями в свое время были художники Ярошенко, Куинджи и Репин) и М. А. Семечкина. Обоих он уважал за выдающийся ум и любил с ними беседовать.

Велик был мой трепет перед порогом кабинета, но чутье подсказало, как вести себя, и самообладание выручило. Д. И. с первых же слов подчеркнул, что работа временная и я могу исполнять ее по желанию: или дома, или в Главной палате мер и весов. Я предпочла второе. Затем он начал объяснять, в чем она будет заключаться: «Будете декременты вычислять. Возьмете бумагу квадратичную, сошьете... э-э-э... тетрадь примерно в писчий лист, станете писать элонгации... э-э-э... А! Черт побирай! Если я все объяснять должен, так мне самому легче вычислять».

Это Д. И. прокричал во весь голос. Но я успела уже рассмотреть его глаза. Они всегда казались щелками, но если он их хорошо раскроет, они большие, синие, чистые...

В это мгновение вместо испуга я почувствовала прилив нежности. «Совсем как мой папа», — пронеслось в голове, и я ответила спокойно:

— Ничего, Дм. Ив., я посмотрю и все пойму.

Д. И. молча пристально посмотрел на меня.

— Я вас к Василию Дмитриевичу направлю: он для вас будет значить примерно то же, что я для него. А сам я разговаривать с вами не буду: я ведь корявый. Заплачете, пожалуй, краснеть будете. Я не могу! Через него все! Все через него-с! Когда думаете-с начать?

— Завтра.

— Не надо-с! Тяжелый день. Во вторник приходите. Аудиенция кончилась, и я встала, чтобы уйти, но меня остановил грозный окрик:

— Карандашей не уносить! Куда карандаш забрали? Я сообразила, что Д. И. заподозрил меня в рассеян-

ности, и, улыбаясь, быстро показала ему пустые руки, даже пальцы растопырила.

Д. И. засмеялся:

— Х-х-х! Бывает ведь! Я сам уношу.

Может быть, это незначительное обстоятельство послужило к тому, что между Д. И. и мной никаких посредников не оказалось, и решило навсегда характер наших отношений, всегда мягких и доверчивых.

Через пять дней Д. И. звонил проф. Чельцову:

— Возьмите к себе барышню в лабораторию. Я так смотрю, что это полезно для смягчения нравов. Обо всем ведь приходится думать. И сейчас заметно уже у нас: пятый день не ругаемся. Чище как-то стали!

...Итак, я сижу и вычисляю с пылающими щеками и бьющимся сердцем. Место мне указано самим Менделеевым рядом с его кабинетом. Вычисления несложные пока, но материал огромен, и результат должен совпасть с менделеевским. От качества моей работы зависит ее превращение из «временной» в постоянную.

Я отлично понимаю, что название «временной» придумано на слухай, если я окажусь негодным работником. Я здесь первая женщина. Если попытка окажется неудачной, я посрамлю не одну себя. И потому щеки пылают. Для требуемой точности мне необходимы восьмизначные логарифмы, единственный экземпляр их лежит в кабинете Д. И. на его письменном столе, а сам Д. И. погружен в работу.

Менделеев — великий ученый, а я начинающая сошка. Он управляющий Палатой, а я вольнонаемный калькулятор на временной работе. Как быть? Сам Д. И., ссылаясь на «корявость» своего характера, приглашая меня, упоминал, что будет говорить со мной через третье лицо. Иди искать его? Докладываться? Это в сущности мешать работе. Э! надо попросту: только бы не помешать. И я вошла тихонько в кабинет, взяла логарифмы из-под носа пишущего и бесшумно удалилась. Д. И. поднял голову, взглянул, как на неизбежное появление привычной вещи, и вновь углубился.

Вернулась я на место с чувством «охотника» на войне, сделавшего удачную вылазку. Среди дня Д. И. вошел ко мне в сопровождении одного из сослуживцев с предложением ознакомиться со счетными машинками и выбрать для себя одну из них: «Вот, Вас. Дм.³ говорит, что на машин-

ке Однера скорей обучитесь, но она стучит, может быть, на нервы действует, а французская машинка, та мягче, но зато на ней трудней обучаться. Ну, уж там сами смекайте».

Видимо, Д. И. очень понравилось внимание к моим нервам, а чтобы понять это, надо знать отношения Д. И. к дамам. Насколько я могла уже тогда заметить, они у него разделялись на три категории. К первой относились те, которые, бывая у его жены А. И., вставали со словами: «Ну, а теперь я зайду к Д. И.». И заходили без доклада в кабинет и беседовали. Таких было только две на свете.

Ко второй категории относились дамы, которые во мнении Д. И. по своему положению заслуживали его внимания. Это были большей частью жены его друзей. Узнав об их присутствии, Д. И. на несколько минут выходил в гостиную их «занять».

К третьей категории относились все остальные дамы, которых Д. И. считал существами эфирными, с нежными нервами, существами, которые на все могут обидеться и расплакаться от всякого вздора. Д. И. первое время относил и меня к этой категории, но все же присутствие такого существа в Палате считал полезным ради смягчения нравов. Особенно нравилось ему вдруг появившееся «тонкое обращение». Однажды во время беседы моей с ним третий собеседник встал и предложил мне свой стул. Д. И. это умилило: «О-о! Сейчас видно, что молодой! Вот и догадался. Мне бы, старику, никогда не догадаться, а молодой сейчас заметил. Отлично! Отлично!»

Так я начала работать. Официально служба началась в 11 часов. Приходя к 10, я уже находила Д. И. в кабинете, брала у него работу и уходила в 6 час., а Д. И. оставался еще в кабинете. Он писал тогда замечательный труд «Опытное исследование колебания весов». Великий химик поправлял Галилея, который, как известно, считал колебания тяжелого маятника изохронными, т. е. считал, что большие и малые размахи совершаются в одинаковые промежутки времени. Время он измерял биением своего пульса. Д. И., стоявший теперь во главе всяких измерительных вопросов, обратил внимание на то, что последующие и современные физики, обладая уже точными измерительными приборами, брали на веру галилеевское утверждение, сам утвердил сейчас же убывание времени

с убыванием размахов, и стал искать законы этого убывания. Огромное число наблюдений подвергалось математической обработке, которой я призвана была помогать. Часто во время занятий дверь кабинета распахивалась, Д. И., приятно взволнованный, садился рядом в кресло, закуривал и делился только сделанными выводами. Можно представить себе счастье и гордость девочки, выросшей в атмосфере поклонения Менделеевскому имени и удостоившейся теперь великолепного счастья первой узнать о стадии развития научной мысли гения. Это польстило бы и зрелому человеку.

На пятый день моей работы Дм. Ив. позвал меня к себе: «Надо сглаживать ряды наблюдений. Изволили заметить, давал вам формулы сглаживания Скиапарелли. Это недостаточно. Надобен метод Чебышева. Мало кто им владеет. Кроме меня, может быть, пять человек в России. Так вот, если бы вы им овладели, были бы ценным человеком. Вот-с возьмите, тут в моей книжке найдете об этом способе, а вот мои расчеты. Может быть, поможет. Исчислите формулу для 25 наблюдений. Одолеете? А?»

Одолею. Надо одолеть. Опять пылают щеки и бьется сердце, словно на страшном экзамене, но у себя в комнате, в ночной тиши. Утренний свет застал меня за исчисленной уже Чебышевской формулой для двадцати пяти наблюдений. С какой гордостью я протянула Д. И. свои расчеты. Он был доволен.

В тот же день я узнала от делопроизводителя, что зачислена в лаборанты Главной палаты мер и весов, а на мой вопрос, какие надо представить документы, коротенький и толстенький Андрей Иванович горестно махнул рукой: «Говорил ему, а он «нагрубил». У меня, говорит, не полицейский участок, чтобы документы разбирать. Мне работники нужны, а не их документы. Так что не беспокойтесь. Представление так напишем».

«Нагрубил» на языке А. И. означало, что Д. И. раскричался. Постоянно он возвращался от Д. И. (большей частью делопроизводителя требовали на квартиру к Д. И.: в Палате как-то времени для делопроизводческих интересов не хватало) грустный и на вопрос, что с ним, со вздохом отвечал: «Нагрубил». И, когда рассказывал подробности, видно было, с каким благодушным юмором он переносит эти «грубости».

И мало-помалу стало мне ясно, что все любят Д. И., но только одни боятся его, а другие, правда немногие, — нет. Первые волнуют Д. И., а вторые действуют успокоительно.

Итак, я уже не на временной работе, не калькулятор, а лаборант, и Дмитрию Ивановичу, никуда уже не выходящему из дому, пришлось ездить в наемной карете к министру финансов Витте испрашивать разрешения на допущение женщины к службе в Гл. палате мер и весов. Такие были времена.

К концу первого месяца моей службы Д. И. позвал меня к себе в кабинет, сказал, что место у меня постоянное и, кроме того, такое же место он может предоставить еще одной барышне по моему выбору: «Есть ведь на примете подружка? Я ведь понимаю, что вам одной скучно, надо и поболтать вместе и посмеяться, да и работы много вычислительной: я вон отрываю таких лиц, у которых и без того дела много. А у меня такой план, чтобы женщины в Палате упрочились. Ну-с, так вот, и зовите хоть сейчас».

Через два дня я сидела рядом с моей подругой Е. Ф. Эйдимионовой. К моей сотруднице, девушке действительно очень застенчивой, Дм. Ив. относился очень бережно и боялся иметь с нею дело, ценя однако ее работу: «Я уж с ней через вас буду разговаривать. А то она краснеет. Я не могу...»

Действительно, Е. Ф., белокурая блондинка с нежной кожей, краснела до слез, когда Д. И. обратился к ней раза два. Поэтому Д. И. давал ей работу и нужные разъяснения через меня.

Вдвоем работать стало в самом деле веселей и много покойней. Возьмем с утра у Д. И. свой «урок», посоветуемся и защелкиваем арифмометрами. Кругом тишина...

Но вот однажды к нам донеслась из кабинета: «У-у-у! Рогатая! Ух, какая рогатая! Кх-кх-кх! (это смех). Я те одолею, я тебя одолею. Убью-у!» Это значит, Д. И. бился над неуклюжей формулой и, действительно одолевая ее, при помощи остроумных выкладок превратил в коротенькую и очень изящную. Вообще он был недюжинным математиком, стремившимся всегда найти приемы приложения этой дисциплины к жизненным явлениям (например, применение метода Чебышева к приращению народонаселения в Соединенных Штатах, теоремы Гильдена — к

приросту деревьев и проч.). Уставши писать, он выходил к нам отдохнуть, делился своими выводами и предположениями или сообщал нам лестные мнения о нас наших бывших профессоров. Сам Дмитрий Иванович отзывался о нас тоже с большой похвалой, разумеется, в своеобразной форме...»

О. Э. Озаровская. Воспоминания о Д. И. Менделееве. «Красная Нива», № 51, 11—14 (1926); № 42, 10, 11 (1926).

В. А. Патрухин

«Как только я вошел в кабинет и после рукопожатия сел, согласно наказу А. И. Кузнецова, в кресло, не ожидая приглашения (Дмитрий Иванович терпеть не мог, когда во время разговора с ним стояли), хозяин кабинета, обратясь ко мне, сказал следующее: «Да, Андрей Иванович говорил мне о Вас... Я, видите ли, до сего не заводил у себя канцелярии, так как ведь больше канцелярия, больше и канцелярских бумаг, черт их возьми! Но теперь дела у нас умножаются, Андрей Иванович один уж с ними не справляется, а потому я Вас беру к себе, но только, смотрите, смотрите, никаких интриг не потерплю, не потерплю и с доброй улыбкой и словами «мое почтение, мое почтение» Дмитрий Иванович крепко пожал мне руку. Все изложенное было сказано с присущей одному только ему своеобразной интонацией и сопровождалось энергичными жестами, произведшими на меня такое впечатление, что я начал раздумывать, уж не из огня ли да в поlying я кидаюсь, переходя в Главную палату, где такой грозный с виду начальник, но А. И. Кузнецов и его и мои будущие сослуживцы успокоили меня, говоря, чтобы я не боялся. «Он ведь у нас только такой по виду, а на самом деле человек добрый», в справедливости чего я так много раз имел случай потом убедиться.

Вскоре же по моем водворении в Главной палате Дмитрий Иванович позвал меня к себе на квартиру, где я в первый же раз просидел у него в кабинете почти весь день, набрасывая карандашом под его диктовку докладную записку Министру финансов по поводу предполагавшихся тогда изменений в нашем таможенном тарифе.

Должен сказать, что такого рода работы мне приходилось потом выполнять бесчисленное количество раз, т. к., особенно в бытность Министром финансов Витте, без заключения Дмитрия Ивановича не осуществлялось ни одно сколько-нибудь важное мероприятие, касавшееся той или иной отрасли торговли у нас и промышленности, не говоря уже о привлечении его к участию в более важных комиссиях, обсуждавших вопросы, существенно затрагивавшие указанные выше отрасли финансово-экономической жизни России и ее взаимоотношение с границей. Впоследствии занятия мои в менделеевском кабинете сделались как бы прямой обязанностью моей службы на протяжении всего времени, в течение коего я работал в Главной палате, а именно с сентября 1900 г. вплоть до последних дней жизни Дмитрия Ивановича, к которому я по его требованию носил бумаги для подписи даже за пять дней перед его кончиной, когда он еще мог встать с постели и когда врачи и окружающие не ожидали печального исхода болезни.

В памяти у меня мое последнее деловое свидание... сохранилось до мельчайших деталей. Когда я вошел в кабинет, Дмитрий Иванович лежал на диване, обернувшись лицом к его спинке, и услышав, вероятно, мои шаги, уже не таким громким голосом, как всегда, спросил: «Кто это?», а когда я отозвался, подошел к дивану, он начал поворачиваться ко мне лицом и стал делать усилия, чтоб встать. Я поспешил к нему на помощь и хотел поддержать его, но он отстранил мою руку, сказав: «Ничего, ничего, я сам» — и почти шатаясь тихонько стал переступать по направлению к своему креслу, усевшись в которое, Дмитрий Иванович, облокотившись на стол и подперев голову рукою, выслушал чтение принесенных мною ему для доклада бумаг и подписал те из них, где то требовалось. Последнюю подпись в качестве Управляющего Главную палатую Дмитрий Иванович сделал на бумаге, адресованной в Казанскую поверочную палату по поводу отпуска ей дополнительного кредита на содержание личного состава.

Как я уже упомянул выше, Дмитрий Иванович звал меня в свой кабинет, когда он хотел что-либо диктовать. К такому способу изложения своих мыслей он особенно часто прибегал в период обострения болезни у него глаз, когда он уже из-за плохого зрения не мог сам писать.

Именно мне он диктовал большую часть всего того, что было напечатано в последние 6 лет жизни Дмитрия Ивановича, а именно «Заветные мысли», «Попытка к пониманию мирового эфира», «Проект Училища наставников» и «К познанию России». В последней книге мне принадлежит не только роль переписчика; так, почти все помещенные в ней таблицы — дело моих рук. Пощелкать на счетах тогда пришлось не мало, потому что итоги этих таблиц, как это и указано в предисловии к книге, составляет собой сводку данных Всероссийской переписи населения 1897 года, помещенных во многих печатных томах. Моей работой руководил Дмитрий Иванович сам, указывая, где, что и как подсчитать и затем сгруппировать результаты переписи в свободную и сжатую, но ясную и исчерпывающую предмет таблицу. Помню, что Дмитрий Иванович очень спешил с выпуском этой книги, успех коей превзошел все ожидания, первое издание, экземпляр коего мне был подарен ее автором и у меня сохраняется, разошлось чуть ли не в 10 дней, а в ближайшие полгода она выдержала, кажется, 5 или 6 изданий.

Одно время Дмитрий Иванович очень увлекался идеей создания такого закрытого учебного заведения, которое бы давало надлежаще подготовленных педагогов для средней школы, результатом чего явилась его брошюра «Проект Училища наставников», где он подробно и развил свои по этому поводу мысли. Он серьезно намеревался стать во главе этого училища, которое, как это явствует из брошюры, предполагалось построить на Волге, где-то между Ярославлем и Костромой. Осуществлению этой постройки помешал тогда уход в отставку с поста Министра народного просвещения графа И. И. Толстого, сочувствовавшего идее Дмитрия Ивановича, говорившего мне, что «побудь граф еще хоть немножко министром, и дело было бы сделано, так как он о нем уже докладывал царю» и подтверждением тому, что дело действительно было близко к осуществлению, служит тот факт, что когда я в тот год уезжал на время отпуска к себе на родину в Ярославскую губернию, то Дмитрий Иванович, узнав, что там, при ст. Шестихино Рыбинско-Бологовской ж. д. имеется большой кирпичный завод, эксплуатировавшийся англичанами, поручил мне переговорить с администрацией этого завода о возможности поставки ими требовавшихся для постройки училища нескольких миллионов

кирпичей и о ценах на него. Поручение это, конечно, было мною выполнено, и я привез ответ, удовлетворивший Дмитрия Ивановича вполне.

Брошюра «Попытка химического понимания мирового эфира», помнится, сперва была написана в форме доклада, который Дмитрий Иванович собирался сделать на съезде в Киеве, поехать ему, однако, почему-то не удалось. Хотя этой брошюры у меня не было и нет, но я помню, что Дмитрий Иванович свою диктовку доклада начинал следующими, очень понравившимися мне словами: «Предметом доклада ученого на съездах и собраниях всегда было и быть должно самобытное слово ученого из той области, в которой он последнее время работал».

Не всем еще, пожалуй, известно, что Дмитрий Иванович серьезно занимался и вопросом об организации экспедиции на Северный полюс, причем не только детально разработал план этой экспедиции, но и сам составил чертеж необходимого для нее судна, которому была придана такая форма, что при сдавливании его двигающимися ледяными торосами, корпус судна должен был в худшем случае, только очутиться на поверхности льда, а не под ним. Дмитрий Иванович хотел ехать в экспедицию непременно, причем, как он выразился, «для письменных дел хотел взять с собой и меня»...

Во время моей работы в кабинете Дмитрия Ивановича к нему часто приходили всевозможные посетители: кто за советом по поводу своей работы, кто чтобы просто засвидетельствовать ему свое почтение, а кстати и обменяться мнениями по тому или иному вопросу. При мне к Дмитрию Ивановичу помню приходили Мечников, Репин, Драгомиров, с которыми он, видимо, находился в дружеских отношениях.

Генерал Драгомиров, бывший в то время Киевским генерал-губернатором и командующим войсками округов, как-то вместе со своим сыном-офицером приезжал осматривать Главную палату, которую ему показывал сам Дмитрий Иванович. И вот, когда Драгомирову, отличавшемуся тучностью и ходившему с костылем, показывали особо точные весы, которые управлялись механизмом из коридора, генерал этот замешкался сесть на стул, чтобы с него через особые призмы наблюдать за манипуляциями на этих весах, нетерпеливый хозяин Палаты своим густым басом громко заметил ему, очевид-

но, желая поторопить: «Да садитесь Вы, Михаил Иванович, скорее», на это Драгомиров, отличавшийся, как известно, находчивостью и юмором, обернул к нему с лукавой улыбкой свое лицо и сказал: «Вот бы мне корпусного команданта с таким голосом — в последней шеренге услышали бы команду». После этой реплики все, в том числе и сам Дмитрий Иванович, расхохотались. Упомянув об осмотре Палаты генералом Драгомировым, я расскажу еще об одном высоком посещении, происшедшем, как говорили, благодаря Витте. Последний, как известно, в бытность великого князя Михаила Александровича в звании наследника цесаревича преподавал ему всякую финансово-экономическую премудрость. Вероятно, на одном из уроков он и предложил своему ученику осмотреть Палату да кстати повидать и ее гениального руководителя и ученого. В назначенное время великий князь приехал в Палату вместе с великим князем Андреем Владимировичем в сопровождении Витте, Ковалевского и др., бывших в полной парадной форме. Одетый тоже в мундир Дмитрий Иванович встретил гостей в вестибюле, выведя из коего высоких гостей, он остановил их в коридоре и сделал краткий доклад о целях и значении Главной палаты, что привело Витте в большое смущение и он, пока Дмитрий Иванович говорил, несколько раз перешептывался с Ковалевским, причем лицо его выражало заметное волнение и беспокойство. Причиной того и другого была, как потом говорили, боязнь Витте, что князь оскорбится тем, что их Дмитрий Иванович остановил в коридоре и тут прочитал им свою лекцию, но видимых знаков недовольства проявлено, однако, не было, и они потом в течение часа ходили по лабораториям Палаты, где им давали подробные объяснения о всех установленных приборах и приспособлениях.

До приезда великих князей было подробно указано всем служащим, где и кто должен находиться и что каждый обязан был делать. Мне Дмитрием Ивановичем приказано было быть неотлучно вблизи и около него, для того чтобы, как он выразился, «можно было послать Вас за кем-либо и за чем-либо». Поэтому я ходил вместе с посетителями по всем лабораториям, и вот в одной из них произошла сценка, ради передачи коей я, пожалуй, главнейше и заговорил о великокняжеском визите в Палату, т. к. она, по-моему, дает некоторые штрихи к обри-

совке Дмитрия Ивановича. В одной из лабораторий, показывая посетителям какой-то особенно точный и сложный заграничный прибор, Дмитрию Ивановичу для ясности объяснения его действий и выводов, видимо, хотелось дать великим князьям какую-то простую и удобопонятную формулу, для которой и начал делать устные вычисления, начав их с умножения цифры 5 на 9. Но, как известно, великий химик иногда начинал свою речь с тягучих а-а-а-а-а, о-о-о-о, которые он произнес и после помножения 5 на 9, не успев сказать результатной цифры этого. Великий князь Андрей Владимирович заминку в высказывании помножения, вероятно, приписал тому, что Дмитрий Иванович забыл, сколько будет 5×9 , и пока он тянул свое а-а-а-о-о-о, желая вывести его из этого затруднительного положения, поспешил подсказать «сорок пять», но Дмитрий Иванович с присущей ему энергией ответил на это громко: «Нет не то, не то». Витте опять задергался и снова стал переглядываться с Ковалевским, а великий князь Михаил Александрович, видимо, довольный данным его спутнику уроком, чтобы скрыть, вероятно, улыбку, поднес в это время к своим губам фуражку. Оказалось, что остановка у Дмитрия Ивановича произошла потому, что он в это время цифры 45 еще в уме множил на что-то и потом из полученной суммы извлекал корень и выводил результат, который потом и доказал князьям на действиях прибора. Об этом инциденте потом много у нас говорили и смеялись, но в момент, когда он произошел, лично мне было не до смеха, далек от коего я был и во время стоянки в коридоре, видя волнение Витте и боясь, что вот он или сам великий князь прервет Дмитрия Ивановича и направит свои стопы дальше. Но ничего подобного не случилось и к чести великого князя Михаила Александровича надо сказать, что он простоял до конца и изображал собой внимание, а при отъезде горячо благодарил Дмитрия Ивановича, видимо, оставшись довольным виденным. Посещение это имело своим результатом отпуск Главной палате дополнительного кредита на выписку из-за границы новых приборов, который Дмитрий Иванович считал гонораром за посещение, а Витте его благодарностью, что все закончилось хорошо и великим князьям понравилось.

Наступил роковой 1907 год, принесший смену Министра торговли и промышленности, которым стал бывший

до того времени товарищем государственного контролера философов, пожелавший после вступления в должность осмотреть Главную палату. Для этого он (11 или 12 января, хорошо не помню) приехал к нам и в вестибюле Палаты его встретил Дмитрий Иванович, видимо, тут и схвативший сведшую его в могилу простуду... Горе всех палатских было неопишимо, без слез почти нельзя было видеть никого... Двери в квартиру Дмитрия Ивановича не закрывались, так как поток людей всех рангов и состояний стремился поклониться его праху.

Отпевание тела Дмитрия Ивановича происходило в Технологическом институте, церковь которого не смогла вместить всех явившихся отдать последний долг тому, кем так гордилась русская наука, и ими была заполнена не только церковная лестница, но и смежные с церковью залы института. В огромном числе пришла на похороны и учащаяся молодежь... К гробу Дмитрия Ивановича на квартиру было доставлено несколько серебряных и более полусотни больших роскошных металлических венков, для отвоза коих на кладбище были заготовлены специальные траурные дроги. Все эти венки были принесены в церковь, помещавшуюся от квартиры покойного, как известно, напротив, на той же улице. Когда отпевание подходило к концу, я попросил студентов взять венки на руки и выстроиться с ними по лестнице, что ими и было охотно выполнено. При выносе гроба из церкви, студенты двинулись вниз и, выйдя из подъезда на улицу, вместо того, чтобы положить венки на дроги, пошли стройной колонной впереди гроба. Увидя это, возглавлявшие присланный на похороны наряд жандармов и полиции полицеймейстер полковник Львов и местный пристав капитан Гарач грозными окриками пытались заставить студентов положить венки на дроги, но те не послушались и продолжали идти с венками на руках, которые так и донесли до могилы, что едва не причинило и Николаю Григорьевичу Егорову как распорядителю похорон большие неприятности. Дело в том, что тогда ношение венков впереди гроба было строжайше воспрещено и не практиковалось в течение многих лет, кажется, со времени похорон Тургенева и Некрасова. Хотя в день погребения и был большой мороз, но гроб всю дорогу несли на руках и вокруг него была образована учащимися цепь и порядок все время был образцовый, хотя за гробом и шла

громадная толпа. Когда опустили гроб в могилу, на ней были произнесены прощальные речи профессорами Д. П. Коноваловым и Н. Г. Егоровым и еще несколькими лицами, фамилии коих запамятовал, а также представителем студентов.

На второй день похорон от Н. Г. Егорова по поводу несения венков на похоронах требовал объяснений исполнявший в то время обязанности градоначальника генерал Вандорф, грозивший карами, от которых Николай Григорьевич избавился лишь благодаря посредничеству тогдашнего городского головы Н. А. Резцова (ученика Дмитрия Ивановича по Технологическому институту), как-то уладившего и погасившего этот инцидент путем личных переговоров с Вандорфом,— не заступись он, дело для нас обоих могло, как тогда говорили, закончиться печально.

Тот же Н. А. Резцов принял горячее участие и в возбужденном сразу же после смерти Дмитрия Ивановича вопросе о постановке ему памятника перед главным входом в университет, для чего он тогда выхлопотал у городской Думы 25 тыс. руб. Для той же цели 5 тыс. руб. пожертвовал и университет, а служащие Главной палаты издали на свои средства при посредстве Экспедиции заготовления государственных бумаг гравированный художником Рундальцевым большой портрет ее основателя, быстро разошедшийся и давший хорошую прибыль. Сооружению этого памятника помешала мировая война...

Теперь на многих углах улиц и площадей столицы видим часы, но, вероятно, очень немногие знают, что и в этом деле инициатором был не кто иной, как Дмитрий Иванович, по его именно предложению Витте испросил у царя разрешение на отпуск денег для прокладки от Главной палаты до Зимнего дворца специального медного кабеля, соединяющего нормальные часы Палаты с часами, установленными тогда же (существующими и сейчас) у арки Главного штаба, послужившими образцом для всех остальных уличных часов...

К моменту ухода моего из Палаты в 1911 году я прослужил уже в правительственных учреждениях 25 лет, но из них в срок выслуги на пенсию считалось только 8 лет, а остальные 17 лет не зачислялись мне как происходившему из крестьян и не имевшему поэтому права поступления на государственную службу, каковое право

я получил только благодаря ходатайству Д. И. Менделеева, когда он назначил меня бухгалтером и выхлопотал мне чин коллежского регистратора... Дали мне его только, конечно, потому, что ходатаем был Дмитрий Иванович, настойчиво просивший об этом министра Коковцева и его товарища Тимирязева, неоднократно давая обо мне самый лестный отзыв. По существовавшим в то время правилам, чтобы наградить меня этим чинишком, надо было, чтобы его испросили по списку наград «вне правил, за особо выдающиеся отличия», каковых награда на все министерство финансов давалось всего только пять в год и их обыкновенно получали только первоклассные деятели или особо чем-либо угодившие министру... Можете поэтому судить, как велик был престиж Дмитрия Ивановича, отказаться которому заправила министерства, очевидно, не посмели, и просьбу его удовлетворили, конечно, как говорится, скрепя сердце и со злобой на меня... Если бы кто прочитал имеющуюся у меня в копиях переписку о моей награде, тот бы увидел, как много усилий приложил Дмитрий Иванович к тому, чтобы я получил эту ничтожную с виду, но для меня имевшую такое жизненное значение награду...»

В. А. Патрухин. Сорок семь лет барахтанья в канцелярском болоте. Ключки и отрывки воспоминаний (вместо автобиографии). Рукопись хранится во ВНИИМ им. Менделеева.

А. В. Скворцов

«Должность я занимал незначительную и лично сталкиваться с Д. И. Менделеевым мне не приходилось. Я и не надеялся на это, так как не знал за собой никаких заслуг, которые могли бы что-либо значить в глазах такого человека, как Менделеев, и не считал себя вправе рассчитывать на внимание великого ученого. Но случилось иначе.

Однажды во время занятий приходит служитель Главной палаты Михаил Петрович Тройников, который одновременно обслуживал Дмитрия Ивановича на квартире, — топил печи, выполнял разные поручения. Обращаясь к А. И. Кузнецову¹, Михаил Петрович говорит:

— Дмитрий Иванович просит Скворцова к себе на квартиру.

А. И. Кузнецов, мой непосредственный начальник, сейчас же подозвал меня:

— Управляющий зовет вас к себе. Идите скорее, а то он не любит, когда медлят, и рассердится. Только вы не называйте его «ваше превосходительство». Хоть он и в генеральском чине, а терпеть не может, когда его величают «превосходительством».

У меня душа в пятки ушла, спрашиваю, зачем меня зовет Дмитрий Иванович. А. И. Кузнецов ответил, что не знает. Я пошел...

... Дойдя до квартиры Менделеева, я остановился и долго не решался нажать кнопку электрического звонка. Наконец набрался храбрости и позвонил. Михайло открыл дверь и пошел докладывать о моем приходе.

Вот наконец я вхожу в кабинет Дмитрия Ивановича. Он сидит за большим письменным столом, уставленном книгами; на столе лежат также разные бумаги, стоит большая чашка с чаем, стеклянная коробка с табаком. Дмитрий Иванович продолжает что-то писать. Я подошел и жду, а сам рассматриваю кабинет. Меня поразили большие размеры кабинета, прекрасная, как мне тогда казалось, обстановка, множество шкафов с книгами, а также развешанные по стенам картины и гравюры.

Окончив писать, Дмитрий Иванович сказал:

— А, здравствуйте, садитесь.

Я сел.

— Знаете,— говорит он,— я стал стар и плохо вижу: мне трудно теперь самому читать и писать, рука дрожать стала, пишу неразборчиво. Вот я и хочу, чтобы вы мне стали писать, что я буду диктовать, да и читать тоже. Ну, и были бы моим секретарем.

— Дмитрий Иванович, у вас ведь есть секретарь,— сказал я, имея в виду секретаря Главной палаты.

— Так то секретарь казенный, палатский,— возразил Дмитрий Иванович,— а я хочу, чтобы вы были моим личным секретарем. Видите,— продолжал он, показывая мне свою рукопись,— как я неразборчиво пишу, какими каракулями.

Из деликатности я промолчал. В это время входит в кабинет, направляясь в следующую за ним комнату, полная дама, супруга Менделеева — Анна Ивановна.

— Анна Ивановна, вот он,— сказал Дмитрий Иванович, указывая на меня,— находит, что я пишу плохо, каракулями.

Остановившись, Анна Ивановна с улыбкой отвечает: — Так что же, Дмитрий Иванович, ведь это и правда.

— Да, да, действительно я пишу теперь очень неразборчиво,—с грустью замечает Дмитрий Иванович.— Так вот, видите ли,—продолжал он, снова обращаясь ко мне,—я буду вызывать вас к себе, и вы будете записывать под мою диктовку или что-либо другое делать; ну, читать, что ли, книгу, газету или письмо.

Он сказал далее, чтобы я имел всегда наготове пронумерованные листы бумаги и пять-шесть карандашей, очищенных с обеих сторон, так как во время диктовки чинить карандаши и нумеровать страницы будет некогда. Я, конечно, согласился.

— Ну вот и хорошо... до свидания,—промолвил Дмитрий Иванович, заканчивая разговор.

Обрадованный, что никакого «нагоняя» не получил, я поспешил возвратиться в Палату и рассказал обо всем своему начальнику А. И. Кузнецову. Он заметил, что работа моя у Дмитрия Ивановича пойдет мне на пользу, что Дм. И. хороший, добрый человек, хотя с первого раза он и производит впечатление сурового и строгого...

... С тех пор началось мое более близкое знакомство с Д. И. Менделеевым. В первое время он, по мере надобности, вызывал меня к себе в часы занятий записывать под диктовку только официальные письма и доклады, касающиеся Главной палаты. Помню, что, записывая их, я всегда удивлялся умению Дмитрия Ивановича находить неотразимые для начальства доводы в пользу того, о чем он просил.

В одно из посещений Дмитрий Иванович сказал мне, что ему было бы удобнее, если бы я жил на территории Главной палаты, и потому он уже сделал распоряжение предоставить мне комнату в том же здании и этаже, где проживал и сам. Я не замедлил переехать на новую квартиру.

Теперь Дмитрий Иванович стал вызывать меня к себе очень часто по вечерам. Писать приходилось долго, по несколько часов подряд, причем иногда рука моя уставала до такой степени, что я больше уже не в состоянии был продолжать, и Дмитрий Иванович, видя это, пре-

крашал диктовку. Бывало и так, что он сам, вероятно, утомившись, говорил: «Ну, на сегодня хватит, я устал, надо отдохнуть: приходите завтра часов в шесть, и мы будем продолжать».

Под диктовку Дмитрия Ивановича я записал несколько знаменитых его произведений — часть «Заветных мыслей» (книга вышла из печати в 1905 году), «К познанию России» (1906 год), «Училище наставников» (1906 год) и др.

Как известно, книга Д. И. Менделеева «К познанию России» содержит в себе очень большое количество цифровых данных, касающихся переписи населения России в 1897 год. Все эти цифры были извлечены по поручению Дмитрия Ивановича и по его указаниям мною и сотрудником Палаты В. А. Патрухиным из 100 томов статистических материалов «Переписи 1897 года», доставленных Дмитрию Ивановичу из Центрального статистического управления. Целых два месяца мы «корпели» над материалами переписи, пока не одолели их и не представили результаты своих подсчетов и расчетов на рассмотрение Дмитрию Ивановичу. Я помню, как сейчас, сколько времени потребовало у меня составление только одной сводной ведомости всех цифровых выкладок. Ведомость заняла два листа чертежной ватманской бумаги, склеенных в длину. Мне приходилось влезать на большой чертежный стол и, лежа на столе, вносить цифры в соответствующие графы, которых было свыше 50. Длина этой сводной ведомости составляла 2 метра при ширине в 1 метр. Полностью в таком виде эта таблица не могла быть напечатана, ибо типография не располагала таким большим количеством цифрового шрифта, и Дмитрию Ивановичу пришлось разбить ее на несколько отдельных таблиц.

Я горжусь тем, что Д. И. Менделеев во вступлении к своему труду «К познанию России» упомянул об «особой помощи», которую мы с В. А. Патрухиным оказали ему в расчетах, касающихся переписи 1897 года, и выразил нам свою благодарность за эту работу. Книга эта в течение полугода выдержала пять изданий* и я до сих пор испытываю приятное чувство удовлетворения от сознания полезности выполненной мною скромной работы.

* В 1906 г. было опубликовано четыре издания, в 1907 г. — еще два. — *Сост.*

В работе Д. И. Менделеева «Училище наставников» мне пришлось принять участие уже одному.

Давнишней мечтой Дмитрия Ивановича, высказывавшейся им неоднократно во многих работах, была организация такого училища, называемого иначе «Профессорским институтом». Он думал построить этот институт в отдаленном от шумных больших городов месте, на берегу Волги. Д. И. Менделеев приступил к разработке проекта. Здесь было также много разных расчетов. Дмитрий Иванович очень спешил с представлением проекта, рассчитывая на осуществление его в ближайшее время.

— Ну вот, теперь мы скоро поедем на Волгу строить училище, — неоднократно говорил мне Дмитрий Иванович, увлеченный своим проектом. — И вы тоже поедете со мной, — добавлял он.

Однако развитие народного образования и усиление подготовки высококвалифицированных педагогических кадров не входило в планы царского правительства, и проект Д. И. Менделеева так и остался неосуществленным...

...За это время я довольно хорошо познакомился с его обычаями и привычками.

Упомяну прежде всего об обязательном стакане чая, который Дмитрий Иванович предлагал каждому пришедшему в его кабинет посетителю. Обыкновенно бывало так, что, как только придешь к нему, — он сейчас же дает распоряжение служителю М. Тройникову: «Михайло, чаю...». Через несколько минут приносили стакан чая, очень сладкого, с лимоном и к чаю — печенье или сдобные сухари.

Дмитрий Иванович несколько раз обращал внимание на то, что записывать под диктовку несколько часов подряд очень утомительно, и все хотел как-нибудь облегчить мой труд. Как-то раз приходит он в Палату, направляется в свой служебный кабинет, и я слышу, как он начинает что-то диктовать. Через некоторое время он вызывает меня и говорит: «Вот, послушайте, что я наговорил в фонограф на валик».

Я вставил резиновые трубки в оба уха и слушаю. Раздается сначала шипение, хрипение, а потом какие-то звуки, очень трудно уловимые и почти неразличимые. Я разобрал только некоторые слова и в их числе очень странные: «Дети в возрасте от 10 до 25 лет...» Я подумал, что

Дмитрий Иванович ошибся, очевидно, называя детьми людей в возрасте 25 лет, и надо правду сказать, даже обиделся за себя. Мне не было тогда 25 лет, но я считал себя взрослым, а тут вдруг «дети».

— Ну, как? — спросил Дмитрий Иванович.

Я ответил, что почти ничего нельзя расслышать.

— Я мог разобрать только слова, касающиеся возраста детей, да и то, кажется, не совсем их понял, — сказал я. — Мне слышалось, что вы сказали «дети в возрасте от 10 до 25 лет. Какие же дети в 25 лет, они уже взрослыми считаются!»

Дмитрий Иванович откинулся на спинку кресла и засмеялся:

— Ха, ха, ха! Да, да, верно, это я говорил. Конечно, какие же это дети в 25 лет. Ну, это я исправлю, ничего, ничего... А вам, понятно, обидно стало. Я ведь сам считал себя уже взрослым, когда мне было 18 лет. Ах, молодость, молодость!

Помолчав, Дмитрий Иванович сказал:

— Жаль вот, что фонограф нельзя использовать для записи диктовки. Тогда бы и вам было легче с него записывать. Ну да ничего не поделаешь. Приходится бросить эту затею. А вот, знаете, хорошо было бы, если бы вы учились стенографии.

Он добавил, что в два-три месяца можно изучить курс и тогда легче будет записывать диктовку стенографическими знаками. Он тут же дал мне адрес известного ему преподавателя стенографии и добавил, что заплатит за мое обучение. Прошел я курс стенографии, кажется, месяца в три, но применить стенографию для записи диктовок Дмитрия Ивановича решил не скоро. Только спустя некоторое время, почувствовав себя в достаточной степени для этого подготовленным, я перешел на стенографирование диктовок Д. И. Менделеева и продолжал записи таким образом до его смерти.

Дмитрий Иванович был, безусловно, добрым человеком и прекрасным начальником, правда вспыльчивым и на вид суровым. Когда он был в плохом настроении, он «распекал» помощников, не выполнивших его указания, используя при этом все ступени музыкальной гаммы. Но он был отходчив и скоро забывал провинности своих сотрудников. Вообще же его отношение к подчиненным было именно отеческим. Он всегда был готов помочь каж-

дому из служащих словом и делом. Если служащие обращались к Дмитрию Ивановичу как управляющему Главной палатой с просьбой об оказании им денежной помощи по разным случаям, то отказа в ней никогда не было; хотя бы небольшое пособие, сколько позволяли денежные ресурсы, но все же разрешит выдать.

В отношении младших служащих — сторожей, дворников, мастеровых (как в то время называли рабочих) Дмитрий Иванович установил неписанный закон, по которому все они имели право на небольшую прибавку жалованья в случае рождения у них ребенка. Все эти младшие работники были обеспечены бесплатными помещениями с отоплением и освещением. Надо сказать, что Д. И. Менделееву стоило больших трудов добиться ассигнования средств на строительство квартир для служащих при сооружении нового здания Главной палаты. Царскому правительству чужды были заботы о «маленьких» людях, и государственный контроль категорически возражал против отпуска денег. Государственный совет также отклонил представление Министерства финансов об ассигновании средств на постройку квартир, и Дмитрию Ивановичу пришлось пригрозить отставкой, чтобы получить необходимые кредиты.

За отеческое отношение со стороны Д. И. Менделеева сотрудники его платили ему искренней любовью. Особенно проявилось это в день празднования его семидесятилетнего юбилея 8 февраля (по новому стилю. — Сост.) 1904 года.

Мы, служащие Главной палаты мер и весов, задолго еще до этого дня обсуждали вопрос, каким способом лучше выразить свои чувства великому человеку и начальнику-учителю. Много было разных предложений и проектов, от самых торжественных до самых скромных. Были проекты ознаменовать юбилей банкетом и поднесением адреса в торжественной обстановке. Но когда узнали, что Дмитрий Иванович чувствует себя не совсем здоровым и вообще уклоняется от всяких торжеств, то порешили ограничиться самым скромным способом выражения своих чувств.

Был доставлен такой текст адреса:

«Дорогой Дмитрий Иванович!

При многочисленных и разносторонних трудах, Вы нашли время и возможность создать Главную палату мер

и весов, вдохнув в жизнь ее ту научную атмосферу, в которой живет легко и привольно.

В сегодняшний день — день праздника русской науки, когда представители ее чествуют семидесятилетие Вашей жизни, плодами коей так справедливо гордится Россия, — позвольте и нам, ближайшим свидетелям Ваших неусыпных трудов по Главной палате, сказать Вам слово приветия и выразить всю ту благодарность, которою мы глубоко проникнуты за Ваши отеческие заботы о нас и нашем учреждении, столь высоко во всех отношениях Вами поставленном...

27 января 1904 года».

Адрес подписан 34 сотрудниками Главной палаты. Для поднесения адреса на квартиру Д. И. Менделеева отправилась делегация из представителей служащих Палаты. Дмитрий Иванович встретил ее очень приветливо у себя в кабинете, выслушал адрес, был растроган до глубины души и даже прослезился, как потом рассказывали вернувшиеся делегаты».

А. В. Скворцов. Пять лет с Менделеевым. «Знание — сила», № 12, 13—17 (1952).

Н. Г. Егоров

«Осенью 1867 г., когда мы слушали лекции 2-го курса, Университет стал готовиться к устройству в конце декабря Первого съезда русских естествоиспытателей и врачей. Это было знаменательным событием в истории нашего физико-матем. факультета. С горячим единодушием все профессора факультета приложили особенные старания, чтобы сделать Съезд сколь возможно плодотворным...

Соединенное собрание секций физики и химии было открыто Д. И. Менделеевым, который предложил председателем профессора физики Казанского университета Больцани¹ и секретарем С. И. Ковалевского.

...Мы испытали сильное впечатление от речей на общих собраниях Съезда: А. Н. Бекетова — «О естествознании как предмете общего образования», речь А. С. Фаминцына «О воспитательном значении естествен-

ных наук» и краткое, но выразительное заявление проф. Менделеева о содействии Съезда распространению в России метрической системы. В ряду многих постановлений Съезда самым ценным было постановление об учреждении Русского химического общества...

Невольно мысль переносится за 40 лет назад к первым собраниям Физического общества, к первым научным докладам в них. С каким вниманием и интересом мы слушали первые доклады Д. И. Менделеева — о сличении метров и килограммов, предназначенных для исследований над упругостью газов, с образцовыми мерами Парижской консерватории искусств и ремесел, о различиях при определении средней плотности земли по способу Кавендиша, которые, по мнению Менделеева, требовали проверки Ньютонова закона на малых расстояниях для тел, различных по массе и химическому составу, о дифференциальном барометре...».

Н. Г. Егоров. Воспоминания университетского товарища. «ЖРФХО, часть физическая», т. 47, 28, 29, 30, 33—34 (1915).

«Дмитрий Иванович в последний раз был в Главной палате в четверг 11-го янв. (1907 г.) при посещении ее министром торговли и промышленности. После 2-часового обхода по Палате и по отъезде министра Д. И. оставался в своем кабинете еще около $\frac{3}{4}$ часа, был очень доволен посещением и отдал распоряжение Ф. П. Завадскому² об изготовлении большого плана помещения Гл. пал. на случай подобных бывшему осмотров, для объяснения особенностей устройства различных отделений Палаты. По всей вероятности, Д. И., сильно утомившись, при возвращении домой на сильном ветру (его вел под руку служитель) простудился и уже с утра пятницы почувствовал недомогание и простуду. Приглашенный доктор Покровский, пользовавший Д. И. в последние годы, нашел у него начало сухого плеврита. В субботу Д. И. сильно кашлял и чувствовал боли в боку и вечером в последний раз играл в шахматы с лаборантом Гуциным³. В воскресенье 14 янв. Д. И. чувствовал себя также дурно, но имел достаточно бодрости и силы работать вечером, в течение целого с лишком часа вести оживлен-

ную беседу с одним из посетителей. В понедельник 15 янв. утром Д. И. стало хуже. Доктор Покровский высказал Анне Ивановне опасение за возможность крупозного воспаления легких и предложил больному лечь в постель. Было решено пригласить на консультацию проф. М. В. Яновского. Около 4-х часов дня к Д. И. явился и. о. секретаря Палаты В. А. Патрухин с обычным докладом, но Д. И. чувствовал себя так плохо, что мог только подписать две срочных бумаги (последние). После 4-х часов с большим трудом уговорили Д. И. лечь в постель. Приглашен был брат милосердия. Около 11 ¹/₂ ч. вечера посетил больного проф. Яновский, который после осмотра сказал Анне Ивановне, что началось катаральное воспаление легких, но что сердце и пульс работают нормально.

С этого дня посещал Д. И. ежедневно 2 раза в день (утром и вечером) доктор Покровский, а около 3-х часов дня — проф. Яновский.

В среду 17 янв. в 12 ч. Д. И. пригласил к себе меня и продиктовал телеграмму Туркестан. ген.-губернатору с просьбой сообщить Ф. И. Блумбаху о скорейшем возвращении из края вагона Палаты. Он говорил бодро, но чувствовал сильные боли в груди; я пробыл у Д. И. не более 5 мин.

В четверг 18 янв., по словам близких, Д. И. особенно сильно страдал — его мучил кашель и боли. Во время обеда в постели он сказал своей дочери Марии Дмитриевне: «Надоело жить, хочется умереть». В пятницу с утра временами впадал в забытие и как будто бредил. Проф. Яновский, посетивший больного около 4-х ч. дня, заявил Анне Ивановне, что сердце Д. И. слабеет, поэтому была назначена еще консультация в субботу в 3 ч. дня с проф. В. Н. Сиротининым. Весь день пятницы Д. И. тяжело дышал, и в груди слышались хрипы. Около 11 часов вечера он еще узнавал окружающих, причесал волосы и велел надеть очки, а затем заснул. Около 2-х ч. ночи бывшая неотлучно в эту ночь у постели Д. И. Марья Ивановна (сестра Анны Ивановны) предложила ему выпить молока, но он отказался, сказав ей: «Не надо». Не меняя своего положения в постели, Д. И. спокойно скончался в 5 ч. 20 м. утра (от катар, воспаления легких).

Получив извещение о смерти Дмитрия Ивановича, я по телеграфу сообщил об этом в университеты и другие высшие учебные заведения.

Быстро разнеслось это печальное известие по городу. Множество телеграмм и писем, полученных вдовую Д. И. Менделеева Анной Ивановной, университетом, Физико-химическим обществом, Главной палатой мер и весов, статьи и заметки, помещенные как в русских, так и немецких, английских, американских, французских, итальянских и др. газетах, показали, что утрата Дмитрия Ивановича не только в России вызвала неподдельное горе, но весь ученый мир потерял в нем одного из лучших и популярнейших своих представителей».

Н. Г. Егоров. [О последних днях жизни, о болезни и смерти Д. И. Менделеева]. «Журнал Русского физико-химического общества», т. 39, 242, 243, (1907).

П. И. Вальден

«Стремление своего духа Менделеев охарактеризовал сам в двух... Лондонских чтениях (1889). Путем экспериментальных исследований он хочет дать «выход философским мыслям», постоянно заботясь о том, «чтобы имеющийся запас фактов привести в соответствие с основными требованиями естественной философии...». Философское осмысливание своего творчества приводит Менделеева к созданию периодической системы химических элементов, а также позволяет ему создать теорию растворов, не противоречившую химическим явлениям; глазами мудреца и химика рассматривает он мировой эфир и обращает его в химический элемент. Как мудрец, он хотел передать окружающим квинтэссенцию своего жизненного опыта и богатые плоды своего мировоззрения: «Хочется-то мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочетанности таких отдельных граней познания, каковы: вещество, сила и дух; инстинкт, разум и воля; свобода, труд и долг» — так писал он в послесловии своих «Заветных мыслей» в 1905 году...

Труды его жизненных усилий, как гордая колонна, возвышаются над окружающей действительностью; чтобы подробно описать дело его жизни, потребуется книга...

Как человек Менделеев был и внешне чрезвычайно своеобразен; по богатству своих ниспадающих волос и форме бороды он представлял характерную голову, красивей и выразительней которой не найти даже у Доре в его иллюстрациях. Несмотря на то, что он не был оратором в обычном смысле слова — для него была характерна несколько тяжеловатая, запинаяся речь — он умел воодушевлять на своих лекциях академическую молодежь. Его лекции, насыщенные большими философскими обобщениями, всегда тесно связанные с действительностью и жизненными интересами отечества, а также насыщенные новейшими результатами исследований, всегда привлекали слушателей к его могучей личности. Очень простой в обращении, чуждый к проявлению славы и знаков внимания, он должен был все-таки принимать от своих соотечественников почетные титулы и знаки отличий. Менделеев был удостоен научных и академических почестей и был признан как у себя на родине, так и всем мыслящим человечеством, как это и подобало титану духа. Русское физико-химическое общество выбрало его своим почетным членом в 1880 году «как ученого, равного которому нельзя найти в русской химии». Он был почетным членом большинства университетов и высших учебных заведений России, и каждое из технических и экономических обществ его страны спешило назвать его своим почетным членом. Он был действительным членом Императорской академии художеств в Петербурге; он был почетным членом большинства академий Европы и Америки, почетным доктором зарубежных университетов.

В лице Менделеева Россия потеряла одного из своих величайших сыновей; воодушевляемый любовью к родине, всеми силами своего необыкновенного таланта стремился он преумножить благосостояние и авторитет своей родины. Его личность в России была своего рода духовной программой, его слово и суждения были равны приказу, его имя так популярно, как ни у одного из ученых.

Почти полвека назад молодой неизвестный профессор Д. Менделеев поступил в Петербургский технологический институт, а теперь, 5 февраля (23 января), на том же месте лучшие ученые огромной страны проводили в последний путь того, кто был известен и почитаем всем

народом... Тысячи следовали за гробом, который несли студенты, на Волково кладбище, и родная земля, которую так горячо любил Менделеев, приняла его, гордость России, в свое лоно».

P. Walden. Dmitrij Ivanovisch Mendeleeff. Chemiker-Zeitung, № 14, s. 171, 172 (1907).

Б. Браунер

«Невозможно в такой краткой статье показать, насколько плодотворной была деятельность Менделеева не только во всех областях химии, но и в других смежных науках. Славу ему принесли его работы в области общей, теоретической и физической химии. Из всех опытов, которые он проделал в области органической химии, мы приведем хотя бы его работы с энантиомерной кислотой, пропиловым спиртом и особенно с нефтью. В 1883 г. Менделеев нашел очень простое и обобщенное выражение для расширения жидкости при нагревании при постоянном давлении от 0° до точки кипения. Дальнейшее развитие менделеевской формулы позволило позднее обосновать весьма простым способом критическую температуру тел при наблюдении их расширения в жидком состоянии.

Последующие физико-химические исследования Менделеева относятся к области контактных взаимодействий, фракционной перегонки и температуры вспышки органических соединений. Образцом точнейшего физического измерения может служить его работа об удельной массе абсолютного спирта и его водных растворов. В многочисленных публикациях и особенно в своей большой работе «Исследование удельного веса водных растворов» (появившейся на русском языке в 1887 г.) он предложил новую теорию водных растворов. Согласно этой теории, в растворах при обычной температуре поддерживается состояние равновесия между соединениями растворителя, растворяемыми телами и продуктами их диссоциаций. Как известно, путем измерений Менделеев сделал заключение о существовании многих гидратов спирта, но его исследовательский метод в то время не выдержал критики Аррениуса. Однако его теория гидратов

в растворах в дальнейшем сыграла свою роль в науке.

Менделеев восхищался Вант-Гоффом и его теорией растворов. Что же касается теории электролитической диссоциации, он неоднократно говорил референту, что не может ее рассматривать как истинное выражение наших знаний об этом предмете, а считает ее предшествовавшей более правильной теории будущего...

Большую известность Менделеев приобрел благодаря своей работе «Периодическая законность химических элементов» (1871) и своему труду «Основы химии», первое издание которого появилось в 1869 году. Последнее (восьмое) издание появилось в 1906 году, за несколько месяцев до его смерти. Это произведение появилось один раз в немецком переводе и дважды в английском. Для двух последних изданий референт написал главу о редкоземельных элементах.

В двух последних трудах Менделеев добился блестящего обобщения, которое привело к определению периодического закона: «Свойства элементов, проявляющихся в свойствах простых и сложных тел, ими образуемых, стоят в периодической зависимости (образуют периодическую функцию, как говорят в математике) от их атомного веса. *Nihil novi sub sole* * — у Менделеева тоже были предшественники. Но от них его отличали огромные знания в области неорганической химии, особенно химии редких элементов, потому так названных, что прежде на лекциях по химии в высших учебных заведениях редко упоминалось о них что-либо, кроме их названия. Молодое поколение будет потрясено, услышав, что только благодаря стараниям Якоба Вольхарда удалось поместить в «*Appalen*» копию статьи Менделеева и что такой грандиозный труд почти полностью игнорировался современниками, за исключением некоторых известных авторов, первым среди которых следует назвать Л. Мейера, который подробно рассматривал периодическую систему в своей классической «Современной теории химии». Именно в этом состоит его большая заслуга, так как это было единственным источником, откуда молодое поколение химиков черпало знания о периодической системе. На лекциях в высших учебных заведениях об этом ниче-

* Ничто не ново под солнцем (лат.).

го нельзя было услышать до 1876 года. С 1873 года я учился в четырех высших учебных заведениях, и только Роско в Манчестере был единственным среди известных мне преподавателей, который не только говорил о Менделееве, но и использовал его и систему как основу преподавания химии*. Это почти всеобщее игнорирование периодической системы продолжалось до 1875 года, когда Лекок де Буабодран открыл галлий. И тогда в один день Менделеев превратился в известного исследователя.

Четыре обстоятельства повлияли на то, что периодическая система была принята всеми химиками и способствовала с этого времени радикальному повороту в преподавании неорганической химии. Прежде всего это было уже упомянутое открытие галлия (1875), затем открытие Нильсоном скандия (1879) и открытие Клеменсом Винклером германия (1886), а также совпадение свойств этих элементов со свойствами гипотетических элементов — экаалюминия, экабора и экасилиция, которые отсутствовали в системе и были предсказаны Менделеевым. Как четвертый важный момент рассматривал Менделеев осуществление доказательства, что бериллий со своими, казалось бы, необычными (для нормы) свойствами занял в системе то место, которое было указано ему Менделеевым и что, наконец, доказано после многочисленных дискуссий самими же противниками его мнения (см. *Abeggs Handbuch*, II (1), 27 28). В кабинете Менделеева в общей рамке висели фотографии четырех химиков, которые, по его мнению, первыми доказали правильность периодической системы: Лекок де Буабодран, Нильсон, Винклер, а четвертый химик тот, который в 1878 году *unus contra mundum* (один против всего света. — *Сост.*) начал борьбу за двухвалентный бериллий¹...

О многосторонности научных интересов Менделеева свидетельствует то, что кроме химии и физики он занимался следующими предметами: астрономией, метроло-

* Мой незабвенный учитель Р. В. Бунзен официально не хотел об этом ни знать, ни слышать, хотя был основательно знаком с идеями Менделеева. Один и со своими учениками он занимался опытами, которые должны проверить верность его идей и которые подтвердили те из них, которые касались изменения атомных весов элементов: In, La, Ce, Di. Это был первый триумф периодической системы.

гией (наука об измерениях и весах), геологией (о происхождении нефти), воздухоплаванием, кораблестроением, нефтяной, железной и химической промышленностью, сельским хозяйством и его отраслями, горным делом, металлургией, тарификацией, статистикой, народным просвещением, организацией отраслевых училищ и, наконец, спиритизмом. Он изобрел русский бездымный порох. Для России он имел такое же значение, как Либих для Германии.

Я счастлив, что в течение двадцати шести лет поддерживал дружественные и научные отношения с этим великим человеком. Хотя он знал многие языки, но говорил и писал хорошо, даже блестяще на одном, на русском.

Менделеев был скромный и простой человек, являя собой образец истинно великого человека. Кто хоть раз видел его массивную, выразительную, обрамленную львиной гривой седых волос голову с пронизательными зеленовато-синими глазами, которые загорались юношеским блеском, когда он говорил со свойственным ему темпераментом об одной из своих любимых проблем, тот навсегда сохранит глубокое впечатление, произведенное на него этой могучей личностью.

Прага. 12 февраля 1907. Богуслав Браунер».

Zeitschrift für Elektrochemie und Angewandte Physikalische Chemie, Bd. 13, № 11, 90—93 (1907).

Г. Е. Торп

«Ни один русский не оказал более важного, более длительного влияния на развитие физических знаний, чем Менделеев. Способ работы и мышления у него настолько самобытен, его метод преподавания и чтения лекций так оригинален, а успех великого обобщения, с которым связаны его имя и слава, так поразительно полон, что в глазах ученого мира Европы и Америки он стал для России тем же, чем был Берцелиус для Швеции, Либих для Германии, Дюма для Франции.

...Нигде величие Менделеева не было так быстро и так полно признано, как в нашей стране. Английские

ученые и интеллигенция с радостью выражали ему свое признание. В 1882 г. Королевское общество присудило ему медаль Дэви, а теперь химическое общество, которое гордится тем, что он является его почетным членом, присуждает ему свою высшую награду — Фарадеевскую медаль. К величайшему сожалению большого собрания британских химиков, желавших приветствовать его и послушать памятное чтение на тему, которую он лучше всех прочих мог раскрыть, Менделеев не мог получить эту награду лично, но обстоятельства его отсутствия пробудили глубокое сочувствие и симпатию и послужили усилению чувства уважения и восхищения, с которыми к нему относятся все английские люди науки¹».

T. E. Thorpe. Dmitrij Ivanowitsh Mendeleeff. Nature, v. 140, № 1026, 197 (1889).

«Менделеев довольно часто бывал в Англии и был лично знаком со многими английскими химиками, для которых он всёгда оставался желанным гостем. Его высокая внушительная фигура, красивая голова с длинными большими волосами, его выразительные черты, гортанный голос, мудрая и оригинальная речь, пронизательность и чувство юмора — все характеризовало его как сильную и необычную личность, и его присутствие было сразу ощутимо в любой компании. Менделеев обладал широкими либеральными взглядами и, несмотря на врожденную скромность, пользовался большим влиянием в университете и был, несомненно, бельмом на глазу для российской бюрократии. Как неоднократно указывалось, то, что его часто посылали за границу, было на самом деле плохо замаскированными попытками держать его на приличном расстоянии от дома.

Каждая научная почеть, которую может оказать Англия, была Менделееву оказана, и он был глубоко тронут и благодарен за симпатию и оценку его заслуг. Когда Менделеев читал фарадеевскую лекцию, обязанностью автора этой статьи — в ту пору казначея Химического общества — было передать ему гонорар, причитавшийся в согласии с уставом Общества. Деньги были вручены Менделееву в небольшом шелковом кошельке, вышитом русскими национальными цветами. Он остался доволен

кошельком, особенно когда узнал, что это ручная работа одной леди, присутствовавшей на лекции, и заявил, что будет им пользоваться, однако высыпал соверены на стол, заявив, что ничто не побудит его принять деньги от Общества, которое, оказало ему высочайшую почесть, пригласив его почтить память Фарадея в месте, освященном его работами».

T. E. Torre, Dmitrij Ivanowitsh Mendeleeff. Nature, febr. 1907.

**ВОСПОМИНАНИЯ
РОДНЫХ
Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА**

Н. Я. Капустина-Губкина

«I. Воспоминания детские

12-го июня 1867 года, на рассвете теплой летней ночи два тарантаса медленно поднимались по старинной вязовой аллее к старому одноэтажному помещицкому дому, стоящему в глубине обширного парка из вековых дубов, кленов, развесистых берез и высоких сторожевых елей, скрывающих дом на Бобловской горе. Колокольчики ясно звенели в утреннем воздухе. Пахло березами и влажной землей, а из сада доносилось благоухание резеды, жонкилей и роз.

Тарантасы свернули с аллеи на мостовую двора в усадьбе, колокольчики громко звякнули, лошади остановились у дома.

С крыльца, с большой стеклянной галереи сбежал высокий и бодрый, немного сутуловатый человек в серой куртке с русой бородой и длинными развевающимися над высоким лбом волосами. Он подбежал к тарантасу, в котором сидела моя мать Екатерина Ивановна Капустина, мой брат-мальчик и я, двенадцатилетняя девочка.

— Катенька! — услышала я приятный взволнованный низкий голос.

— Митенька! — они обнялись, мать заплакала. Этот высокий человек был мой дядя Дмитрий Иванович Менделеев...

За несколько месяцев до приезда к Дмитрию Ивановичу моя мать, овдовевшая уже несколько лет и жившая

в Томске, где отец мой был Управляющим Казенной палатой, получила от Дмитрия Ивановича письмо, в котором он советовал ей перебраться в Петербург для воспитания детей, и с приезда приглашал ее остановиться и прожить лето у него в имении в Московской губ. Клинского уезда в сельце Боблове¹. И вот вся наша семья в восемь человек: мать, ее три сына, три дочери и внучка поселились у Дмитрия Ивановича на все лето...

В каждом доме всегда чувствуется неволью, кто душа его, и я как-то скоро поняла, что душа дома был Дмитрий Иванович, в его серой неподпоясанной куртке, в белой панамской соломенной шляпе, с его быстрыми движениями, энергичным голосом, хлопотами по полевому хозяйству, увлечением в каждом деле и всегдашней лаской и добротой к нам, детям, и особенно ко мне...

Я знала, что Дмитрий Иванович ученый и профессор и что он химик. Но это мне тогда не казалось ни интересным, ни важным. А было важно и интересно, что Дмитрий Иванович так любил поля, лес, луга. Первые годы, как Дмитрий Иванович купил себе имение, он очень увлекался своими сельскохозяйственными опытами. Для этих опытов у него и был еще второй приказчик. У него было отдельно так называемое опытное поле с пробами различных удобрений, и Дмитрий Иванович на своем гнедом жеребце часто ездил осматривать это поле. При этом иногда бывало, что я, маленькая ростом и худенькая, но бойкая, оказывалась, по приглашению дяденьки, сидящей с ним вместе верхом на лошади, впереди его казацкого седла. И счастью, и гордости моей не было конца.

Опыты Дмитрия Ивановича дали блестящий результат. Урожай получился такой, что крестьяне поражались. Их поля дали сам четыре, сам пять, а у него было сам десять, сам двенадцать.

Хорошо помню, как раз во дворе к Дмитрию Ивановичу пришли несколько мужиков по какому-то делу и, кончив его, спросили его:

— Скажи-кася ты, Митрий Иваныч, хлеб-то у тебя как родился хорошо за Аржаным прудом... Талан это у тебя али счастье?

Я стояла тут же и видела, как весело и ясно сверкнули синие глаза Дмитрия Ивановича, он хитро усмехнулся и сказал:

— Конешно, братцы, талан. — С мужиками Дмитрий

Иванович любил иногда поговорить на «о» и простонародной манерой, что очень шло к его русскому лицу.

Потом за обедом он, смеясь, рассказал это большим и прибавил:

— Зачем же я скажу, что это только мое счастье. В талане заслуги больше...

Впоследствии я помню Дмитрия Ивановича почти всегда сидящим в его кабинете, занятым и серьезным, как летом в деревне, так и зимой в так называвшейся лаборатории в его казенной университетской квартире, где теперь шинельные студентов. Но это первое лето, как я знала Дмитрия Ивановича, он еще часто бывал весел и разговорчив. Большие читали с ним вместе вслух, кажется, Тургенева и разговаривали, а днем мы, дети, часто сопровождали его и торчали там, где бывал он по своим хозяйственным делам.

Вот он со старшим моим братом у дождемера, поставленного в огороде, рядом с громадным ртутным барометром. Я тут же и поражаюсь, как это ученые придумали узнавать, как смерить, насколько дождя выпало на землю.

Вот я гуляю с Дмитрием Ивановичем за парком по оврагам, называемыми Стрелицами, потому что поля между ними идут как бы стрелами. У первой Стрелицы стоит теперь новый, выстроенный Дмитрием Ивановичем дом. Я рву цветы, а он говорит мне их названия. Он сорвал сам один красивый цветок с липким стеблем и мелкими малиновыми цветочками и говорит:

— Это дрема. Вот не будешь спать, сорви и положи под подушку, уснешь. — И я не знаю, шутит он или это правда. С нами красивый желтоватой масти дог, Бисмарк, Бишка, которого Дмитрий Иванович очень любил за то, что он был умный пес, а я за то, что он так смешно улыбался, морщив вбок свою верхнюю губу.

Иногда Дмитрий Иванович в хорошую погоду любил ездить надолго в лес со всей семьей: с женой, с сыном, няней и нами, детьми. Мы усаживались в телеге и в двухколесной таратайке и с чайниками, чаем и провизией уезжали с утра в лес.

Сына и жену Дмитрий Иванович скоро отправлял домой, а со мной и с младшим братом оставался в лесу до вечера. Мы раскладывали костер, варили чай. Дмитрий Иванович посылал нас за грибами, пек их в углях

и ел. Ели и мы, и нам казалось это необыкновенно вкусным... Пospела рожь. Ее сжали и снопы поставили в суслоны. По утрам с суслонов снимали верхние снопы, чтобы зерно скорее сохло на солнце, а к вечеру надевали их снова, спасая зерно от росы.

Раз во время обеда пошел сильный дождь. Дмитрий Иванович увидел это в окно и вдруг оживленно крикнул нам: Дети! Бежим закрывать суслоны. Рожь намочит!

Мы все вскочили, бросились через парк в поле и с хохотом и криками принялись перебегать по большому полю от суслона к суслону и закрывать их снопами. Дмитрий Иванович руководил нами и бегал, так же как и мы, быстро и весело. Бегал он, немного нагнувшись вперед и размахивая согнутыми в локтях руками. Как сейчас вижу его красивое оживленное лицо, намокнувшую шляпу и куртку и веселые движения...

Настала пора молотью. Дмитрий Иванович купил новую тогда молотильную машину с конным приводом, сам был при сборке ее и первые разы сам опускал развязанные снопы в барабан. Мы, конечно, присутствовали тут же. Как сейчас, вижу его высокую фигуру за молотилкой и то внимание и сосредоточенный вид, с каким он следил, как с легким хрустом барабан втягивает колосья, зерна сыплются вниз и вбок, а освободившаяся, но помятая солома по длинным шевелящимся клавишам спускается на землю.

Пришел конец нашей летней жизни в деревне. Дмитрий Иванович уехал читать лекции в Петербург, а мы поступили в гимназии...

По праздникам я ходила в гости к Дмитрию Ивановичу на его квартиру в Университете². Мне нравились огромные комнаты казенной квартиры в нижнем этаже, полукруглые большие, как ворота, окна, выходящие в университетский сад, широкий темный коридор, весь заставленный учеными сочинениями Дмитрия Ивановича, где связанными пачками виднелись все больше «Основы химии», тогда еще небольшого формата. Скромная обстановка комнат, полосатая, серая с красным тиковая мебель казалось какой-то мелкой в огромных комнатах. Я находила красивыми большие ковры на полу и уже тогда висевшие на стенах хорошие гравюры и картины...

Но самое интересное и таинственное для меня во всей квартире Дмитрия Ивановича был его кабинет-лаборато-

рия, тоже с большими полукруглыми окнами, вся заставленная шкафами и полками с книгами, с лесом стеклянных высоких и низких, прямых и изогнутых трубок и трубочек, колб, реторт, пробирок, высоких банок с многими горлышками и разноцветными жидкостями, плита под стеклянным колпаком, газовые рожки, железные подставки, весы, три винта, проволочные сетки...

Сам Дмитрий Иванович серьезный и важный, в своей серой широкой куртке или стоял или писал за высокой конторкой, стоявшей у газового рожка посреди комнаты, или сидел в углу дивана, обитого также серым с коричневым тиком, и читал или также писал.

Зимой Дмитрий Иванович уже мало разговаривал со мной. Он всегда был занят, и ему всегда было некогда. Выходил в семью он только к обеду, торопливо ел два блюда и уходил опять в свой кабинет...

В 1872 году я кончила курс в гимназии и пришла сказать об этом Дмитрию Ивановичу. Он поздравил меня и стал спрашивать, что я намерена делать после гимназии.

— Я хочу рисовать, сказала я неуверенно. И хотела бы учиться дальше. Я ничего не знаю.

— Вот видишь, то рисовать хочешь, то учиться, — сказал он протяжно и быстро прибавил. — Чему учиться?

— Я люблю... науки. Я бы хотела все знать.

Дмитрий Иванович рассмеялся.

— Все хотела знать... Науки любит... Разобраться тебе надо в себе, матушка, что ты любишь и чего ты хочешь. Всему учиться сразу нельзя. Надо что-нибудь одно делать. Разобраться надо...

Это «разобраться» я помню до сих пор. И хорошо бы, если бы в юности всякий получал этот совет разобраться в себе и следовал ему.

— Я бы хотела быть развитой, дяденька.

Дмитрий Иванович усмехнулся.

— Развитой? Беды!.. Да, вот столяр развитой.

Лицо мое выразило величайшее недоумение.

— Столяр?! Развитой?!

— Да, матушка, столяр развитой человек, потому что он знает вполне свое дело, до корня. Он и во всяком другом деле, поэтому, поймет суть и будет знать, что надо делать.

А я думала тогда, что развитой человек тот, кто Милля и Спенсера понимает.

Дмитрий Иванович точно читал в душе у меня.

— Он, матушка, и Милля поймет лучше, чем ты, если захочет, потому что у него есть основа... Ну, ступай... мне некогда... С Богом... Подожди. Постой. Вот еще что тебе скажу. Самолюбива не будь, если хочешь дело делать. Самолюбивый человек все будет вертеться на своем «я» и не пойдет вперед, а не самолюбивый будет прогрессировать быстро, потому что не будет обижаться, а мотать все замечания себе на ус... Ну... С Богом!.. Христос с тобой.

II. Воспомявая юношеские. 1872—1882 гг.

...Наружность его известна многим по его портретам. Самое характерное в нем было: грива длинных пушистых волос вокруг высокого белого лба, очень выразительного и подвижного, и ясные, синие, проникновенные глаза...

Глаза Дмитрия Ивановича были до последних дней его жизни ярко-синие, и иногда последние годы смотрели так ясно и бодро, как глаза человека не от мира сего.

В фигуре его, при большом росте и немного сутуловатых широких плечах, выделялась тонкая длинная рука психического склада, с прямыми пальцами, с красивыми крепкими ногтями и с выразительными жестами. Походка у него была быстрая, и движения тела, головы и рук, были живые и нервные и в разговоре и в деле: при отыскании книг, инструментов, справок...

Кто мало знал Дмитрия Ивановича и судил поверхностно, считал характер его невыносимо тяжелым... Нервность, горячность, подчас раздражительность — это черты, детали его характера, но основа его, фон — было широкое, любящее сердце. Он сердечно привязывался ко всем своим лаборантам и многим сотрудникам по работам в его лаборатории в университете, а впоследствии к сослуживцам в Палате мер и весов. Он входил в интересы их личной жизни и старался каждому помочь, чем мог...

Очень характерной чертой Дмитрия Ивановича во все время, как я его знала, было то, что он не любил, когда при нем про кого-нибудь говорили дурно, и всегда

прекращал этот разговор. Он не любил еще, чтобы его благодарили, и убегал от выражений благодарности или кричал на благодарившего: «Да перестань... Глупости это все... И что там благодарить. Глупости, глупости!» Некоторые говорили про Дмитрия Ивановича: «У него тяжелый характер». Другие говорили: «У него беспокойный характер». И третьи называли его львом в берлоге, который рычит, когда к нему войдешь. Но кто знал его близко и любил, тот знал, сколько доброты и мягкости было в душе этого большого человека.

С тех пор, как я знаю Дмитрия Ивановича, и до самых его последних дней он приблизительно вел дома все одинаковый, простой и труженический образ жизни.

Сон у него был вполне в зависимости от работы в данное время. Иногда он всю ночь работал и вставал тогда очень поздно, иногда рано ложился, но и вставал рано... Встав и умывшись, он уходил сейчас же в свой кабинет и там пил одну, две, а иногда три больших, в виде кружки, чашки крепкого постного, не очень сладкого чаю. С чаем он съедал или середину подковы с маком, намазанной маслом, или два, три бутерброда с икрой, сыром, с ветчиной или колбасой. Поздоровавшись с семьей, он сразу садился работать и работал до 5—5½. Последнее время он никогда почти не завтракал. Если погода была порядочная, он выходил погулять на ¼, или на ½ часа. Он не любил гулять без цели и всегда ходил купить что-нибудь: сладкого, фруктов, рыбу, которую он любил, или игрушки, когда дети были малы, или книги для них.

Обедал он неизменно в 6 часов. Он любил всегда, если у них бывал кто-нибудь за обедом из родных или близких знакомых. Он был очень радушный хозяин.

За обедом Дмитрий Иванович бывал иногда очень и разговорчив, часто говорил о том, над чем работал в это время. Сладкого блюда он никогда почти не ел и часто уходил из-за стола ранее конца обеда. Он целовал жену в лоб и шел к себе в кабинет, откуда присылал с приходившими к нему детьми сладкого или фруктов для всех. У него всегда были запасы десерта для семьи. Если в гостях бывал мужчина, Дмитрий Иванович ждал, но довольно нетерпеливо, надо сказать, когда тот кончит третье блюдо, и говорил, забавно морщась, если был в духе: «Ну, пойдите ко мне... Довольно Вам с дамами тут любезничать. Пойдемте, пойдете, батюшка».

После обеда, для отдыха Дмитрий Иванович любил читать вслух романы с приключениями, особенно из жизни краснокожих индейцев, а также уголовные романы, из которых всех выше он ставил Рокамболя. «Терпеть я не могу этих психологических анализов, — говорил он. — То ли дело, когда в Пампасах индейцы скальпы снимают с белых, следы отыскивают, стреляют без промаха... Интерес есть... Или Рокамболь... Думаешь, он убит... А он, глядишь, воскреснет, и опять новые приключения. Фантазия какая богатая»... Любил он также Жюль Верна, которого перечитывал по многу раз.

Но, конечно, как человек пытливый и не узкий специалист-ученый, он читал и Шекспира, которого высоко ставил, и Шиллера, и Гете, и Гюго, и Байрона, и наших всех классиков, начиная с Жуковского и Пушкина. Из иностранных поэтов он более всего любил Байрона и особенно «Тьму», которую иногда перечитывал, а из русских — Майкова и Тютчева. Вероятно, эти два спокойные созерцательные поэта отвечали часто его настроению. Иногда Дмитрий Иванович раскладывал пасьянс, пока ему читали вслух. Он всегда сердился, если ему указывали, куда лучше положить карту, он во всем любил самостоятельность...

У Дмитрия Ивановича было еще одно любимое занятие для отдыха — это клеить. Клеил он очень хорошо — чисто и аккуратно. Он наклеивал собранные им коллекции фотографий и гравюр с русских и иностранных известных картин на листы бристольского картона или толстой бумаги, клеил футляры для альбомов и брошюр, коробки, шкатулки, маленькие дорожные ящики, которые он заказывал из фанерок, потом обклеивал сам кожей, и выходили очень прочные ящики... В 1902—1903 г. перед снятием катаракты, когда Дмитрий Иванович очень плохо видел и одно время не различал даже фигурок на игральных картах, он клеил на ощупь, оклеивал коробки и футляры материей, и работа выходила очень чистая, лучше, чем бы у другого зрячего...

В 1902 году зимой и в 1903 году летом Дмитрий Иванович работал с секретарем.

Когда он уезжал из деревни летом 1903 года, он сказал соседям-мужикам, провожавшим его:

— Ну, братцы, жив-то на будущий год еще буду, а уж видеть, может быть, и шабаш.

В это же лето в августе была свадьба второй его дочери Любови Дмитриевны, которая выходила замуж за поэта А. А. Блока, внука А. Н. Бекетова. Свадьба была скромная, семейная. Дмитрий Иванович во фраке, лентах и звездах со своими длинными седыми волосами и бородой имел то размягченное и нежное выражение лица, которое так шло к нему и выдавало наружу в таких исключительных случаях всю любовь его к детям.

Одно только грустно было на этой свадьбе, что он уже плохо видел и все искал то жену, то юную дочь свою, больше всех детей похожую на него чертами лица и синими глазами...

Дмитрий Иванович терпеливо переносил свою временную потерю зрения, он был покоен и бодр. Он диктовал секретарю свои «Заветные мысли», слушал чтение вслух и клеил коробки.

Зимой 1903 г. профессор Костенич сделал Дмитрию Ивановичу в два приема блестящую операцию глаз на дому. И вскоре Дмитрий Иванович начал с помощью очков опять работать с прежней энергией и увлечением.

27-го января 1904 г. Дмитрию Ивановичу исполнилось 70 лет и 50 лет его научной деятельности.

В этот день к нему одна за другой прибывали многочисленные депутации с адресами поздравить его с днем пятидесятилетия его трудовой деятельности на ниве науки. Депутации были от университетов, от Академии наук, от ученых обществ, от Технологического, Горного и др. институтов, от сослуживцев и сослуживиц по Палате мер и весов. Все было торжественно и трогательно, но юбиляр был расстроен и мрачен. В эту ночь началась наша гибельная война с Японией и часть флота нашего уже сильно пострадала. Сначала думали, что все суда наши погибли, и Дмитрий Иванович говорил все время только о войне и плакал. «А если англичане вступят и в Кронштадт придут, и я пойду воевать», — говорил он.

Он получил в этот день более ста приветственных писем и телеграмм из всех частей света, кажется, и вскоре после юбилея начал отвечать на все приветствия, частью через секретаря, частью сам.

Он сказал как-то при мне, вскоре после юбилея: «Не могу я напечатать в газетах, что не имею возможности поблагодарить лично, потому что я имею эту возможность».

В половине декабря 1906 г. я получила письмо от Дмитрия Ивановича по делу и заплакала над ним, потому что оно было написано дрожащей рукой, и это меня испугало.

В последний раз я видела его 30-го декабря в день рождения его младших детей. После возвращения его из Канна я нашла его окрепшим и пополнившимся с виду и обрадовалась, потому что до отъезда за границу в эту осень он был очень худ и бледен.

За обедом Дмитрий Иванович был спокоен, говорил о предполагавшейся экспедиции Вельмана на воздушном шаре к Северному полюсу. Он всегда интересовался этими экспедициями и сам одно время хотел отправиться к полюсу. Но меня немного беспокоило то, что он сидел больше молча, не слушал наших разговоров и смотрел каким-то безучастным взглядом.

В первой половине января 1907 года в Палате мер и весов был новый министр промышленности и торговли Философов; Дмитрий Иванович сам показывал ему все в Палате и, вероятно, немного простудился. Несколько дней он перемогался. Позванный врач Покровский нашел у него сухой плеврит. Дмитрий Иванович чувствовал себя плохо, но все продолжал работать и бродить.

Сестра Дмитрия Ивановича Марья Ивановна Попова, узнав о его болезни, приехала его навестить и нашла его очень бледным и слабым.

— Я вошла к нему, — рассказывала она, — он сидит у себя в кабинете бледный, страшный. Перо в руке.

— Ну, что, Митенька, хвораешь? Лег бы ты, — сказала она.

— Ничего, ничего... Кури, Машенька, — и он протянул ей папиросы.

— Боюсь я курить у тебя, вредно тебе.

— Я и сам покурю... — и закурил. А перо в руке...

Она зашла потом к нему еще раз и опять видит: едва сидит, и перо в руке. Это перо в руке, точно ружье у солдата, смертельно раненного, но остающегося на своем посту до смены.

К вечеру жена его едва уговорила его лечь на диван сначала, а потом в постель, с которой он уже не встал.

Последние слова, написанные им в неоконченной рукописи «К познанию России», были: «В заключение считаю необходимым в самых общих чертах высказать...».

Приехавший в понедельник поздно вечером профессор Яновский нашел у Дмитрия Ивановича воспаление легких.

В пятницу, 19-го января, в последний день своей жизни Дмитрий Иванович почти все время был в забытьи, дышал очень тяжело и сильно страдал, когда приходил в себя. Но все-таки просил, чтобы ему читали вслух: ему читали в этот день «Путешествие к Северному полюсу» Жюль Верна. Если замолкали, когда он впадал в забытье, но, приходя, он говорил:

— Что же вы не читаете, я слушаю.

В 11 ч. вечера он спросил гребенку, причесался сам и потом велел положить гребенку в столик, на место:

— А то потом не найдешь.

В час ночи он выпил немного молока, но больше пить отказался. Он сказал:

— Больше пить не буду..

Я думаю, он не знал, что он умирает, он не прощался ни с кем, и ничего не говорил о смерти, хотя вообще он не боялся ее и последние годы часто писал и говорил о конце и делал посмертные распоряжения своей жене и детям.

А может быть, он и знал, что умрет, но не хотел тревожить и волновать заранее семью, которую любил горячо и нежно.

Скончался он от паралича сердца. Он дышал сначала очень тяжело, а потом все реже и тише, и в 5 часов утра его не стало.

Когда приехала я, Дмитрий Иванович лежал уже в зале на столе величавый и спокойный с сложенными крестом руками, и застывшее красивое лицо его, казалось, говорило: «Теперь я знаю то, что скрыто от вас, еще живущих...».

Во время похорон Дмитрия Ивановича самое сильное впечатление на меня произвела эта несметная толпа народа, провожавшая его к церкви Технологического института и, после отпевания, на Волково кладбище. Двигалась она сплошной темной тучей по зимним улицам города.

Присутствие молодежи с серьезными лицами, с венками в руках и с высоко несенной таблицей периодической системы элементов — это присутствие молодежи — наиболее чуткой и прямой части населения нашей многострадальной родины — было лучшим венком и украшением на

похоронах ученого, трудившегося всю жизнь для своей страны.

Колыхание венков, металлический гроб, который студенты, чередуясь, несли на руках до самой могилы, черные флаги на здании Технологического института, зажженные днем фонари и всюду народ — юноши, женщины, старики — все это оставило неизгладимое и возвышенное впечатление. Жив еще народ, могуча страна, умеющая чествовать лучших сынов своей родины».

Н. Я. Губкина. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве. Спб., 1908.

А. И. Менделеева

«Дмитрий Иванович приходил к нам на 4-ю линию. У себя он устраивал вечера по пятницам для нас, молодежи: двух студентов, братьев Капустиных, их товарищей Весселя и Ленци, О. А. Лагоды, Н. Я. Капустиной и меня. Много читали и говорили там, главным образом Дмитрий Иванович... Живостью и энергией Дмитрий Иванович не только не уступал молодежи, но далеко оставлял ее за собой. Так проходило время. Дмитрий Иванович не пропускал случая доставить нам что-нибудь интересное...

Он хотел облегчить мне со временем доступ в художественный мир, для чего начал посещать выставки, мастерские художников, знакомиться с ними и увлекся так, что начал покупать картины. Художники стали бывать у него, и скоро начались известные менделеевские «среды». Бывали на них постоянно все передвижники — Крамской, Репин, Ярошенко, Мясоедов, Кузнецов, Савицкий, Вл. Маковский, М. П. Клодт, Максимов, Васнецовы, Суриков, Шишкин, Куинджи, Киселев, Остроухов, Волков, Позен, Лемох, Прахов, Михальцева. Из профессоров университета чаще других — А. Н. Бекетов, Меншуткин, Петрушевский, Иностранцев, Вагнер, Воейков, Краевич. Дмитрий Иванович так вошел в художественный мир, что был избран впоследствии действительным членом Академии художеств. На среды приходили без особых приглашений. Художники приводили новых, интересных чем-нибудь гостей. Бывали братья Сведомские, когда приезжали из Ри-

ма, Котарбинский, В. В. Верещагин и много других... Среды эти художники очень любили. Здесь сходились люди различных лагерей на нейтральной почве. Присутствие Дмитрия Ивановича умеряло крайности. Здесь узнавались все художественные новости. Художественные магазины присылали на просмотр к средам новые художественные издания. Иногда изобретатели в области искусств приносили свои изобретения и демонстрировали их. Тогда зародилась у Ф. Ф. Петрушевского мысль написать свою книгу о красках. Иногда на средах вели чисто деловые беседы, горячие споры, тут созревали важные товарищеские решения вопросов. И иногда бывали веселые остроумные беседы и даже дурачества, на которые художники были неисчерпаемы. Кузнецов великолепно представлял жужжание летающей мухи, Позен — проповедь пастора и разные восточные сцены, М. П. Клодт танцевал чухонский танец и все имели огромный запас рассказов из своих поездок, столкновений с народом и представителями высших сфер. Иногда приносили новости, журнальные статьи, не пропущенные цензурой. Атмосфера, которую Дмитрий Иванович создавал, куда бы ни появлялся, высокая интеллигентность, отсутствие мелких интересов, сплетен делали эти среды исключительно интересными и приятными...

Они продолжались много лет и были свидетелями развития, процветания, а потом и начала увядания передвижников. Многие хранят о них хорошие, теплые воспоминания. По простоте обстановки среды напоминали студенческие собрания: чай, горы бутербродов, красное вино, отсутствие светских дам (бывали только художницы), и все чувствовали себя легко и свободно.

...Дмитрий Иванович, приобретя имение, занялся с увлечением хозяйством, как и всем, за что бы он ни принимался. Он устроил опытное поле; результаты опытов в виде таблиц отданы в Петровскую академию. К тому времени, когда я в первый раз приехала в Боблово, ему уже некогда было заниматься самому хозяйством, он имел помощника, а руководил сам. Но работа была его стихией, и в деревне он также сидел над книгами, рукописями. Он почти не гулял и не катался. А если приходилось ехать куда-нибудь по необходимости, то ездил с наслаждением и, как настоящий русский человек, любил тройку, колокольчики и езду во весь дух. Он весело разговаривал с ямщиком и не просто болтал, а говорил иногда о труд-

ных философских и общественных вопросах, как с равными себе, только находил доступный собеседнику подход...

В 1890 году совершилось важное событие в жизни Дмитрия Ивановича в университете: Дмитрий Иванович должен был прекратить свои лекции. Случилось это так. В университете между студентами начались волнения. Они начали устраивать в университете сходки, говорить речи и волновались. В таких случаях Дмитрий Иванович ходил на собрания студентов, слушал их и часто говорил с ними. Студенты его любили, несмотря на то, что он говорил резко; они знали, что он всегда говорил правду, ничего и никого не стесняясь. Смуты и сходки в 1890 году упорно не прекращались. Наконец, появилась полиция. В то время, как наверху бушевала многолюдная сходка, жандармы оцепили университет; дело принимало серьезный оборот, надо было ожидать схватки, арестов и затем исключений. Квартира наша (там, где теперь кабинет Д. И. Менделеева) была с главного входа; шум сходок всегда у нас бывал слышен; даже можно было от нас определить приливы и отливы бурных настроений.

Дмитрий Иванович пошел наверх на сходку, чтобы предупредить печальный исход. Он предложил студентам изложить их желания письменно, а сам брался отвезти их петицию министру. Студенты согласились, передали петицию Дмитрию Ивановичу и мирно разошлись. Столкновение с полицией со всеми возможными последствиями было предупреждено. Желания, выраженные студентами, были исключительно академического характера, Дмитрий Иванович отвез петицию министру И. Д. Делянову. Министр возвратил ее ему при сопроводительной бумаге такого содержания: «По распоряжению министра просвещения, прилагаемая бумага возвращается профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе его императорского величества не имеет права принимать подобные бумаги. 26 марта 1890 г.»

Дмитрий Иванович был к этому готов. Когда он ехал к Делянову с петицией, на всякий случай написал прошение об отставке и имел его в кармане. Получив от Делянова такой ответ на свое ходатайство за студентов, он немедленно послал прошение об отставке.

Вильям Тильден, английский биограф Дмитрия Ивановича, писал об этом: «Бестактный ответ министра, по-

следовавший вместо благодарности, — простая препроводительная надпись с отказом от рассмотрения петиции и возобновившиеся после этого беспорядка вынудили Дмитрия Ивановича подать прошение об отставке»...

Дмитрий Иванович всегда был как будто в состоянии душевного горения. Я не видела у него никогда ни одного момента апатии. Это был постоянный поток мыслей, чувств, побуждений, который крушил на своем пути все препятствия.

Если он бодрствовал, он горел. Устав, он спал и таким крепким сном, какого мне не случалось видеть ни у кого и никогда. Раз как-то после долгой работы он лег днем и просил его не будить. Только что он заснул, как из книжного магазина пришли за книгами. Склад книг был в небольшой комнате рядом с той, в которой Дмитрий Иванович только что заснул. Я отказывалась дать книги из страха, что артельщики разбудят его. Узнав, в чем дело, они обещали взять книги без малейшего шума. Я согласилась и стала за ними следить. Сняв сапоги, они тихо вошли и осторожно снимали стопы книг, перевязанных веревками, говорили пантомимой, даже шепотом боялись. Им было необходимо взять четыре — пять стоп. Я стояла, затаив дыхание. Вдруг веревка у одной стопы оборвалась, и книги со страшным грохотом упали на пол. Мы замерли. Что будет? Но в комнате Дмитрия Ивановича тишина. Потихоньку иду взглянуть. Дмитрий Иванович спокойно спит, даже не перевернулся.

В другой раз за границей в поезде он заснул. Соседом его был англичанин. В вагоне их случился пожар. Поезд остановили, тушили пожар, был шум и суета. Дмитрий Иванович все спал: проснулся, когда все было кончено. «Почему же Вы меня не разбудили?» — спросил он англичанина. «Да еще рано было, — спокойно отвечал тот, — до нашего купе еще не дошло».

Не знаю, как объяснить такой сон у исключительно нервного человека. Необычный дух Дмитрия Ивановича выливался в необычной форме. Вот почему многие его не понимали. Он никогда не думал о том, какое впечатление производит на других, и говорил и делал все по движению сердца и «по своему крайнему разумению», как он говорил.

Многие считали его характер невыносимым и тяжелым. Правда, он не любил противоречий и не терпел,

чтобы перебивали его речь, потому что прерывалась связь его мыслей, которые не были порхающими мотыльками, а шли всегда из глубины его души. Он легко раздражался и кричал, но тотчас и успокаивался...

Как-то на лекции досталось от него за какую-то неисправность при опытах служителю Семену. Дмитрий Иванович кричал. Лекция окончилась. Он пришел в кабинет, сел на свое обычное место отдохнуть. Вдруг вспомнил, что кричал на Семена. Вскочив, побежал через лабораторию, внутренними ходами к Семену. Нашел его, стал перед ним, поклонился и сказал: «Прости меня, брат Семен». К сожалению, в характере Семена была некоторая манерность и словоохотливость. Обрадовавшись случаю блеснуть тем и другим, он начал: «Оно, изволи-те видеть, Дмитрий Иванович, так сказать, оно конечно», — тянул он. Но темп Дмитрия Ивановича был другой: «Ну, не хочешь, так черт с тобой!» — живо повернул и убежал...

Лекции Дмитрия Ивановича собирался слушать весь университет. Экзекутор университетский говорил, что на лекциях Менделеева стены потеют...

Отличительным свойством Дмитрия Ивановича было отдаваться всецело тому предмету, которым он в данную минуту был занят, будь это научный вопрос, хозяйственный, общественный или даже домашнее дело. Он интересовался самыми разными вопросами, но не разбрасывался — все грани его творчества связаны какими-то нитями, составляя одно целое. Как будто даже не в его воле было не углубляться в представлявшийся ему вопрос или относиться поверхностно. Когда, бывало, в деревне его звали взглянуть на какую-нибудь производившуюся работу — рытье колодца, постройку, — если в это время у него было какое-нибудь другое дело, он сердито отказывался, потому что знал, что увлечется и потеряет много времени, ограничиться одним советом он не мог...

Наружность Дмитрия Ивановича известна по его многим удачным и неудачным портретам. Но все же ни фотографии, ни портреты не могут передать разнообразия выражений, жизни лица. Очень удачным я считаю портрет, снятый Карриком в 1881 году, все портреты, снятые Ф. И. Блумбах в Палате мер и весов, и довольно удачная фотография Мрозовской. Портреты, сделанные нашими художниками: Крамским, Ярошенко и Ре-

пинам, не могу назвать вполне удачными. В портрете Крамского похож рот и волосы, но глаза и выражение лица неудачны. У Ярошенко схвачен цвет волос и бороды, но выражение совсем не похоже. Портрет И. Репина писан после смерти Дмитрия Ивановича и не может называться удачным. Бюст И. Я. Гинцбурга передает вобщем, но в частностях есть отступления от натуры, нос у Дмитрия Ивановича был прямой и красивый, рот не выдавался так, как в бюсте Гинцбурга, и тоже был правильно очерчен, но с некоторых поворотов есть большое сходство. Цвет лица Дмитрия Ивановича был скорее бледный, ничего «красочного», кричащего. Длинные пушистые, светлокаштановые раньше, потом с проседью и позднее седые волосы и борода. Темносиние (не прозрачные) глаза, прекрасно вылепленный череп, правильный прямой славянский нос, красиво очерченный крупный рот, необыкновенно подвижные надбровные дуги без бровей делали его лицо заметным и незабываемым везде, где бы он ни появлялся...

Разные лица, видевшие его в разные эпохи жизни, сходятся в определении его внешности в одном: он имел наружность какой-то другой эпохи. Профессор Вальден, немецкий биограф Дмитрия Ивановича, пишет: «Внешность Менделеева была совершенно своеобразна. По богатству своих ниспадающих волос и форме бороды он представлял характерную голову, красивей и выразительней которой не найти даже у Доре в его иллюстрациях». Андрей Белый, видевший Дмитрия Ивановича в Боблове, назвал его Саваофом.

Мне, когда я увидела Дмитрия Ивановича в первый раз издали на акте в университете, он показался похожим на Зевса...

Дмитрий Иванович был большого роста, никогда не был полным, плечи несколько приподняты, я думаю, от постоянной работы за письменным столом. Очень выразительны у него были руки, «психические», как говорят. Помимо его воли и желания, руки его выразительно жестикулировали. Широкие, быстрые и нервные движения рук отвечали всегда его настроению. Когда его что-нибудь расстраивало, он обеими руками хватался за голову, и это действовало на присутствующих сильнее, чем если бы он заплакал. Когда же он задумывался, то прикрывал глаза рукой, что было очень характерно. И

странно — все жесты и экспрессии его лица и рук были всегда своеобразны, красивы, хотя он об этом совсем не думал. Тембр голоса у него был баритон, звучный, приятный, металлический, но в разговоре он переходил иногда и на глухие, низкие ноты баса и на высокие теноровые. И эта изменчивость и жестов, и самого голоса придавали много живости и интереса его словам, разговорам и речам...

Одевался Дмитрий Иванович до крайности просто. Дома носил всегда широкую суконную куртку без пояса самым им придуманного фасона, нечто среднее между курткой и блузой, почти всегда темносерого цвета. Редко приходилось видеть его в мундире или во фраке. Лентам и орденам, которых у него было много, до Александра Невского включительно, он не придавал никакого значения и всегда сердился, когда получал звезды, за которые надо было много платить.

Одежде и так называемым приличиям он не придавал ни малейшего значения во всю свою жизнь. В день обручения его старшего сына Владимира с Варварой Кирилловной Лемох ему сказали, что надо непременно надеть фрак. «Коли фрак надо, наденем фрак», — сказал он добродушно и надел фрак на серые домашние брюки...

Очень невзыскательный и умеренный в своих вкусах, к чаю Дмитрий Иванович предъявлял большие требования. Я не сразу научилась делать его по вкусу Дмитрия Ивановича; были некоторые тонкости, которые я усвоила потом, но зато так, что, если мне было некогда заварить чай самой, и я просила это сделать кого-нибудь из домашних, Дмитрий Иванович сразу узнавал, что заваривала не я, и отсылал свою чашку назад с просьбой заварить другой... Чай наш имел почетную известность в кругу наших знакомых и действительно был очень хорош... После обеда Дмитрий Иванович любил, чтобы ему читали вслух романы из жизни индейцев, Рокамболя, Жюля Верна. Классиков он слушал и читал только тогда, когда не очень уставал от работы. Он очень любил Байрона «Тьму», «Каин» и русских, кроме Пушкина, Майкова и Тютчева.

В часы отдыха Дмитрий Иванович любил клеить. Когда я была еще ученицей Академии и жила у Екатерины Ивановны Капустиной, Дмитрий Иванович заинтересовался особенно живописью. Он стал покупать фо-

тографии с художественных произведений. Заказывал огромные прекрасные альбомы с пустыми страницами твердой хорошей бумаги и на них сам наклеивал фотографии, гравюры, иногда и рисунки...

Вечером иногда его навещали друзья: К. Д. Краевич, Н. А. Ярошенко, А. И. Куинджи и А. И. Скиндер, который раза два в месяц приезжал играть в шахматы. Играл с ним в шахматы также и А. И. Куинджи. Дмитрий Иванович любил играть в шахматы; играл он нервно, волновался, я видела даже, как иногда у него дрожали руки, когда он переставлял фигуры. Почти всегда он выигрывал...

Одно из удовольствий, которые Дмитрий Иванович любил себе доставлять, была баня. Он не любил принимать домашние ванны, а шел в общую баню, где оставался долго. Любил полок, веники и беседы с банщиками. Возвратясь из бани, пил чай и чувствовал себя именинником.

Так жил Дмитрий Иванович простым русским человеком... Где бы он ни был, куда бы ни ездил, возвращался домой всегда с особенным чувством радости — к своей семье и простым привычкам».

А. И. Менделеева. Менделеев в жизни. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.

О. Д. Менделеева-Трирогова

«С детских лет я чувствовала, что отец мой справедлив, требователен к точному исполнению каждым своих обязанностей, вспыльчив, но добр, добр без конца.

Для нас он не был отцом, который живет общей, незаметной жизнью с семьей, для нас он был всегда особенным, большим, умным и совсем не таким, как все. Его мы любили, уважали и боялись поступить не так, как он находил нужным. С ним надо было говорить подумав, в его кабинет мы входили с особенным чувством уважения ко всему, что там было, хотя меня всегда удивляло, как можно интересоваться и окружать себя такой массой бумаг, книг и всевозможными колбами, ретортами, большими и малыми склянками, наполненны-

ми разноцветными жидкостями. До всех этих предметов в кабинете никто не смел дотрагиваться, кроме служителей Антона и Алексея...

Дмитрий Иванович был очень требователен к исполнению всеми в точности своих обязанностей, причем исполнение это должно было быть добросовестным, а не поверхностным, лжи и обмана он не выносил, был очень вспыльчив, часто раздражался и тогда шумно обрушивался на подвернувшегося в это время, но ни на кого не сердился и сам подходил с лаской к тому, кто был, может быть, перед ним виноват.

Дм. Ив. был необыкновенно добр, но не выносил, чтобы ему противоречили, и не любил слова «нет», которого никто и не решался произносить ему.

Помню, как однажды ребенком я шла в его кабинет и издали услышала громкий и раздраженный голос Дм. Ив. Я остановилась на пороге кабинета, в котором стоял молодой, белокурый, красивый лаборант К., а Дм. Ив. кричал, прямо кричал на него: «Я вас поставлю в угол и встанете, батенька, подобных вещей делать нельзя!» И лаборант не обиделся, а сконфуженный стоял и старался исправить ошибку.

Помню, как Дм. Ив. горячился и громким голосом спорил с Бутлеровым и Вагнером по поводу спиритизма, сеансы которого в присутствии иностранного медиума происходили у нас в квартире. Много неприятных минут имел этот медиум, несколько раз уличенный Дм. Ив. во время сеансов.

Я, тогда десятилетний ребенок, помню только один случай, про который отец на другой день рассказывал нам за обедом.

В комнате, где происходил сеанс, было темно, играл орган, приобретенный для этого по требованию медиума. Медиум, сидевший со связанными руками и привязанный к стулу, должен был очутиться в алькове, затянутым от потолка до пола материей, прибитой по краям гвоздями. В этой комнате в сравнительной тишине отцу послышался подозрительный шорох и звук распарываемой ножом материи. Недолго думая, Дм. Ив. зажег спичку, и все увидели медиума, находившегося уже в алькове вместе со стулом и преспокойно зашившего материю по шву. Конечно, последовало смятение среди увлеченных спиритизмом и обморок медиума¹.

Дм. Ив. был большой любитель и ценитель живописи. Его постоянными гостями и, скажу больше, друзьями были художники Крамской, Шишкин, Репин, Ярошенко, Куинджи, Клевер и др. Эти интересные люди собирались у нас каждую среду, засиживаясь до глубокой ночи, и я, засыпая в детской, слышала гул голосов и веселые взрывы смеха. На этих вечерах всегда служил Антон, умело обнося гостей подносом с чаем, бутербродами и фруктами, которые отец всегда сам выбирал у Елисеева...

У Дм. Ив. были оригиналы картин этих крупных художников, и стены гостиной были украшены их произведениями, а помимо того, он хранил целые коллекции их же работ в папках у себя в кабинете в шкафу.

Три художника-передвижника писали портреты моего отца. Это были Репин, Крамской и Ярошенко. Крамской несколько раз во время сеансов смывал и переписывал глаза, цвет и выражение которых он долго не мог уловить. Глаза у Дм. Ив. были небольшие, глубоко сидящие, синего, василькового цвета, смотревшие прямо и настолько пронизательно, что забыть их раз увидившему было нельзя. Тип лица был чисто русский, прямой нос, прекрасный цвет кожи без окраски, а скорее бледный. Волосы имел он русые, волнистые, густые, спадавшие до плеч, как в то время носили очень многие. Вообще про Дм. Ив. можно сказать, что он был красивый человек, совершенно не замечавший этого и не интересовавшийся этим.

Дм. Ив. первые свои сбережения употребил на покупку имения, приобретя его от князя Дадияни в Клинском уезде Московской губернии. Имение это называлось Боблово (оно носило название по находившейся вблизи деревне...).

Через год отец уничтожил старый деревянный дом и выстроил по своему вкусу новый, каменный, очень красивый и оригинальный, в два этажа, с несколькими балконами и крытой стеклянной галереей. Потом завел полное хозяйство, поставленное образцово, с опытными полями, но в Московской губернии, несмотря на различные удобрения, оно приносить доходов не могло и служило лишь дачей, куда мы приезжали весной еще по снегу, оставаясь до глубокой осени.

Мне никогда не забыть очарований ранней весны, когда начинает таять на солнце снег, по проталинкам на-

чинают блестеть весенние ручьи, а по утрам деревья парка, иногда покрытые легким, как пух, выпавшим за ночь снегом, усеяны красногрудыми, веселыми снегирями, только что прилетевшими с юга. Затем — распускавшаяся зелень сада: сирень, нарциссы, пионы, желтые лилии, жасмины и розы. А вечерние раскаты соловья, сначала робкие, а потом все более наполнявшие зачарованный старый парк! А лето, а чудная, сказочная осень, вся расцвеченная желтыми, красными и оранжевыми листьями и на деревьях и под ногами! Чудное, милое Боблово!...

Летом в Боблове (Менделеев. — *Сост.*) почти всегда был у себя в кабинете, около которого была большая лаборатория, и покидал его ненадолго, спускаясь к нам вниз для игры в крокет, или устраивал поездки всей семьей на сенокос. Помню ясно, как на лугу в Горшкове оканчивают метать большой стог сена, на вершине которого стоит высокий старик с большой, окладистой рыжей бородой. Зовут его так же, как и моего отца, и вот отец, подходя к стогу, весело кричит ему, бросая на стог бутылку с вином: «Лови, Дмитрий Иванович!», а тот сверху отвечает: «Кидайте, ловлю, Дмитрий Иванович!». И всем окружающим весело, а в это время в стороне у маленькой речи уже готовится чай, и мы спешим туда.

Дома Дмитрий Иванович постоянно носил темносерую блузу, надевавшуюся через голову. Выходя из дома, надевал сюртук, причем горничная Поля должна была приготовить галстук и носовой платок. Фрак он носить не умел, надевая его только по необходимости. Очень аккуратный и точный во всем, он не обращал внимания на свои костюмы и носил все очень долго, не заботясь о пополнении туалета и о моде. Портного и сапожника имел одних и тех же всю свою жизнь, и они в точности постоянно повторяли свои произведения, без изменения моды, и когда портной Малышев являлся сам, без зова, с образцами материи, на пороге начиная раскланиваться, то Дм. Ив., издали завидев его, уже начинал махать на него руками и громко говорил: «Э, батенька, шейте, как раньше».

Знаки отличия, ордена, ленты и звезды, не только не интересовали его, но он тяготился, получая их. Получив однажды какой-то большой орден или звезду, Дм. Ив. должен был одеть при фраке этот знак отличия. Надев

через плечо ленту, он вышел из своего кабинета с совершенно беспомощным лицом, держа звезду в руке, и, обратившись к сидевшей в столовой племяннице Антонине Михайловне Поповой, молящим голосом сказал: «Ма-тушка, не знаешь ли, куда эту чертовщину надо надеть, а то ведь я не знаю». Та тоже не знала и пришла звезду к ленте у банта, где ленты сходятся вместе. Дм. Ив. покорно ждал окончания пришивания и потом сказал: «Ну, сбоку, так сбоку, мне-то ведь все равно».

Все знаки отличия лежали у Дм. Ив. в коробочке с гвоздями и винтиками. Его также не интересовало звание высокопревосходительства, и если не знающий посетитель величал его «Ваше высокопревосходительство», то он его обрывал: «Дмитрий Иванович»...

Когда Дм. Ив., бывало, нездоровилось, он никогда для себя не звал доктора и обходился домашними средствами, леча себя очень примитивно: надевал халатик из темнокрасного сафьяна на меху и высокие меховые сапоги и, выпив крепкого сладкого чая, ложился в кабинете на диван, никого не велел принимать и спал часами, побеждая свое нездоровье русским средством — потогонном. Лечиться у докторов не любил и не особенно верил им и не любил медицинской кухни, но среди медиков того времени имел несколько приятелей: Кошлакова, Боткина, Флоринского и др...

Как чисто русский человек Дм. Ив. любил баню (ванн он не признавал), любил париться на полке с веником. В последний год своей жизни, когда я с дочерью гостила у него, он, возвратясь из бани, за обедом рассказывал, что он только что собирался спокойно насладиться приятным ощущением после парки и тихо полежать на полке, как рядом с ним находившийся человек произнес: «Мое почтение, Дмитрий Иванович!». «Ну, весь покой и нарушен», — сказал мне отец добродушно...

По приезде в мае месяце в Петербург я остановилась у отца...

В это время на Дальнем Востоке шла русско-японская война и политическая жизнь страны была крайне напряженная. Я узнала, что 9 января 1905 г., когда рабочие петербургских заводов с Гапоном во главе двинулись с Измайловского проспекта мимо Палаты мер и весов по Забалканскому проспекту, Дм. Ив. страшно разволновался, велел подать себе карету и, взяв с собой служителя

Михайлу на козлы, выехал куда-то. Через несколько часов он возвратился очень расстроенный, не снимая шубы, прошел в комнату, где висел портрет С. Ю. Витте, и велел тому же Михайле немедленно снять портрет со стены, сказав: «Никогда больше он не будет у меня». От Михайлы стало известно, что отец был на квартире у Витте, а позднее Дм. Ив. и сам рассказал, что он просил Витте предотвратить грозящее, переговорив по прямому проводу с Зимним дворцом. Но Витте этого не сделал...

При нашем отъезде в Москву я не думала, что вижу отца в последний раз. Вещи наши были уже вынесены, и он вошел проводить нас в переднюю. На глазах у него были слезы. Мы пошли к выходной двери, я оглянулась и увидела, как он растерянно махнул рукой и нетвердыми и слабыми шагами пошел в кабинет, придерживаясь за стены. Я должна была бы броситься к нему, обнять его еще раз, но я этого не сделала; он не любил подобных выражений чувств, а я была его дочь и знала его...»

О. Д. Менделеева-Трирогова. Д. И. Менделеев и его семья. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1947.

И. Д. Менделеев

«Более чем к другим в ученом мире он оставался привязанным к своим ближайшим ученикам Д. П. Коновалову, В. Е. Тищенко, Чельцову, Вуколову, Рубцову, которые часто у него бывали и советовались по научным вопросам.

...Отец был хорошо знаком с Тургеневым¹. Он также встречался с Достоевским, которого очень уважал, но с которым далеко не во всем соглашался. Эти встречи относятся более к эпохе расследования отцом спиритических явлений. Он беседовал с Достоевским и на эти темы, и Достоевский в своем «Дневнике писателя» посвящает отцу несколько страниц².

«Станный был человек, — говорил отец, — уверяет: «Одновременно верю и не верю в духов». Когда говорит — не то смеется, не то серьезно относится — сам при том не знает, как именно... Запутанное создание: тут и глубина, и величайшая наивность сплетаются. Нельзя никак осуж-

дать, но и дорогу с помощью таких людей найти трудно!»

Льва Толстого отец знал менее и отзывался о нем резко. «Гениален, но глуп, — говорил о нем отец, — не может связать логически двух мыслей — все голые субъективные построения, притом не жизненные и большие»³.

К Владимиру Соловьеву, которого отец встречал, кажется, в доме художника Н. А. Ярошенко, отец относился скорее с некоторым любопытством, как к интересному явлению, и с этой точки зрения иногда его цитировал. Я помню, одну из своих газетных статей (кажется, «Оправдание протекционизма») он начинает так: «Если само добро в наш век нуждается в оправдании...», намекая на нашумевшее тогда «Оправдание добра» Вл. Соловьева⁴.

К поэту Александру Блоку, который был внуком его друга, профессора А. Н. Бекетова, с детства бывал в нашей семье и женился впоследствии на моей старшей сестре, Л. Д. Блок, — отец относился с нежностью, понимая его дар, и брал часто под защиту от близоруких нападок «позитивистически» настроенных авторитетов⁵.

«Об этом нельзя рассуждать так плоско, — говорил отец. — Есть углубленные области сознания, к которым следует относиться внимательно и осторожно. Иначе мы не поймем ничего!» Но перегибы Саши в сторону модного тогда «декаденства» все же вызывали в нем некоторую тревогу.

Большой круг составляли знакомые художники, по большей части «передвижники», т. е. члены Товарищества передвижных выставок: И. Е. Репин, А. И. Куинджи, Н. А. Ярошенко, Шишкин, Крамской и другие. Бывали у нас часто также известный польский художник Котарбинский, М. П. Боткин, скульптор И. Я. Гинцбург. Отец страстно любил живопись и скульптуру, составлял художественные коллекции и, можно сказать, так же дышал искусством, как и наукой, которые считал двумя сторонами единого нашего устремления к красоте, к вечной гармонии, к высшей правде. К этому присоединялись личные свойства названных художников, по большей части выходцев из народа, к которым отец считал себя духовно ближе, чем к чиновной аристократии и всему, что к ней приближалось. Отец ненавидел эту финансовую среду, между тем как среди художников чувствовал себя легко и свободно, как в родной стихии. Действитель-

но, этот круг — по внутренней свободе, истинной человечности и понимания высших жизненных задач — далеко опередил тогда современное «культурное» общество.

Интересы художественные, литературные, научные, общественные и промышленные отец связывал в один нераздельный узел, как он соединял на своих известных «средах» передовых деятелей по всем отраслям культуры, сливая их в одну семью с обаянием, своей своеобразной незабываемой и всюду указывающей будущему путь личностью...

Отец всякое исследование начинал с кропотливой и колоссальной работы по собиранию и обработке отдельных фактов. «Дайте мне прежде всего цыфирку» — говорил он шутя сотрудникам и посетителям. Казалось сначала, что он работает исключительно над частностями, всецело погружен в них. Но из этих частностей под конец вырастало как бы само собой обобщение, универсальный закон.

Так было с периодической системой, возникшей из собирания фактов для «Изоморфизма», «Удельных объемов» и «Основ химии», так было с открытием температуры абсолютного кипения (критической температуры), возникшей из кропотливых работ по капиллярности.

Так было с теорией растворов, построенной на исчерпывающих данных «Соединения спирта с водой» и «Исследования водных растворов по удельному весу»...

Собирание материалов, исчерпывающая обработка частностей, детальное исследование индивидуальных особенностей явления никогда не были для отца на самом деле чем-то самодовлеющим. Они служили преддверием научной работы. Если они поражали своей необычной обширностью и углубленностью, то не менее поражало при знакомстве с методами отца его необыкновенная способность к отвлечению, обобщению научных фактов. Мысль улетала быстро и далеко, и отец как бы боялся дать ей волю, сковывая ее замками фактов, судорожно цепляясь за них.

... Я помню хорошо, как отец раз говорил мне о том, что он считал главным секретом научной работы:

«Есть два типа исследователей, — говорил он, — одни узкие эмпирики, движутся как бы по земле, ползут от

явления к явлению, собирая факты. Они идут верно, мало ошибаются, но и мало дают. Другие умы, чуть коснувшись земли, тотчас уносятся в облака и живут в каких-то эмпириях. Это иногда глубокие и способные люди. Но они часто приносят существенный вред, потому что на крыльях фантазии уходят от реальности и уводят от нее других. Правильный путь такой: поднявшись с земли, взлететь мысленно как можно более высоко, но затем, чтобы не заблудиться, тотчас опять опуститься на землю, по ней ориентироваться, поправить свой полет и затем взлететь еще выше. Только таким способом, постепенно переносясь от земли на небо и с неба опускаясь на землю, можно проникнуть к глубоким и общим корням действительности. Другие пути — бесплодные...»

... Я слышал также мнение о «церковной религиозности» отца и должен это опровергнуть категорически. Отец с ранних лет фактически порвал с церковью — и если терпел некоторые несложные бытовые обряды, то лишь как невинную народную традицию, подобную пасхальным куличам, с которой бороться не считал для себя нужным. Из многих разговоров с отцом я знаю, что в мирозерцании, в убеждениях он не сохранял ничего от официальной церковной догматики, как, впрочем, и весь круг лиц, в котором он вращался. Это для них было дело давно решенное. Отец был свободный мыслитель в полном смысле слова — мыслитель, не ограничивающийся, правда, поверхностью явлений и заглядывавший в их глубину, но ничего догматически на веру не принимавший.

Говорили даже о «суеверности Менделеева» на том основании, что в разговоре он помнил иногда народные приметы: «сухо дерево — завтра пятница» и т. п. Но это уже совсем искаженное понимание свободной речи того, кто был настолько далек от предрассудков, что не боялся ими иной раз позабавиться и шутя подчинить им какой-нибудь незначительный поступок. Так, он соблюдал иногда обычай, чтобы перед отъездом в путь все на некоторое время сидели в молчании, говоря при этом, что это целесообразно, так как в последний момент можно вспомнить что-нибудь нужное, что позабыли в предшествующей суете. Точно так же он нам, детям, не дарил никогда острых вещей — перочинных ножииков и т. п., а всегда «продавал» за копейку, требуя согласно народной

примете уплаты. Но это делалось в шутку, и так с обеих сторон и понималось: зачем педантизмом отравлять жизнь?

Мне всегда казалось странной самоуверенность биографов, смотрящих сверху вниз, решающихся на основании беглого знакомства с отрывком статьи или свидетельства недалекого современника утверждать: «Менделеев не понимал того-то», «Менделеев ошибался в том-то», когда образ того, над кем они проделывают свои построения, стоит еще как живой, красноречивым опровержением в сознании его знавших. Достаточно, однако, внимательно вчитаться хотя бы в некоторые из сочинений отца, чтобы эти построения, как коробочные домики, рухнули...

Отец был сыном учителя и сам занимался преподаванием в течение более тридцати лет. Помню обстановку университета тех времен: лабораторию отца, составлявшую как бы непосредственное продолжение нашей университетской квартиры, куда из кабинета отца через коридор вела прямо дверь; аудитории, беготню студентов, внутренний облик всего университетского мирка с его бесконечным крытым коридором вдоль двора, ботаническим садом, старинными зданиями тогдашнего физического института. Но я близко знаю Менделеева-педагога в двух отношениях: как воспитателя своих детей и как педагога-реформатора, не понятого тогдашней официальной Россией. Воспоминаниями в этих двух направлениях я и хотел бы теперь поделиться.

В одном известном своем стихе Ювенал говорит, что надо относиться с величайшим уважением к ребенку. Таково было отношение к нам, детям. Я не помню, чтобы он, горячий и часто несдержанный по отношению к взрослым и сильным человек, возвысил когда-нибудь на нас голос, сказал жесткое слово. Он обращался всегда исключительно к нашей разумной и высшей стороне, никогда ничего не требовал и не приказывал, но мы чувствовали, как он был бы огорчен всякой нашей слабостью — и это действовало сильнее уговоров и приказаний. Я помню, отец мне как-то сказал: «Моя мать меня никогда не бранила и не наказывала. Она только плакала при моих шалостях, и это действовало на меня сильнее всего». Отец не плакал, но его огорчение, одобрение, его оценка, отразась в его одухотворенной, сотканной из нер-

вов и сознания индивидуальности, действовали на нас с непреодолимой силой. В нас невольно развивалось сознание долга, повышенный нравственный тон, уровень, не допускавший ничего низкого, — и думается, это была самая мудрая педагогика, которую только можно придумать, педагогика, к которой все понемногу придут. Отец сочувствовал нашим переживаниям, страдал за нас, жил нами — и это так пробуждало совесть, что ни в какой прописной морали нужды не было.

Когда я был совсем мал, отец старался удовлетворить стихийное любопытство ребенка, вечные вопросы «Что это?» и «Почему?» подробными и понятными рассказами по всем отраслям знания. Это был первый мой университет. Многое было во мне заложено именно тогда. Когда я научился читать, отец постоянно доставлял сам богатый и поучительный выбор книг — на русском и на иностранном языках, которым нас с малых лет обучали, — и предоставил полную самостоятельность в области чтения. Я читал только то, что захватывало, от чего не мог оторваться. Это была лучшая система втянуть в культуру и развивать.

Обучению нас смолоду основным культурным языкам — французскому, английскому и немецкому — отец придавал особенно важное значение. Он говорил, что перед развивающимся сознанием надо как можно шире раскрывать эту дверь. Он потому и держал при детях постоянно гувернанток-иностранок, которые тщательно выбились...

Вместо игрушек, подметив мой интерес, отец мне стал покупать незамысловатые химические и физические приборы: паровые машинки, насосы, химические реактивы, всевозможную электрическую аппаратуру. Я экспериментировал с токами, с газами. Это заставило меня самого взяться за учебники физики и химии, под общим только руководством отца, который намеренно предоставлял мне наибольшую самостоятельность, желая, чтобы я научился разбираться сам. Лишь встретив что-нибудь непонятное, я шел за разъяснением к отцу, но оба мы знали, что это крайнее средство.

Когда после домашнего начального образования я поступил в среднюю школу (8-ю гимназию. — *Сост.*), отец сознательно предостерег меня от увлечения формальными «успехами» и «отметками»: «Школьные успехи, — го-

ворил он, — ничего не предрешают. Я замечал, что «первые ученики» обыкновенно в жизни ничего не достигали: они были слишком несамостоятельны. Когда я учился в средней школе, — продолжал отец, — я был постоянно в хвосте. Меня переводили из снисходительности, из уважения к отцу-педагогу. По всей вероятности, теперешнюю школу с ее формалистикой я так бы и не кончил. Правда, я был моложе сверстников по классу, но главное все-таки было в том, что я не желал подчиняться чужой указке и развивался самостоятельно. Я в этом никогда не раскаивался».

Я бесконечно благодарен отцу за это отношение, которое и мне сохранило свободу развития. Хотя я в общем, шел в школе среди первых...

Моим настоящим университетом был кабинет и библиотека отца с богатым подбором книг по всем отраслям знания — от революционно-политических подпольных и заграничных изданий, которые тщательно собирались и хранились отцом, до серий научных журналов и основных энциклопедий на всех языках. Классики науки и философии — все это было там. Богатый подбор путешествий. Тут же роскошные коллекции альбомов по истории искусства, с любовью собранные отцом. Я богато и все-сторонне мог пользоваться этими сокровищами — отец предоставлял мне с самых ранних лет полную свободу. В этой серьезной атмосфере я не знал «запретных» или «неподходящих» книг...

Отец любил поэзию — и в молодости даже сам пробовал написать несколько стихотворений. Правда, он в высшей степени не любил профанировать высшие свои переживания и в грубой среде целомудренно как бы прикрывал их более элементарной оболочкой базаровских настроений «шестидесятника» — образ тургеневского Базарова в «Отцах и детях» был недаром скопирован с натуры в той молодой среде, где отец и Тургенев встречались.

Но это была только видимость. Как только отец замечал, что находит понимание, перед слушателем раскрывался другой человек. Мне не раз приходилось убеждаться, что отец тонко знал и понимал поэзию. Иногда вставала вдруг как бы невзначай философская или поэтическая мысль, которая свидетельствовала о целом скрытом мире выношенных чувств и образов. Иногда отец вдруг

цитировал наизусть целое стихотворение, в котором отражалась какая-нибудь малодоступная, выпретенная деликатная идея, которая, чтобы быть подмеченной, требовала глубокого сочувственного понимания. Все его симпатии были при этом на стороне Тютчева...

В молодости отец читал художественную беллетристику и «классических» авторов. Но в более зрелые годы он сознательно к ним охладел.

Отец не любил особенно Золя, Мопассана, Флобера, Дюма-сына, недолюбливал романы Л. Толстого и отчасти Достоевского за ложное, как он говорил, понимание жизни и искусства.

Таких писателей, как Шекспир, Гете, Шиллер, Байрон, отец уважал, но считал во многом их все же отжившими, не отвечающими уже современной психологии, — ценными, но отнюдь не вечными. Но Сервантеса и Гоголя выделял на особое место, говоря, что они переживут тысячелетия.

Отец читал также всю жизнь с жадностью путешествия — например, Нансена, Норденшельда, Стэнли, Ионина («По Южной Америке») и любил некоторых древних авторов, особенно Плутарха и Платона. Я уверен, что в таком направлении интересов сказалось не «невнимание ученого к последнему слову литературы», а серьезный спор большого человека с мнением эпохи. Отец вообще не был никогда «человеком современности». Он был вне времени и, как бы из других эпох, смотрел другими глазами на окружающее, давая ему другие оценки.

Музыкантом отец не был и, когда напевал, иногда фальшивил. Но музыку чувствовал и любил страстно. Он говорил мне, что в первый раз у него пошла горлом кровь после того, как он студентом на галерке громогласно вызывал какую-то знаменитую итальянскую певицу. Музыка на него сильно действовала. Прослушав при мне какую-то мелодию, он сказал: «Вот это я хотел бы слышать, когда буду умирать».

Яснее всего выступала, однако, склонность отца к живописи. Он сам был смолоду недурной график, как о том свидетельствуют хотя бы рисунки, выполненные им к его студенческим записям в Педагогическом институте».

И. Д. Менделеев. Воспоминания об отце Дмитрие Ивановиче Менделееве. (Рукопись). НАМ ЛГУ, ф. IV, д. 7, ед. хр. 1.

М. Д. Менделеева

«Дмитрий Иванович Менделеев принадлежит к числу тех замечательных русских естествоиспытателей второй половины прошлого века, труды которых и в настоящее время играют исключительно важную роль в развитии науки. Он не только великий химик и ученый, сделавший крупный вклад во многие другие отрасли знания, он энергичный практический деятель, активно борющийся за развитие промышленности (особенно химической, нефтяной и металлургической) и сельского хозяйства страны.

Менделеев раскрывается для нас постепенно; образ его как бы складывается мозаично, и одному историку науки трудно охватить его в целом. Каждый исследователь — специалист в отдельной области знания — вносит свою долю в раскрытие его образа...

Менделеев вступил в сознательную жизнь в замечательную эпоху русской истории — в канун 60-х годов; среди ученых-шестидесятников он был одной из самых ярких фигур¹. Это показывает его дневник и прочие материалы Менделеева, относящиеся к тому времени. Здесь перед нами проходит жизнь шестидесятника с его манерой чувствовать, воспринимать окружающее и реагировать на него. Несмотря на то, что прямого участия в политике он никогда не принимал, документы все-таки дают нам некоторые указания на политические взгляды Менделеева. Вот примеры.

Под тяжелым впечатлением репрессий против студентов во время университетских беспорядков 1861 г. Менделеев записывает в своем дневнике (25 сентября 1861 г.): «...юное и свежее, прямое и чувствующее возьмет свое. Когда-нибудь да будет это».

Много позднее (Менделееву было тогда уже под 50) он пишет письмо, которое показывает, что его убеждения за прошедшие годы не изменились. Приводим отрывок из этого письма к А. И. Поповой за 1881 г.: «...стану писать те выводы, которые считаю правдою и добром, те основания партии, к которой пристану, с которой буду действовать. Пусть имя ей будет **народная**. Ее основания мне ясны и теперь. Это не славянофильство, это и не западничество, это поклонение народу, это не обожание прав, обязанностями не вызываемых. А это будет то, чего не достает: соединение образованности с народными начала-

ми, с его непосредственными нуждами и не по модным идеям, а по простому чувству народной правды, с трудом, со свободой мысли, со свободой промысла, с наукою в жизни, необходимою для того, чтобы достичь не утопии какой-то, а возможного доступного, покойного и могущего развиваться здорово...».

Такая любовь к народу сквозит во всем дневнике 1861 г. Например, когда Менделеев колебался в выборе между чистой наукой и практической заводской деятельностью, он писал в своем дневнике 1 января 1861 г.: «Одно соблазняет сильно — хочется стать к народу поближе... Нет, мне просто вольно с ним, с этим народом-то, я и говорю-то как-то свободнее — и меня понимает тут и ребенок, мне весело с ними, к ним душа лежит».

М. Д. Менделеева. Заметки о Менделееве. «Вестник АН СССР», т. 2, 69—73 (1957).

ЗАМЕТКИ О Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЕ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ

Ф. М. Достоевский

«...ЗаклЮчить настоящий январский дневник мне хотелось бы чем-нибудь повеселее. Есть одна такая смешная тема и, главное, она в моде: это — черти, тема о чертах, о спиритизме...

Перед нами ревизионная над спиритизмом комиссия¹ во всеоружии науки. Ожидание в публике, и что же; черти и не думают сопротивляться, напротив, как раз постыднейшим образом пасуют: сеансы не удаются, обман и фокусы явно выходят наружу. Раздается злобный хохот со всех сторон; комиссия удаляется с презрительными взглядами, адепты спиритизма погружаются в стыд, чувство мести закрадывается в сердца с обеих сторон. И вот, кажется бы, погибать чертям, так вот нет же. Чуть отвернутся ученые и строгие люди, они мигом и покажут опять какую-нибудь штучку посверхестественнее своим прежним адептам, и вот те опять уверены пуще прежнего. Опять соблазн, опять раздор!...

Ну, что, например, если у нас произойдет такое событие: только что ученая комиссия, покончив дело и обличив жалкие фокусы, отвернется, как черти схватят кого-нибудь из упорнейших членов ее, ну хоть самого г. Менделеева, обличившего спиритизм на публичных лекциях, и вдруг разом уловят его в свои сети, как уловили в свое время Крукса² и Олькота, отведут его в сторонку, подымут его на пять минут на воздух, о материализуют ему знакомых покойников, и все в таком виде, что уже нельзя

усомниться, — ну, что тогда произойдет? Как истинный ученый он должен будет признать совершившийся факт — и это он, читавший лекции! Какая картина, какой стыд, скандал, какие крики и вопли негодования! Это, конечно, лишь шутка, и я уверен, что с г. Менделеевым ничего подобного не случится, хотя в Англии и в Америке черти поступали, кажется, точь в точь по этому плану. Ну, а если черти, приготовив поле и уже достаточно насадив раздор, вдруг захотят безмерно расширить действие и перейдут уже к настоящему, к серьезному? Это народ насмешливый и неожиданный, и от них станется. Ну что, например, если они вдруг прорвутся в народ, ну хоть вместе с грамотностью? А народ наш так незащищен, так предан мраку и разврату, и так мало, кажется, у него в этом смысле руководителей! Он может поверить новым явлениям со страстью (верит же он Иванам Филипповичам), и тогда — какая остановка в духовном развитии его, какая порча и как надолго! Какое идольское полонение материализму и какой раздор, раздор: в сто, в тысячу раз больше прежнего, а такого-то и надо чертям. А раздор, несомненно, начнется, особенно если спиритизм добьется стеснения, преследования (а оно может даже неминуемо последовать от остального же народа, не уверовавшего спиритизму), — тогда он мигом разольется, как зажженный керосин, и все запылает. Мистические идеи любят преследование, они им создаются... О, черти знают, знают силу запрещенного верования и, может быть, они уже много веков ждали человечество, когда оно споткнется о столы! Ими, конечно, управляет какой-нибудь огромный нечистый дух страшной силы и поумнее Мефистофиля, прославившего Гете, по уверению Якова Петровича Полонского³.

Без всякого сомнения, я шутил и смеялся с первого до последнего слова, но вот что, однако, хотелось бы мне выразить в заключение: если взглянуть на спиритизм как на нечто несущее в себе новую веру (а почти все, даже самые трезвые из спиритов, наклонены капельку к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку. А потому, дай бог, поскорее успеха свободному исследованию с обеих сторон; только это одно и поможет как можно скорее искоренить распространяющийся скверный дух, а может быть, и обогатить науку новым открытием. А кричать друг на друга, позорить и изгонять друг друга за спиритизм из общества — это, по-

моему, значит лишь укреплять и распространять идею спиритизма в самом дурном ее смысле. Это начало нетерпимости и преследования. Чертям того и надо!»

Ф. М. Достоевский. Полное собр. худ. произвед., т. 11. Л., ГИЗ, 1929, стр. 30.

«Опять у меня не остается места для «статьи» о спиритизме, опять отлагаю до другого №. И, однако же, я был еще в феврале на этом спиритском сеансе, с «настоящим» медиумом — сеансе, который произвел на меня довольно сильное впечатление. Об этом сеансе другие, присутствовавшие на нем, уже сказали печатно, так что мне, конечно, ничего и не остается сообщить, кроме этого собственного моего впечатления. Но до сих пор в целые эти два месяца я не хотел ничего писать об этом и — **скрыл** мое впечатление от читателя. Впредь скажу, что оно было совершенно особого рода и почти не касалось спиритизма. Это было впечатление чего-то другого и лишь прояснившегося по поводу спиритизма. Мне очень жаль, что я принужден опять отложить, тем более, что теперь нажил охоту поговорить об этом, тогда как доселе чувствовал к тому как бы некоторое отвращение. Отвращение произошло от мнительности. Некоторым из друзей моих я тогда же сообщил об этом сеансе; один человек, суждением которого я глубоко дорожу, выслушав, спросил меня: «Намерен ли я описать это в «Дневнике»? Я ответил, что еще не знаю. И вдруг он заметил: «Не пишите». Он ничего не прибавил, и я не настаивал, но я понял смысл: ему, очевидно, было бы неприятно, если б и я хоть чем-нибудь поспособствовал распространению спиритизма. Это меня тогда поразило потому особенно, что я, напротив, передавая об этом февральском сеансе, с искренним убеждением отрицал спиритизм. Стало быть, подметил же в моем рассказе этот человек, ненавидящий спиритизм, **нечто**, как бы благоприятное спиритизму, несмотря на мое отрицание. Вот почему я и воздерживался до сих пор говорить печатно, именно из мнительности и от недоверчивости к самому себе. Но теперь я, кажется, себе уже вполне доверяю, и всю эту мнительность себе разъяснил. Кроме того, я убедился, что никакими статьями моими не могу способствовать ни поддержанию спиритизма, ни искоре-

нению его. Г-н Менделеев, читающий в самую сию минуту, как я пишу это, свою лекцию в Соляном городке⁴, вероятно, глядит на дело иначе и читает с благородною целью «раздавить спиритизм». Лекции с такими прекрасными тенденциями всегда приятно слушать, но я думаю, что кто захочет уверовать в спиритизм, того ничем не оставишь, ни лекциями, ни даже целыми комиссиями, а неверующего, если только он вполне не желает поверить, — ничем не соблазнишь. Вот именно это-то убеждение я и выжил на февральском сеансе у А. Н. Аксакова, по крайней мере, тогда в виде первого сильного впечатления. До сих пор я просто отрицал спиритизм, то есть в сущности был возмущен лишь мистическим смыслом его учения (явлений же спиритских, с которыми я и до сеанса с медиумом был несколько знаком, я не в состоянии был вполне отрицать никогда, даже и теперь и особенно теперь — после того, как прочел отчет учрежденной над спиритизмом ученой комиссии). Но после того замечательного сеанса я вдруг догадался или лучше вдруг узнал, что я мало того, что не верю в спиритизм, но кроме того и вполне не-желаю верить, — так что никакие доказательства меня уже не поколеблют более никогда. Вот что я вынес из того сеанса и потом уяснил себе. И, признаюсь, впечатление это было почти отрадное, потому что я несколько боялся, идя на сеанс. Прибавлю еще, что тут одно только личное: мне кажется, что в этом наблюдении моем есть и нечто общее. Тут мерещится мне какой-то особенный закон человеческой природы, общий всем и касающийся именно веры и неверия вообще. Мне как-то выяснилось тогда, именно через опыт, именно через этот сеанс, какую силу неверие может найти и развить в самом себе, в данный момент, совершенно помимо вашей воли, хотя и согласно с вашим тайным желанием... Равно, вероятно, и вера. Вот об этом-то я и хотел бы сказать...

Вот сейчас я прочитал в «Новом времени» отчет о первой лекции г. Менделеева в Соляном городке. Г-н Менделеев делает твердое положение, в виде твердого факта, что «на спиритических сеансах столы двигаются и издают стуки, как при наложении на них рук, так и без него. Из этих стуков, при условной азбуке, образуются целые слова, фразы, изречения, носящие всегда на себе оттенок умственного развития того медиума, при помощи которого производится сеанс. Это факт. Теперь надо разъяснить,

кто стучит и обо что? Для разъяснения существуют следующие 6 гипотез».

Вот это-то и главное: «Кто стучит и обо что?» И затем выставляются шесть существующих уже об этом в Европе гипотез, целых шесть, кажется, можно бы разубедить даже самого «серьезного» спирита. Но ведь любопытнее всего для добросовестного и **желающего** разъяснить дело спирита не то, что есть шесть гипотез, а то, какой гипотезы держится сам г. Менделеев, что, собственно, говорит и на чем установилась именно наша комиссия? Свое-то нам ближе, авторитетнее, а что там в Европе или Американских штатах, так это все дело темное! И вот из дальнейшего изложения лекции видно, что комиссия, все-таки и опять-таки, остановилась на гипотезе фокусов, да и не простых, а именно с предвзятыми плутнями и щелкающими между ног машинками (повторяю, — по свидетельству Н. П. Вагнера). Но этого мало, мало этого ученого «высокомерия» для наших спиритов, мало даже и в том случае, **если бы комиссия была бы и права и вот в чем беда.** Да и кто еще знает, может быть, «серьезно» убежденный спирит и прав, заключая, что если спиритизм и вздор, то все-таки тут что-то другое, кроме одних грубых плутней, к которому и надо отнестись понежнее и, так сказать, поделикатнее, потому ведь, что «жена его, дети его, знакомые его не станут его обманывать» и т. д., и т. д. Поверьте, что он стал на своем и вы его с этого не собьете. Он твердо знает, что тут «не все одни плутни». В этом-то уж он убедился.

В самом деле, все другие положения комиссии почти точно такого же высокомерного характера: «легкомысленны, дескать, сами надавливают бессознательно на стол, оттого стол и качается; сами обмануть себя желают, стол и стучит; нервы расстроены, во мраке сидят, гармония играет, крючечки в рубашечных рукавчиках устроены (это, впрочем, предположение г-на Рачинского), кончиком ноги стол подымает» и т. д., и т. д. И все-таки это никого не убедит из **желающих** совратиться. «Помилосердуйте, у меня стол в два пуда, я ни за что его не сдвину концом ноги и уж никак не подыму на воздух, да этого и нельзя совсем сделать, разве какой-нибудь факир или фокусник это сделает, или там ваша мистрисс Клайр своей кринолиновой машинкой, а у меня в семействе нет таких фокусников и эквилибристов». Одним словом, спири-

тизм — без сомнения, великое, чрезвычайное и глупейшее заблуждение, блудное учение и тьма, но беда в том, что не так просто все это, может быть, происходит за столом, как предписывает верить комиссия, и нельзя тоже всех спиритов сплошь обозвать рохлями и глупцами. Этим только переоскорбишь всех лично и тем скорее ничего не достигнешь. К этому заблуждению надо было бы отнестись, кажется, именно в некоторой связи с текущими общественными обстоятельствами и нашими, а поэтому и тон, и прием изменить на другое. Особенно надо было бы принять во внимание мистическое значение спиритизма, эту вреднейшую вещь, какая только может быть, но комиссия именно над этим-то значением и не задумывалась. Конечно, она не в силах была бы раздавить это зло, ни в каком случае, но по крайней мере другими, не столь наивными и гордыми приемами могла бы вселить и в спиритах даже уважение к своим выводам, а на шатких еще последователей так и сильнее могла бы иметь влияние. Но комиссия, очевидно, считала всякий другой подход к делу, кроме как к фокусничеству, и не простому, а с плутнями, унижительным для своего ученого достоинства. Всякое предположение, что спиритизм есть нечто, а не просто грубый обман и фокус, — для комиссии было невысказано. Да и что сказали бы тогда об наших ученых в Европе? Таким образом, прямо задавшись убеждением, что всего-то тут только надо изловить плутню и ничего больше, ученые тем самым дали решению своему вид предвзятого решения. Поверьте, что иной умный спирит (уверяю вас, что есть и умные люди, задумывающиеся над спиритизмом, не все глупцы), иной умный спирит, прочитав в газетах отчет о публичной лекции г-на Менделеева, а в нем такую фразу: «Из этих стуков, при условной азбуке, образуются целые слова, фразы, изречения, носящие всегда на себе оттенок умственного развития того медиума, при помощи которого производится сеанс. Это факт», прочитав такую фразу, пожалуй, вдруг подумает: да ведь этот «всегдашний оттенок умственного развития того медиума» и т. д. — ведь это, пожалуй, чуть не самое существенное дело в исследовании о спиритизме и вывод должен быть сделан на основании самых тщательных опытов; и вот наша комиссия, только лишь подседа к делу (долго ль она занималась-то!), как тотчас и определила, что это факт. Уж и факт! Может быть, она руководствовалась в

этом случае каким-нибудь немецким или французским мнением, но ведь в таком случае где же собственный-то ее опыт? Тут лишь мнение, а не вывод из собственного опыта. По одной мистрисс Клайр они не могли заключить об ответах столов, «соответственных умственному развитию медиумов», как о всеобщем факте. Да и мистрисс Клайр вряд ли они исследовали с ее умственной, верхней, головной стороны, а нашли лишь щелкающую машинку, но уже совсем в другом месте. Г. Менделеев был членом комиссии и, читая лекцию, говорил как бы от лица комиссии⁵. Нет, такое скорое и поспешное решение комиссии, в таком важном пункте исследования и при таких ничтожных опытах — слишком высокомерно, да и вряд ли вполне научно...

Право, это могут подумать. Вот подобная-то высокомерная легкость иных заключений и даст обществу, а пуще всего всем этим убежденным уже спиритам, повод еще пуще утвердиться в своих заблуждениях: «Высокомерие, дескать, гордость, предвзятость, преднамеренность. Брюзгливы уж слишком!» И спиритизм удержится...

Сейчас прочел отчет и о второй лекции г. Менделеева о спиритизме⁶. Г. Менделеев уже приписывает «отчету» комиссии врачебное действие на писателей: «Суворин⁷ не так уж верит в спиритизм, Боборыкин⁸ тоже, видимо, исцелился, по крайней мере поправляется. Наконец, в «Дневнике» своем и Достоевский поправился: в январе он был склонен к спиритизму, а в марте уже бранит его: стало быть, тут «отчет». Так, стало быть, почтенный г. Менделеев подумал, что я в январе хвалил спиритизм? Уж не за чертей ли?⁹

Г-н Менделеев, должно быть, необыкновенно доброй души. Раздав два лекциями спиритизм, представьте себе, ведь он в заключении второй лекции похвалил его. И за что, как вы думаете «честь и слава спиритам» (ух! до чести и славы дошло, да за что же так вдруг)? «Честь и слава спиритам, — сказал он, — что они вышли честными и смелыми борцами из того, что им казалось истиною, не боясь предрассудков!» Очевидно, что это сказано из жалости так сказать, из деликатности, происшедшей от собственного пресыщения своим успехом, только не знаю — деликатно ли вышло... Также похвалил спиритов (и опять с «честью и славой») за то, что они в наш материальный век интересуются о душе: хоть не в науках, так

в вере, дескать, тверды, в бога веруют. Почтенный профессор, должно быть, большой насмешник. Ну, а если он это наивно, не в насмешку, то, стало быть, обратное: большой ненасмешник...»

Ф. М. Достоевский. Полное собр. худ. произвед., т. 11. Л., ГИЗ, 1929.

«...Кстати, про меня упомянули как-то печатно, что я тоже склонен к спиритизму¹⁰. Дай бог любому противнику спиритизма быть таким ненавистником его, как я, но я ненавижу лишь отвратительную гипотезу духов и сношений с ними, насколько может чувствовать к ней отвращение человек, не потерявший здравого смысла. Но откладывая лишь мистическое толкование фактов, я все еще остаюсь в убеждении, что факты эти требуют строгой проверки и что наука, может быть не сказала об них не только последнего, но даже и первого слова. Я, разумеется, могу ошибаться, но в таком случае я ошибаюсь вместе с сотнями тысяч людей; люди же науки вместо тщательного, непредвзятого отношения к факту говорят лишь: «Ничего этого нет, потому что не может быть».

Мне передали, между прочим, что некоторые из нашего духовенства отчасти образовались спиритизму: возбуждает, дескать, веру; по крайней мере, явление духов протестует против всеобщего материализма. Вот рассуждение-то! Нет, уж лучше чистый атеизм, чем спиритизм!¹¹

Из неопубликованной рукописи Ф. М. Достоевского¹¹,

А. А. Блок

15 мая 1903 г. Из письма А. А. Блока к Л. Д. Менделеевой.

«Твой папа вот какой: он давно все знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает. У него нет никаких «убеждений» (консерватизм, либерализм и т. п.). У него есть все. Такое впечатление он и производит. При нем вовсе не страшно, но всегда не спокойно, это от того, что он все и давно знает, без рассказов, без намеков, даже не

видя и не слыша. Это все познание лежит на нем очень тяжело. Когда он вздыхает и охает, он каждый раз вздыхает обо всем вместе; ничего отдельного или отрывчатого у него нет — все неразделимо. То, что другие говорят, ему почти всегда скучно, потому что он все знает лучше всех...»

«Природа», № 2, 12—18 (1969).

«Дед мой продолжал читать курс ботаники в Петербургском университете до самой болезни своей; летом 1897 года его разбил паралич, он прожил еще пять лет без языка, его возили в кресле. Он скончался 1 июля 1902 года в Шахматове. Хоронить его привезли в Петербург; среди встречавших тело на станции был Дмитрий Иванович Менделеев.

Дмитрий Иванович играл очень большую роль в бекетовской семье. И дед и бабушка моя были с ним дружны. Менделеев и дед мой вскоре после освобождения крестьян ездили вместе в Московскую губернию и купили в Клинском уезде два имения — по соседству; менделеевское Боблово лежит в семи верстах от Шахматова, я был там в детстве, а в юности стал бывать часто. Старшая дочь Дмитрия Ивановича Менделеева от второго брака — Любовь Дмитриевна — стала моей невестой. В 1903 году мы обвенчались с ней в церкви села Тараканова, которое находится между Шахматовым и Бобловым».

А. Б л о к. Собр. соч., т. 2. 1955, стр. 203.

В. А. Гиляровский

«Полное солнечное затмение наблюдалось в Московской губернии 8 августа 1887 года, и местом для научных наблюдений был избран г. Клин, куда я и прибыл с ночным поездом Николаевской железной дороги, битком набитым москвичами, ехавшими наблюдать затмение¹.

В четвертом часу утра было еще темно. Я вышел с вокзала и отправился в поле, покрытое толпами народа, окружавшего воздушный шар, качавшийся в темном фоне неба. Совсем голова из оперы «Руслан и Людмила»,

На востоке неба было чисто и светились розовые, золотистые отблески. А внизу было туманно.

Шар был окружен загородкой, и рядом целая баррикада из шпал, на которой стояли аппараты для приготовления водорода для наполнения шара.

Кругом хлопотали солдаты саперного батальона.

Весь день накануне наполняли шар, но работе мешала буря, рвавшая и ударявшая шар о землю. На шаре надпись «Русский».

Среди публики бегал рваный мужиченко, торговец трубками для наблюдения затмения, и визжал:

— Покупайте, господа, стеклышки, через минуту затмение начинается.

В 6 часов утра молодой поручик лейб-гвардии саперного батальона А. М. Кованько скомандовал:

— Крепить корзину!

В корзину пристроили барограф, два барометра, бинокли, спектроскоп, электрический фонарь и сигнальную трубу.

С шара предполагалось зарисовать корону солнца, наблюдать движение тени и произвести спектральный анализ.

В 6 час. 25 минут к корзине подошел, встреченный аплодисментами, высокий, немного сутулый, с лежащими по плечам волосами, с проседью и длинной бородой, профессор Д. И. Менделеев. В его руках телеграмма, которую он читает:

— На прояснение надежда слаба. Ветер ожидается южный. Срезневский.

Менделеев и Кованько сели в корзину, но намокший шар не поднимается.

Между ними идет разговор. Слышно только, что каждому хочется лететь, и, наконец, г. Кованько уступает просьбам Менделеева и читает ему лекцию об управлении шаром, показывая, что и как делать.

Менделеев целуется с Кованько, который вылезает из корзины.

Подходит профессор Краевич, дети профессора и знакомые. Целуются, прощаются... Начинает быстро темнеть.

Г. Кованько выскакивает из корзины и командует солдатам:

— Отдавай!

Шар рвануло кверху, и при криках «Ура!» он исчез в темноте...

Как сейчас, вижу огромную фигуру профессора, его развевающиеся волосы из-под нахлобученной шляпы... Руки подняты кверху — он разбирается в веревках... И сразу исчезает... Делается совершенно темно... Стало холодно и жутко... С некоторыми дамами делается дурно...

Мужики за несколько минут перед этим смеялись:

— Уж больно господа хитры стали, заранее про небесную планиду знают... А никакого затмения не будет!...

Эти мужики теперь в ужасе бросились бежать почему-то к деревне... Кое-кто лег на землю... Молятся... Причитают... Особенно бабы...

А вдали ревет деревенское стадо. Вороны каркают тревожно и носятся низко над полем... Жутко и холодно».

В. л. Гиляровский. Солнечное затмение под Москвой. «Русские ведомости», № 216, 8 августа 1887 г.

М. О. Меншиков

«Менделеев был человек не столько настоящей, сколько будущей России, предтеча ее грядущей славы... Враг утопий, где мечтательное невежество авторов находит стоголосое эхо в наивном невежестве поклонников. Менделеев больше чем верил: он достоверно знал, что счастье народное возможно, что оно чрезвычайно близко, стоит только внести в жизнь поправки, которые давно ясны для научного зрения. И Менделеев неустанно проповедовал, просвещал общество, выступая в качестве не только гениального исследователя, но выдающегося профессора, публициста, техника, чиновника, государственного человека. Если он, отрываясь от лаборатории, писал о стеклянном производстве и маслостройном деле, о технике земледелия, о муке и крахмале, о вазелине и винокурении, о химической технологии и пр. и пр., если он ездил то в Закавказье, то в Пенсильванию изучать нефть, то в Донецкую область изучать уголь, если мечтал с Макаровым об открытии Северного полюса, если летал на воздушном шаре и изучал спиритизм, если писал о школе для учителей и о поднятии уровня Азовского моря, если погружался в таможенный тариф и в колоссальный материал переписи, если он умел в каждую работу свою, самую труд-

ную, вложить догадку и здравый смысл, то что же это значит? Только то, что кроме всеобъемлющего ума он любил Россию. Великий ученый, признанный всеми академиями, кроме русской, Менделеев готов был разорвать для родины свою душу, видя тысячи нерешенных задач, в сущности легко разрешимых».

М. Меньшиков. Памяти Д. И. Менделеева. «Новое время», 1907, январь 23.

«Кроме последней книги «К познанию России» прочтите или хотя бы раскройте в любом месте «Заветные мысли» Менделеева, или его брошюру «О народном просвещении России», или его «Проект училища наставников», или «Толковый тариф», или «Основы фабрично-заводской промышленности». Какая оригинальность и государственная глубина мысли! Поневоле вспоминаешь зачинателя нашего просвещения Ломоносова, его всеобъемлющий тоже государственный ум, оттертый до шуваловской передней...

Менделеев, посвятив свою молодость науке, очень склонен был отдать зрелые годы иному служению, служению отечеству. Ученый эгоизм в нем рано уступил проснувшемуся гражданскому чувству, инстинкту патриота, увидевшему родину в опасности. Менделеев, видимо, хотел государственной службы, но, конечно, не переписывать бумаги. Большому кораблю не то что хочется большого плавания, а оно ему свойственно, оно обусловлено его осадкой и грузом. На мелких фарватерах большой корабль просто садится на мель. Именно такое впечатление большого государственного человека, севшего на мель, производят политические брошюры и книги Менделеева. Громадный корабль, врезавшийся в песок, неподвижный, засасываемый грунтом, причем груз драгоценных мыслей отдан на волю волн. Ну, не стыдно ли в самом деле, что такой великий ученый, как Менделеев, был ничто в ведомстве просвещения, а какие-то графы Толстые, Дмитрий и Иван, ничем неотличимые и незамечательные, были министрами просвещения? Не стыдно ли читать: «Докладная записка заслуженного профессора Д. И. Менделеева, представленная 30 декабря 1905 г. его сиятельству мини-

стру народного просвещения графу И. И. Толстому»? Надо заметить, что Менделеев был немалое время учителем гимназий, кадетских корпусов, университетов и институтов, т. е. педагог очень опытный, пропустивший через свое наблюдение тысячи учеников и студентов. Казалось бы, как не заметить такого педагога, одновременно доказавшего громадную трудоспособность и гениальную проницательность ума? «Но он был химик». Да. Что ж такое? Химия — в математическом обосновании — есть философия природы и все же дает нечто уму, а не отнимает от него. Ну, а графы Толстые, которые не знали ни физики, ни химии, ни математики, как, по-видимому, вообще ничего не знали в точности, — почему же они, не бывшие педагогами вовсе, казались лучшими хозяевами учебного ведомства? Почему Менделееву был предпочтен Делянов, спустивший ведомство на нет?...

Можете себе представить, какая могучая работа закипела бы под руками Менделеева, если бы он был призван к государственному труду в его молодые годы! С десятков таких богатырей, как Менделеев, которые непременно есть в стране, и явились бы — они могли бы еще тридцать лет назад поднять Россию, просветить, обогатить. Даже связанный в замысле, даже в роли эксперта и небольшого чиновника Менделеев своими работами по части нефти вдвинул в Россию неисчислимые богатства, уже давшие государству многие сотни миллионов. Что же было бы, если бы ему вовремя дали власть и средства оглядеть русское хозяйство? Оглядеть с особенным интересом практического деятеля, оригинального и знающего толк во всем, оглядеть с тем вкусом, что вызывает молниеносные догадки и так называемые «счастливые идеи»?

Платон, мечтая об идеальном государстве, изгнал из него артистов и поставил во главе его мудрецов. Многие из наших министров, подготовивших упадок России, были поклонниками муз. Валуев писал романы. Тимашев лепил бюсты. Горчаков славился блетящим стилем, при посредстве которого Бисмарк водил его все время за нос. Были артисты остроумной болтовни, были мастера в *petits jeux*. Один министр получил бессмертное имя, дав рецепт сладкой каши. Люди милые, блестящие, любезные целые десятилетия вели Россию неуклонно к пропасти — в то самое время, как мудрецы народные — и какого размера! — Менделеевы и Толстые изнывали от кошмарного созна-

ния, от бессилия, от невозможности что-нибудь сделать. Единственно, что им предоставлено было,— это писать брошюры, ворчать у себя за печкой».

НАМ ЛГУ, П-А-3-4-1.

В. В. Протопопов

«Вы когда-нибудь разговаривали с Дмитрием Ивановичем Менделеевым? Если нет — жаль. Жаль по двум причинам: потому, что вы были лишены возможности послушать, во-первых, человека с удивительно интересными, оригинальными взглядами, а, во-вторых, совершенно своеобразного оратора. Оратора нервного, увлекающегося, горячего... Оратора, речь которого начинается вяло, точно нехотя, затем переходит в тон более спокойный, более уверенный и... вдруг сразу прерывается.

Почему? Без всякой причины... Прерывается на несколько мгновений задумчивости, после которых характер ее сразу меняется. Так льются воды реки, приближаясь к порогам. Тихо льются, едва заметно... А перед порогами — затор. Секунда... Две... Три... И сразу перемена: точно огнем опалило воду... Закипела она, зашумела, брызги, как искры, полетели в воздух... Вперед... вперед!... Волны гонятся одна за другой и сталкиваются, и рассыпаются белой молочной пеной... В них — странные, причудливые образы, в них — кто-то борется, кто-то побеждает и падает!...

Такое впечатление страшной силы, и умственной и нервной, производит речь Дмитрия Ивановича Менделеева...

Я слушал нашего уважаемого ученого сидя в его кабинете — в царстве книг... Книги по стенам, книги на столах, книги на диване и на полу... Это ли не царство книги?... Здесь работает, а значит и живет Дмитрий Иванович... Здесь, за письменным столом, украшенным портретами нескольких друзей и членов своей семьи, профессор принимает всех, кто является к нему по делам... Он говорит много и охотно... Он говорит, меня папиросу за папиросой, которые тут же скручивает, беря табак и бумагу из стоящего перед ним стеклянного ящика с серебряной крышкой... Этот ящик и розовая фарфоровая чашка с

чаем не сходят со стола Дмитрия Ивановича... Д. И. Менделеев говорил, видимо, сам интересуясь предметом нашей беседы... Меня это не удивило... Маститый ученый только что выпустил 5-ю главу своих «Заветных мыслей» — главу, посвященную именно войне.

Какая прекрасная книга! Как удивительно чувствуешь, читая ее, что мысли, высказываемые в ней, действительно «заветные» для того, кто их писал! Это чувствуется особенно по тому мягкому, я сказал бы даже сердечному тону, которым автор говорит о России и русском народе... Побольше бы таких книг и таких авторов!..

В своей книге Д. И. Менделеев отвечает между прочим на один высоко интересный вопрос. Этот вопрос: «В чем наша сила?»... Ответ такой...: «Наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, и в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия».

В. В. Протопопов. Д. И. Менделеев о войне (из беседы). «Петербургская газета», 13 июня 1904 г.

КОММЕНТАРИИ

К воспоминаниям Л. А. Чугаева. — 13

Чугаев Л. А. (1873—1922) — выдающийся русский химик, родился в Москве, где окончил в 1895 г. университет. В Петербурге стал работать после 1908 г., когда был приглашен профессором неорганической химии Петербургского университета. Л. А. Чугаев стал достойным преемником Д. П. Коновалова — ученика Д. И. Менделеева. В годовщину кончины Л. А. Чугаева его друг И. А. Каблуков сказал: «В лице Чугаева не только русская, но и мировая наука потеряла крупного ученого, а Петроградский университет — профессора, который благодаря своему таланту, любви к науке и замечательной трудоспособности являлся достойным хранителем заветов Д. И. Менделеева». (В сб. «Л. А. Чугаев». Сборник речей и докладов, посвященных его памяти. Л., ГИЗ, 1924, стр. 98).

¹ О последних днях жизни Д. И. Менделеева см. воспоминания Н. Г. Егорова (второй раздел сборника). — 16

К воспоминаниям И. М. Сеченова. — 16

Сеченов И. М. (1829—1905) — основоположник русской физиологической школы, большой друг Д. И. Менделеева, в лаборатории которого в начале 70-х годов выполнил несколько исследований (см. подробнее: И. Н. Филимонова. Д. И. Менделеев и И. М. Сеченов. В сб. «Из истории биологии». Вып. 3. М., «Наука», 1971, стр. 202—211).

¹ *Пассек Т. П.* (1810—1889) — писательница, родственница А. И. Герцена. О встрече с ней в Петербурге 6 октября 1861 г. Д. И. Менделеев пишет в своем дневнике (см.: «Научное наследство». Т. II. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 184). — 16

² См. подробнее: М. Н. Младенцев, В. Е. Тищенко. Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. I.

М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 158 и др. На научную самостоятельность Менделеева в период его работы в Гейдельберге указывают и другие авторы. См., например, воспоминания С. Сватикова [Русские студенты в Гейдельберге. «Новый журнал для всех», № 12, 72 (1912)], А. В. Романовича-Славатинского [«Вестник Европы», кн. 4, 536—543 (1903)]. — 17

³ Более подробно о музыкальных встречах у Бородина говорится в книге А. Сохора «Александр Порфирьевич Бородин». М.—Л., «Музыка», 1965, стр. 99. Д. И. Менделеев был инициатором поездки друзей во Фрейберг, чтобы послушать там знаменитый орган. Менделеев любил напевать какой-то мотив из одной из трех увертюр «Леонора» Бетховена или из его оперы «Фиделио» (см.: Письма А. П. Бородина с примечаниями С. А. Дианина. Вып. 4. М.—Л., Музгиз, 1950, стр. 413). — 17

⁴ См.: Б. Н. Чичерин. Путешествие за границу. М., «Север», 1932, стр. 89.—17

⁵ Некоторые воспоминания И. М. Сеченова о работе в лаборатории Менделеева в 70-х годах приводит А. А. Ухтомский (Собр. соч. Т. 6. Л., Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 142, 143). — 18

К воспоминаниям Г. Г. Густавсона. — 18

Густавсон Г. Г. (1842—1908) — известный русский химик, ученик Д. И. Менделеева, неоднократно встречался со своим учителем и после перехода из университета (1874 г.) в Петровскую земледельческую академию.

¹ Приводится по докладу Г. Г. Густавсона «Д. И. Менделеев и органическая химия», прочитанному в декабре 1907 г. на I Менделеевском съезде. — 18

² В действительности «Органическая химия» выдержала два издания: второе вышло в 1863 г. — 19.

³ В записной книжке Густавсона (1907 г.) содержится следующая заметка: «Можно было бы сказать небольшую речь о Менделееве. О его характере — всегдашней готовности употребить свое влияние на помощь. О полном отсутствии насмешливости, глумления и т. п. Извинить же порывы вспыльчивости, в чем, впрочем, он всегда потом раскаивался, постоянным напряженным состоянием ума, досадою на причиненную потерю времени... Эти вспышки были почти бессознательными — голова работала в известном направлении и вдруг его возвращали к действительности...» [см.: А. А. Макареня. «Вестник ЛГУ». № 4, 140 (1960)]. — 23

К воспоминаниям К. А. Тимирязева. — 24

Тимирязев К. А. (1843—1920) — выдающийся русский ученый и общественный деятель. В 1866 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Хорошо знал Д. И. Менделеева (слушал его лекции, был наблюдателем на опытных полях Вольного экономического общества, организованных Д. И. Менделеевым, неоднократно встречался позднее на заседаниях Русского химического общества и т. д.). Называл

Д. И. Менделеева своим учителем (например, на титульном листе статьи «Бессильная злоба антидарвиниста» К. А. Тимирязев написал: «Глубокоуважаемому Дмитрию Ивановичу Менделееву от старого ученика» (Библиотека Д. И. Менделеева. I-182 10). Д. И. Менделеев высоко ценил научные труды и общественную деятельность К. А. Тимирязева. В памяти последнего запечатлелся такой эпизод: в 1890 г. Менделеев, слушая доклад Тимирязева о факторах органической эволюции на съезде русских естествоиспытателей и врачей, «даже придвинул свой стул вплотную к кафедре, чтобы не упустить ничего из заинтересовавшей его речи» (К. А. Тимирязев. Наука и демократия. Л., «Прибой», 1926, стр. 207).

В сочинениях Тимирязева имя Менделеева упоминается неоднократно, однако, воспоминаний, посвященных Д. И. Менделееву, Тимирязев, по-видимому, не оставил. Поэтому здесь приведены лишь четыре отрывка из научно-популярных статей Тимирязева, где рассматривается история развития ряда научных направлений и участие в их обсуждении Д. И. Менделеева. Тимирязеву принадлежит также интересное описание студенческих волнений, где также упоминается имя Менделеева (см. сб. «Ленинградский университет в воспоминаниях современников». Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 93, 94). Недавно была опубликована часть сохранившейся переписки Д. И. Менделеева и К. А. Тимирязева [см. Ф. С. Теплов, в сб. «Вопросы истории естествознания и техники». Вып. 21. М., 1967, стр. 114].

¹ Только в конце 60-х и начале 70-х годов благодаря активным хлопотам Д. И. Менделеева, а затем А. М. Бутлерова и Н. А. Меншуткина положение изменилось: лаборатории получили новые помещения и оборудование. — 24

² О работах Д. И. Менделеева по агрохимии и сельскому хозяйству в связи с приводимыми в воспоминаниях Тимирязева эпизодами см. подробнее: С. И. Вольфкович. Мысли и труды Д. И. Менделеева по сельскому хозяйству и его химизации. «Вестник МГУ», № 6, стр. 91 (1952); А. Б. Лазурский. Агрохимические работы Д. И. Менделеева. В сб. «Сообщения о научных работах членов ВХО им. Д. И. Менделеева». Вып. 3. 1947, стр. 19—21; П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России. Т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 159—169; С. И. Вольфкович, Ф. С. Соболев. В сб. «Д. И. Менделеев. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству». М., Изд-во АН СССР, 1954. Некоторые архивные документы приведены в статье А. А. Макареня. Д. И. Менделеев о рациональном ведении сельского хозяйства. «Природа», № 6 107—111 (1964). — 25

³ Описываемое событие происходило в 1887 г. после опубликования знаменитой речи У. Крукса «О происхождении химических элементов», в которой снова ставился вопрос о едином происхождении химических элементов, чем возрождались гипотеза Пранта. Сложность элементов понималась многими упрощенно, в свете механических правил аддитивности. Взгляды Менделеева по рассматриваемому вопросу изложены в монографиях Б. М. Кедрова «Эволюция понятия элемента в химии». (М., Изд-во АПН РСФСР, 1956) и А. А. Макареня. «Д. И. Менделеев о радиоактивности и сложности элементов» (Изд. 2. М., Госатомиздат, 1965). — 26

К воспоминаниям А. А. Иностранцева. — 26

Иностранцев А. А. (1843—1919) — известный русский геолог, член-корреспондент Петербургской академии наук, в 1867 г. окончил Петербургский университет, неоднократно встречался с Д. И. Менделеевым.

¹ Упоминаемые в тексте лекции Менделеева Иностранцев слушал в 1864/65 учебном году. — 27

² Впоследствии П. П. Демидов был киевским городским головой, и Менделеев останавливался у него в доме при посещении Киева в 1873 г. в период работы III съезда русских естествоиспытателей и врачей.

³ Описываемое событие имело место 4 января 1865 г. — 28

⁴ Поездка Менделеева и Иностранцева в имение Анциферова состоялась в 1874 г. В автокомментарии к своим трудам Менделеев писал: «Курноз тут в том, что чистый сферосидерит был привезен как известковая порода... Видели мы с А. А. Иностранцевым много чудного и занятного». (Архив Д. И. Менделеева. Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 62). — 29

⁵ Воспоминания Иностранцева, относящиеся к истории открытия Менделеевым периодического закона, хранятся в фондах Музея истории Ленинградского университета вместе с рукописью воспоминаний о пребывании Иностранцева в Петербургском университете, но написаны, по-видимому, в другое время. Обе рукописи не датированы. Публикация приведенных страниц представляет особый интерес в связи с полемикой, имевшей место в философской литературе (см. подробнее: Б. М. Кедров. День одного великого открытия. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 160—165). — 33

К воспоминаниям В. Е. Тищенко.—33

Тищенко В. Е. (1861—1941) — академик, известный советский химик, активный деятель ВХО им. Д. И. Менделеева, один из основателей Музея Д. И. Менделеева в Ленинграде, автор (совместно с М. Н. Младенцевым) первого сравнительно подробного исследования жизни и деятельности Д. И. Менделеева (Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938).

В. Е. Тищенко учился в Петербургском университете (окончил в 1884 г.), работал в лабораториях А. М. Бутлерова и Д. И. Менделеева. С 1884 г. был ассистентом Д. И. Менделеева, поддерживал дружеские отношения с учителем и после ухода последнего из Петербургского университета (1890 г.). См. подробнее: В. В. Тищенко. Вячеслав Евгеньевич Тищенко. Л., Изд-во ЛГУ, 1969; Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. Т. VI. М., «Наука», 1971, стр. 37.

¹ Павлов Д. П. (1851—1903) — брат известного физиолога И. П. Павлова. С 1878 по 1886 г. состоял лекционным ассистентом Д. И. Менделеева [см.: Д. П. Коновалов. «Журнал Русского Физико-химического общества», 35, 78 (1903)]. — 35

² См. подробнее: В. Е. Тищенко. А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев в их взаимной характеристике [«Журнал Русского физико-химического общества», вып. 4, 641—651 (1928)]. Взаимоотношения Менделеева и Бутлерова многократно описаны в других воспоминаниях. Некоторые данные о личных взаимоотношениях двух великих русских ученых, основанные на архивных документах, приведены в статье А. А. Макаревича [«Вестник ЛГУ», № 22, 154—156 (1961)]. — 36

³ О взаимоотношениях Менделеева и Винклера см. подробнее: А. Лисснер. Связи Д. И. Менделеева с Горной академией во Фрейбурге. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 5, 50—55 (1957) и А. А. Макаревича. Д. И. Менделеев и К. А. Винклер. «Химия и жизнь», № 7, 55, 56 (1966). — 36

⁴ Павлов В. Е. — ученик А. М. Бутлерова, ассистент и сотрудник Д. И. Менделеева, по рекомендации которого избран в 1885 г. адъюнкт-профессором Высшего технического училища в Москве [см.: Л. А. Чугаев. «Природа», № 1, 81—84 (1918)]. — 36

⁵ О Дюма Менделеев опубликовал заметку [Некрологическая заметка о Дюма. «Журнал Русского физико-химического общества», вып. 5, 450 (1884)], и в комментариях к своим трудам писал: «Дюма я очень уважал, а он очень мне благоволил» (Архив Д. И. Менделеева, Т. 1, Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 72). — 40

⁶ См. подробнее: Ю. С. Мусабеков. Шарль Адольф Вюрц. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 81—87. — 40

⁷ См. подробнее: Ю. С. Мусабеков. Марселен Бергло. М., «Наука», 1965, стр. 58—64. — 40

⁸ К сожалению до сих пор в исторической литературе явно недостаточно прослежены научные связи Менделеева с английскими учеными. Освещение некоторых сторон этого вопроса можно найти в книге М. И. Радовского «Из истории англо-русских научных связей». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 192—215 [см. также Nature, 75, № 1946, 373 (1907)]. — 40

⁹ См. подробнее: Б. Кедров, Т. Ченцова. Браунер — сподвижник Менделеева. М., Изд-во АН СССР, 1955. — 40

¹⁰ Об участии Менделеева в диспутах и его требованиях к диссертациям упоминается также в книге П. В. Слетова и В. А. Слетовой «Д. И. Менделеев» (М., Журн.-газ. объедин., 1933, стр. 33). — 45

¹¹ В. Е. Тищенко. Некролог почетного члена Петербургского университета заслуженного профессора Дмитрия Ивановича Менделеева. Спб., 1907. — 45

¹² См. подробнее: А. Я. Авербух. Д. И. Менделеев и научно-техническая лаборатория Морского ведомства. «Труды Ин-та истории естествознания и техники», 39, 222—247 (1962) и П. М. Лукьянов. Из неопубликованной переписки Д. И. Менделеева. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 14, 76—78 (1963). — 47

¹³ Сокращенный вариант тех же воспоминаний был напечатан в газете «Известия» от 2 февраля 1937 г. — 50

¹⁴ Янкевич И. К. — сокурсник Д. И. Менделеева. — 50

¹⁵ Давыдов И. И. (1794—1863) — директор Главного педагогического института в Петербурге, где учился Д. И. Менделеев. — 51

¹⁶ Здекауер Н. Ф. (1815—1897) — профессор медицины Медико-хирургической академии, председатель Медицинского совета. — 51

¹⁷ Пирогов Н. И. (1810—1881) — выдающийся русский хирург

и анатом, основоположник военно-полевой хирургии, чл.-корр. Петербургской академии наук. К сожалению, до сих пор не удалось установить, встречался ли Менделеев с Пироговым в Симферополе или эта встреча произошла позже, в Одессе, где Менделеев был преподавателем в гимназии, а Пирогов стал попечителем Одесского учебного округа. — 51

К воспоминаниям А. Ладенбурга. — 52

Ладенбург А. (1842—1911) — известный немецкий химик, в течение многих лет работал в Гейдельберге, Киле и Бреславле. Один из активных деятелей Немецкого химического общества. После смерти Менделеева им была опубликована заметка, посвященная памяти русского ученого [Chemiker-Zeitung, № 15, 184 (1907)]. Отрывок из воспоминаний Ладенбурга приводится по речи К. Бенинга (К. Бенинг, Д. И. Менделеев и Л. Мейер. Речь, произнесенная на торжественном заседании технического отделения Имп. Казанского экон. об-ва, посвященном памяти Д. И. Менделеева, 27 января 1911. Казань, 1911, стр. 13—16).

¹ См. подробнее комментарии акад. Б. М. Кедрова к сборнику «Д. И. Менделеев. Периодический закон». Дополнительные материалы. Серия «Классики науки». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 448. — 52

² Некоторые подробности описываемого Ладенбургом события можно найти в статье известного немецкого ученого Фрица Панета [Die Naturwissenschaften, 18, № 47—49, 964—976 (1930)]. О встречах и разговорах с Д. И. Менделеевым во время этого съезда говорится также в выступлении У. Андерсона об инженерном образовании в Journal of the Engng Society, 7 октября 1887 г. (6-ка Д. И. Менделеева 1-121-10). В этом выступлении У. Андерсон говорит о значении доклада Менделеева «О соединении спирта с водой», прочитанного на съезде в Манчестере, для понимания процессов, идущих в твердых растворах, в частности при образовании стали, об аналогии между жидкими и твердыми растворами, что проявляется в образовании определенных соединений. Кроме того, Андерсон передает разговор с Менделеевым о минеральной теории происхождения нефти, упоминая о рассказе Менделеева о том, как некоторые специалисты не могли обнаружить разницы в составе приготовленной им искусственно нефти и образцов, взятых из природных месторождений. О пребывании Менделеева в Манчестере см. также: А. А. Макареня, И. Н. Филимонова. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 22, 64—67 (1967). — 53

³ Вопрос о рассмотрении кандидатуры Д. И. Менделеева изложен в воспоминаниях С. Ф. Глинки (второй раздел настоящ. сб.) и статье Г. К. Князева «Д. И. Менделеев и царская Академия наук (1858—1907 гг.)» (Архив истории науки и техники. Вып. 6. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935) и в публикации статьи Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна в России?» [«Новый мир», № 12, 176 (1966)]. — 54

Байков А. А. (1870—1946) — выдающийся физико-химик и металлург, академик, Герой Социалистического Труда. Окончил в 1893 г. Петербургский университет по физико-математическому отделению, но стал заниматься химией в лаборатории Д. П. Коновалова (см. подробнее: А. А. Макареня, В. А. Поздышева. Александр Александрович Байков. Л., Изд-во ЛГУ, 1971).

¹ Петиция, которую Менделеев доставил графу Делянову, ярко выраженного политического характера не имела. Об этом можно судить по материалам, собранным самим Менделеевым.

Текст петиции гласит: «В среду 14-го марта нам впервые была дана возможность выразить перед коллегией уважаемых профессоров с ректором во главе наши необходимые нужды и горячие желания».

Твердо уверенные из горького опыта в настоятельной необходимости реформ университетских порядков, мы убеждены, что наши желания вполне осуществимы, и формулируем их следующим образом:

Мы желаем, чтобы Устав университетов и других высших учебных заведений был основан на началах автономии, чтобы ректор и профессора были избираемы согласно университетскому Уставу 1863 года, чтобы были уничтожены университетский и студенческий суд, а также признаны студенческие корпорации.

Мы желаем, чтобы все окончившие средне-учебные заведения без различия вероисповедания, общественного положения и без всяких тайных характеристик со стороны гимназического начальства и полиции имели свободный доступ в университет.

Наконец, мы уверены, что наряду с этим /нам/ нашим профессорам может быть дана свобода преподавания, прежде существовавшая по Уставу 1863 года.

Наше глубоко убеждение в том, что все эти последовательно проведенные изменения в смысле наших желаний будут содействовать развитию студенческой жизни, и только они могут обусловить нормальное течение ее.

Мы настаиваем теперь же на уничтожении полицейских функций инспекции, понижении платы и, в частности, по отношению к нашему Университету, на восстановлении научно-литературного общества, существовавшего до 1886 года, и студенческой читальни.

Впервые пользуясь возможностью изложить свои желания, не выходя из границ законности, мы твердо верим в то, что подобный способ выражения своих нужд войдет в обиход студенческой жизни.

Студенты С.-Петербургского
Университета»

Д. И. Менделеев к этому документу сделал следующую надпись: «Это [текст], полученный мною от студента Березина. Эту бумагу я отвез Делянову и получил обратно при бумаге далее вклеенной» (НАМ ЛГУ, Альбом 2, д. 429, л. 455). См. также: А. А. Макареня, И. Н. Филимонова. Д. И. Менделеев и Петербургский Университет. Л., Изд-во ЛГУ, 1969, стр. 40—41. — 60

² События, предшествовавшие уходу Д. И. Менделеева из университета, достаточно подробно описаны в воспоминаниях Ф. Ф. Во-

ропонова [«Исторический журнал для всех», № 4, 313—334 (1909)]. — 61

³ А. А. Байков в 90-е годы был активным участником Малого химического общества, или Химического семинария, которым руководил Д. П. Коновалова, [см.: В. В. Козлов. Очерки химических обществ СССР. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 110—117; А. А. Макареня. «Вестник ЛГУ», № 22, 145 (1959)]. Один из докладов А. А. Байков посвятил анализу взглядов Д. И. Менделеева на растворы. — 62

⁴ В 7-м издании «Основ химии» (Спб., 1902 г.) Менделеев выделил особый раздел о сплавах (глава 15 «Сходство элементов и периодический закон», раздел 12, стр. 471, 472), где сослался на работы А. А. Байкова и в примечании привел письмо последнего от 27 сентября 1902 г. — 63.

К воспоминаниям Д. П. Коновалова. — 64

Коновалов Д. П. (1856—1929) — академик, выдающийся русский физико-химик и общественный деятель, ученик Д. И. Менделеева. В своих работах развивал химическую теорию растворов Менделеева.

В 1878 г. Коновалов окончил Горный институт, затем состоял вольнослушателем университета в Петербурге. В 1886 г. Коновалов становится профессором Петербургского университета, а после ухода Менделеева сменяет своего учителя на кафедре химии. С 1922 г. Коновалов является президентом Главной палаты мер и весов. Таким образом, Коновалов не только лично знал Менделеева свыше 25 лет, но и был преемником своего учителя в главных направлениях его деятельности. Дочь Д. П. Коновалова, О. Д. Доброклонская, вспоминает: «Отец очень чтит Д. И. Менделеева, и Менделеев дружелюбно к нему относился. Я помню атмосферу торжественности в доме, когда Дмитрий Иванович приезжал к нам» (цит. по книге: Ю. И. Соловьев, А. Я. Кипнис. Дмитрий Петрович Коновалов. М., «Наука», 1964, стр. 32).

Для 9-го издания «Основ химии», которое было выпущено к 20-летию со дня смерти Менделеева, Коновалов подготовил статью «„Основы химии“ и их автор», в которой на основе анализа трудов Д. И. Менделеева и своих личных воспоминаний дал сжатый, но содержательный обзор основных направлений научной деятельности Д. И. Менделеева (см.: Д. И. Менделеев. «Основы химии». Т. 1. Изд. 9. М.—Л., ГИЗ, 1927, стр. XXXVII—XL).

Д. П. Коноваловым была написана также «Автобиография» (для журнала «Огонек»), которую он назвал «По стопам Менделеева» [«Огонек», № 26, (1927)]. В ней он писал, в частности: «В 1891 г. я был избран на кафедру общей химии, освободившуюся вследствие оставления Д. И. Менделеевым университета. Строго придерживаясь начал, изложенных в знаменитых «Основах химии» Д. И. Менделеева, я стремился связать преподавание по занятой кафедре с изложением начал физико-химии и организовать лабораторные работы по физико-химии...»

¹ Кундт А. (1839—1894) — известный немецкий физик, с 1872 г. руководил физическим институтом в Страсбурге. Его работы высоко ценил Менделеев. У Кундта работали многие известные русские ученые, среди них П. Н. Лебедев. — 64.

Кистяковский В. А. (1865—1952) — академик, выдающийся советский физико-химик, в 1885—1889 гг. обучался в Петербургском университете. Слушал лекции Д. И. Менделеева, впоследствии неоднократно с ним встречался, в том числе в период работы в Главной палате мер и весов.

Воспоминания Кистяковского представляют собой два черновых наброска (один из них — машинописная копия) одного из выступлений, посвященного памяти Д. И. Менделеева. Часть этих воспоминаний ранее публиковалась [«Вопросы истории естествознания и техники», вып. 13, 97 (1962)].

¹ В. А. Кистяковский был одним из постоянных партнеров Д. И. Менделеева по игре в шахматы. Приведенный здесь отрывок публиковался в журнале «Шахматы в СССР», № 10, 313 (1959). Об увлечении Менделеева игрой в шахматы см. подробнее: А. А. Макареня. Д. И. Менделеев за шахматами. «Шахматы в СССР», № 10, 314, 315 (1958). Некоторые новые данные содержатся в настоящих воспоминаниях (см. воспоминания А. Макарова, редактора-издателя «Шахматного журнала»). — 66

К воспоминаниям И. А. Каблукова. — 67

Каблуков И. А. (1857—1942) — известный советский физико-химик, почетный член АН СССР. Окончил Московский университет в 1880 г., ученик В. В. Марковникова. В 1881 г. работал в лаборатории А. М. Бутлерова в Петербургском университете. Посещал лекции профессоров, в том числе Менделеева. Под влиянием последнего заинтересовался физической химией, учением о растворах. Это увлечение привело его в лабораторию В. Оствальда в Лейпциге, и И. А. Каблуков сделался одним из сторонников теории электролитической диссоциации Аррениуса. Вместе с Кистяковским Каблуков ввел представление о гидратации ионов, послужившее основой для слияния физической и химической теории растворов (см. подробнее: Ю. И. Соловьев и др. Иван Алексеевич Каблуков. 1857—1957. М., Изд-во АН СССР, 1957).

И. А. Каблуков проявил также интерес к созданию лекционных демонстраций по курсу неорганической химии, чему и Д. И. Менделеев уделял постоянное внимание (см. подробнее: Ф. П. Платонов, Г. П. Хомченко. Научно-методический кабинет-музей лекционных демонстраций по химии имени почетного академика И. А. Каблукова. Сборник научно-методических статей по химии». Вып. 2. М., «Высшая школа», 1971, стр. 99—103; здесь сообщается о фотографии, подаренной Д. И. Менделеевым И. А. Каблукову).

¹ См.: Ю. И. Соловьев, М. И. Каблукова, Е. В. Калесников. Иван Алексеевич Каблуков. 1857—1957. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 34. — 67

К воспоминаниям Н. С. Курнакова. — 68

Курнаков Н. С. (1860—1941) — академик, выдающийся советский химик, основатель физико-химического анализа. Окончил Горный институт в Петербурге в 1882 г., впоследствии профессор Горного

(с 1893 г.), Электротехнического (с 1899 г.) и Политехнического (с 1902 г.) институтов. Неоднократно встречался с Менделеевым. В библиотеке Д. И. Менделеева имеются многие работы Н. С. Курнакова, опубликованные при жизни Менделеева. (см. подробнее: Ю. И. Соловьев. Очерки истории физико-химического анализа. М., Изд-во АН СССР, 1957).

Кроме публикуемых воспоминаний перу Н. С. Курнакова принадлежит также статья «Титан науки», помещенная в газете «Ленинградская правда» от 10 сентября 1934 г.

¹ См. подробнее: К. П. Мищенко. О работах Д. И. Менделеева по растворам (в кн. «Д. И. Менделеев. Растворы». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 1130 и др.). — 68

² Д. И. Менделеев. Основы химии. Изд. 5. Спб., 1889, стр. 723. В последующих изданиях «Основ химии» Менделеев неоднократно ссылается на другие работы Н. С. Курнаков. — 68

К воспоминаниям В. И. Вернадского. — 69

Вернадский В. И. (1863—1945) — академик, один из основоположников геохимии, выдающийся естествоиспытатель, историк науки и общественный деятель. Родился в Петербурге, где окончил в 1885 г. университет. Слушал лекции Д. И. Менделеева, его соратников (А. М. Бутлеров, И. М. Сеченов) и учеников (Д. П. Коновалов, А. А. Иностранцев).

В своих работах развил некоторые идеи Менделеева [о преемственности ряда философских взглядов см. подробнее: И. А. Козиков. Философские воззрения В. И. Вернадского. М., Изд-во МГУ, 1963; И. И. Мочалов. В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М., «Наука», 1970, стр. 105—106. См. также заметку А. Г. Чернова, в которой приведено письмо Н. А. Рубакина, известного популяризатора и библиофила, В. И. Вернадскому (от 3 апреля 1936 г.). Вот отрывок из этого письма: «...Ваше письмо на меня действовало: оно вызвало во мне и объединило два светлых образа моего, общего с Вами, студенческого прошлого — образ нашего общего учителя, Д. И. Менделеева, — и Ваш» — «Природа», № 4, 73, 74 (1963)].

¹ Толстой Д. А. (1823—1889) — реакционный государственный деятель царской России. С 1865 г. — обер-прокурор синода, 1866—1870 гг. — совмещал эту должность с управлением Министерством народного просвещения, в 1882 г. назначен на пост министра внутренних дел. — 69

К воспоминаниям В. Л. Комарова. — 70

Комаров В. Л. (1969—1945) — академик, президент Академии наук СССР в 1936—1945 гг. В 1890 г. поступил в Петербургский университет, следовательно, лекции Д. И. Менделеева, по-видимому, не посещал. Однако сущность менделеевского метода изложения материала передана исключительно точно. Оба приведенных здесь воспоминания В. Л. Комарова являются ярким свидетельством того, как сохранялась память о Менделееве у следующего поколения студентов Петербургского университета.

К воспоминаниям К. Э. Циолковского * — 72

Циолковский К. Э. (1857—1935) — основоположник теории космических полетов, знаменитый изобретатель межпланетных кораблей, металлических дирижаблей и океанских батисфер.

Одной из первых работ Д. И. Менделеева, с которой познакомился К. Э. Циолковский, было третье издание «Основ химии» (1877 г.). О встречах К. Э. Циолковского и Д. И. Менделеева сообщает также Б. М. Филиппов (см. настоящий сборник).

¹ В августе 1890 г. К. Э. Циолковский послал Д. И. Менделееву описание разработанного им проекта металлического дирижабля. Вскоре Циолковский прислал модель дирижабля [НАМ ЛГУ, 3 альбом писем, док. 593 и 594; см. также «Авиация и космонавтика», № 2, 53, 54, (1967)]. — 72

² Д. И. Менделеев дал положительную оценку идеям Циолковского (см. подробнее: «Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.». М., Оборонгиз, 1956, стр. 463, 646). — 72

К воспоминаниям А. П. Карпинского. — 72

Карпинский А. П. (1847—1936) — выдающийся русский геолог, общественный деятель. Президент Академии наук СССР с 1917 по 1936 г. Многократно встречался с Менделеевым, однако подробных воспоминаний о последнем не оставил. Кроме приведенной нами заметки, А. П. Карпинский опубликовал в дни работы VII Юбилейного менделеевского съезда статью «Теоретик и практик» («Правда» от 10 сентября 1934 г.). Еще ранее было опубликовано краткое вступительное слово, посвященное памяти Менделеева и произнесенное Карпинским как председателем Санкт-Петербургского минералогического общества [«Записки Имп. С.-Петербургского минералог. об-ва. Серия II, часть 45, 9—11 (1907)].

К воспоминаниям Н. А. Морозова. — 73

Морозов Н. А. (1854—1946) — почетный член АН СССР, активный деятель революционного движения 70-х годов XIX века.

Воспоминания Морозова касаются последних лет жизни Менделеева, в них говорится об отношении Менделеева к таким актуальным вопросам науки на рубеже XIX и XX века, как сложность элементов, явление радиоактивности. Надо заметить, что в воспоминаниях современников Менделеева можно встретить противоречивые суждения по указанным вопросам. Высокая оценка открытий Менделеева выразилась в следующих словах Н. А. Морозова: «Ньютон и Кеплер, Дарвин и Маркс, а с ними и Менделеев в своих теоретических выводах являются достоянием всего мыслящего человечества. Их открытия ложатся в основу мировоззрения каждого из будущих поколений». («Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего». М., 1907, стр. 103).

* Комментарии составлены совместно с сотрудником Музея-архива Д. И. Менделеева при ЛГУ А. И. Дубравным.

¹ Речь идет о работе «Периодические системы строения веществ», подготовленной в 1901 г. в Шлиссельбургской крепости и переданной на отзыв некоторым ученым по усмотрению министра внутренних дел [см. подробнее: С. И. Вольфович. «Вестник АН СССР», № 8, 56—63 (1954)]. Тогда рукопись на отзыв ни Д. И. Менделееву, ни Н. Н. Бекетову не попала, и с Д. И. Менделеевым Н. А. Морозов познакомился в 1905 г. после освобождения из заключения. По свидетельству биографа Н. А. Морозова Л. Круковской, приведенному в книге «Н. А. Морозов. Очерк жизни и деятельности». (Петроград, Петр. Совет раб. и крест. депутатов, 1919, стр. 62, 63), Менделеев отнесся очень внимательно и серьезно к теории Н. А. Морозова и попросил у него месяц срока, чтобы дать свое заключение... Перед смертью знаменитый химик исходатайствовал для Морозова звание доктора химии *honoris causa*. О последнем обстоятельстве говорится также в корреспонденции озаглавленной «За ученые заслуги» и напечатанной в газете «Сегодня» от 13 октября 1906 г.: «В Совет Петербургского университета поступило предложение известного ученого Менделеева почтить Н. А. Морозова, прожившего более 20 лет в Шлиссельбургской крепости, званием почетного химика». — 73

² Д. И. Менделеев подарил Н. А. Морозову свои книги «Основы химии» и «Попытка химического понимания мирового эфира». В архиве Н. А. Морозова имеется письмо сына Д. И. Менделеева, Ивана Дмитриевича, из которого явствует, что его отец намеревался еще поговорить с Морозовым по затронутым в их беседе вопросам (см. подробнее: А. А. Макареня. Д. И. Менделеев о радиоактивности и сложности элементов. М., Госатомиздат, 1963, стр. 61—64). — 75

К воспоминаниям М. Н. Младенцева. — 75

Младенцев М. Н. (1872—1941) — лаборант, а затем секретарь Главной палаты мер и весов (1903—1908), один из ближайших помощников Д. И. Менделеева. В 1928 г. организовал Музей Д. И. Менделеева в бывшем служебном кабинете Менделеева, находившемся в здании Главной палаты. Совместно с акад. В. Е. Тищенко опубликовал первый том исследования «Д. И. Менделеев. Его жизнь и деятельность» и подготовил второй том, до сих пор не изданный.

О последних годах жизни и научной деятельности Д. И. Менделеева см. также воспоминания О. Э. Озаровской, В. А. Патрухина и А. В. Скворцова, помещенные во втором разделе настоящего сборника.

¹ См. воспоминания А. Ладенбурга. — 76

² См., например, воспоминания В. А. Кистяковского. — 77

³ Иногда Менделеев вынужден был нелестно отзываться о репортажах. В «Автокомментарии к трудам...» против одной из заметок Менделеев записал: «Черт их знает что пишут» (Архив Д. И. Менделеева. Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 115). — 78

⁴ Авенариус М. П. (1835—1895) — видный русский физик, профессор Киевского университета. Приведенная Младенцевым цитата взята из авторизованного Списка сочинений (автокомментарий к трудам), опубликованного в сборнике «Архив Д. И. Менделеева». Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 72.—78

⁵ Сапожников В. Д. (1866—1910) — младший, а потом старший

инспектор Главной палаты мер и весов, помогал Менделееву подготовить 7-е издание «Основ химии». — 79

⁶ Блумбах Ф. И. (1864—1949) — метролог, старший инспектор Главной палаты мер и весов, близкий друг и помощник Д. И. Менделеева. По поручению Менделеева неоднократно ездил за границу. Прекрасный фотограф, выполнил несколько фотографических портретов Д. И. Менделеева. В последние годы жизни жил в Латвии. Почетный член АН ЛатвССР (см.: И. М. Рабинович. На страже точности. Рига, 1965). — 79

⁷ О А. И. Горбове М. Н. Младенцев писал: «А. М. Бутлеров был другом Д. И. Менделеева. Эта дружба сказалась и на А. И. (т. е. Горбове. — Сост.). Бутлеров неоднократно отмечал даровитость своего ученика Д. И. Менделееву, поэтому в те же студенческие годы А. И. стал близким лицом и к Менделееву. Сближению способствовало и то, что оба они были шахматистами. До конца жизни Д. И. Менделеева А. И. был неизменным партнером его по шахматам. В лице А. И. Менделеев нашел не только партнера в шахматы, но и редкого собеседника» [«Природа», № 10, 114 (1949)]. — 82

⁸ Об увлечении Менделеева шахматами см. воспоминания В. А. Кистяковского и А. К. Макарова, а также комментарии к воспоминаниям В. А. Кистяковского. — 82

⁹ См. воспоминания В. И. Ковалевского. — 83

¹⁰ См. воспоминания С. Ю. Витте. — 83

К воспоминаниям Н. Д. Зелинского. — 85

Зелинский Н. Д. (1861—1953) — выдающийся советский ученый, академик, Герой Социалистического Труда. Вскоре после окончания Новороссийского университета в Одессе по рекомендации Д. И. Менделеева был избран профессором Московского университета (с 1893 г.).

Помимо небольшой статьи о Д. И. Менделееве, написанной в 1934 г., перу Н. Д. Зелинского принадлежит еще ряд работ, в которых дается анализ некоторых сторон научной деятельности Д. И. Менделеева («Д. И. Менделеев и контактные явления» и др. — см.: Н. Д. Зелинский. Собрание трудов. Т. 4. М., Изд-во АН СССР, 1960).

¹ В своих первых научных работах Н. Д. Зелинский неоднократно ссылался на труды Д. И. Менделеева, в частности на «Основы химии», развивая ряд идей великого русского ученого. Магистерская и докторская диссертация Н. Д. и некоторые другие его статьи находятся в библиотеке Д. И. Менделеева (на книгах — дарственные надписи). См. подробнее: А. А. Макареня. «Химия и жизнь», № 12, 61, 62 (1967). — 85

² В архиве Д. И. Менделеева имеется несколько писем Н. Д. Зелинского; в одном из них обсуждается вопрос об извлечении бензола из кавказской нефти. Приведенная выдержка взята из работы Н. Д. Зелинского «Химия в Московском университете с его основания до настоящего времени». — 85

³ Точное название монографии Д. И. Менделеева — «Исследования водных растворов по удельному весу». — 85

Папков М. А. — товарищ Менделеева по Главному педагогическому институту, впоследствии директор реального училища. Воспоминания М. А. Папкова приводятся в книге М. Н. Младенцева и В. Е. Тищенко «Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность». Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 100, 101. Сохранились также воспоминания еще нескольких лиц, хорошо знавших Менделеева в этот период его жизни. Так, летом 1854 г. Менделеев занимался с сыновьями академика Ф. Ф. Брандта, один из которых сохранил в памяти о своем репетиторе следующее: «Столь хорошо зарекомендованный юноша, худой, бледный, появился к нам на дачу, чтобы провести в нашей семье лето на Ориенбаумской колонии и готовить во 2-й класс Ларинской гимназии двух мальчуганов 11 и 9 лет, старшего брата и меня. Живо помню, с каким благоговением я взирал на репетитора, вычислявшего и чертившего на бумаге циферблат солнечных часов...» (там же, стр. 84). Далее А. Ф. Брандт пишет, что из-за плохого здоровья Менделеев вынужден был прервать занятия, передав их М. А. Папкову.

¹ Имеется воспоминание о ГПИ одного из воспитанников, где также говорится о Менделееве (А. Г. Филонов. Из воспоминаний о Главном педагогическом институте. Спб., 1905; эта книга находится в библиотеке Д. И. Менделеева). — 86

² М. Н. Младенцев и В. Е. Тищенко приводят также следующее свидетельство дочери институтского советника Н. М. Данилевской: «Перед одним из экзаменов Д. И. опять был болен и лежал в лазарете. Однако откладывать экзамена до осени он не желал. Поэтому он обратился к доктору Кребелю и просил дозволить ему держать экзамен. Доктор удивился, но разрешил. В день экзамена, несмотря на болезненное состояние, Д. И. встал, оделся в мундир, как требовалось правилами, и сдал экзамен блистательно. Когда после этого он возвращался в лазарет, товарищи проводили его аплодисментами». — 87.

³ См. подробнее: М. Н. Младенцев, В. Е. Тищенко. Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 95, 96. — 87

К воспоминаниям В. В. Стасова. — 88

Стасов В. В. (1824—1906) — известный общественный деятель и музыкальный критик. Хорошо знал Д. И. Менделеева, изредка посещал его «среды», был дружен также со многими учеными и художниками, близко знавшими Д. И. Менделеева (И. Е. Репиным, И. Я. Гинцбургом и др.).

Сестра В. В. Стасова, Н. В. Стасова, принимала деятельное участие в развитии женского образования в стране, помощь и поддержку которому оказывали Д. И. Менделеев и другие передовые русские ученые.

События, описываемые в воспоминаниях Стасова, подробно изложены в книге М. Н. Младенцева и В. Е. Тищенко «Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность». Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 178—199.

К воспоминаниям В. В. Рюмина. — 88

Рюмин В. В. (ум. 1921) — инженер-технолог, получивший образование в Петербургском технологическом институте в 60-е годы, т. е. в тот период, когда началась профессорская деятельность Менделеева (см. подробнее: Е. Д. Волова, Н. М. Град. Д. И. Менделеев и Технологический институт. «Труды ЛТИ им. Ленсовета». Вып. 22. 1951, стр. 3—18), впоследствии В. В. Рюмин работал на юге России, о редких встречах с Менделеевым говорится в приводимых воспоминаниях.

Рюмин написал еще две небольшие заметки о Менделееве [«Физик-любитель», 2, № 4, 5, 195—198 (1905) — за подписью «Старый химик» и «Горнозаводское дело», № 4, 15144, 15145 (1917)].

¹ Замечания автора воспоминаний неосновательны. См. воспоминания К. Э. Циолковского и В. Е. Тищенко. — 92

² О взаимопревращении элементов см. комментарии к воспоминаниям Н. А. Морозова. — 93

К воспоминаниям В. А. Поссе. — 93

Поссе В. А. (1864—1940) — журналист, общественный деятель, брат профессора математики Петербургского университета К. А. Поссе.

Описываемые В. А. Поссе события происходили в 1879 г. Сохранились свидетельства, что Д. И. Менделеев и Н. А. Меншуткин в этот период находились «на заметке» у полиции [«Красный архив», 3 (40), 125—175 (1930)].

¹ Фаминцын А. С. (1835—1918) — известный ботаник, академик, профессор Петербургского университета.

Поссе ошибается, называя Фаминцына ректором. Ректором университета в 1876—1883 гг. был также известный ботаник А. Н. Бекетов (1825—1902), большой друг Менделеева.

По-видимому, и к генералу Гурко Д. И. Менделеев ездил не с А. С. Фаминцыным, а с А. Н. Бекетовым, о чем упоминает известный писатель В. М. Гаршин в письме к Е. С. Гаршиной от 13 ноября 1879 г. (В. М. Гаршин. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 192). — 93

² Храповицкий П. П. — директор Крестьянского банка, народник и славянофил. — 93

³ Гурко И. В. (1828—1901) — генерал-губернатор Петербурга. — 93

К воспоминаниям С. Ф. Глинки. — 94

Глинка С. Ф. (1855—1927 г.) — минералог, окончил Санкт-Петербургский университет, был профессором Московского университета, Института инженеров путей сообщения.

Опубликованные им воспоминания являются пересказом слышанного им о Менделееве.

Основное внимание автор уделит истории выборов Менделеева в Императорскую академию наук. Этот вопрос детально освещен в статье Г. А. Князева («Вестник АН СССР», 1931, № 3, стр. 27—34),

а также в сборнике документов «А. М. Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 225—233).

¹ Зинин Н. Н. (1812—1880) — известный химик-органик, академик (с 1865 г.), один из основателей и первый президент Русского химического общества. — 94

² См. подробнее: О. Н. Писаржевский. Дмитрий Иванович Менделеев. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 210—221. — 94

³ См. подробнее: Г. В. Быков. История классической теории химического строения. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 242—257. — 94

⁴ Эмерсон-Рейнольдс, профессор химии университета в Дублине. Автор статьи о методе изображения периодической системы (опубликована в 1886 г.).

По-своему интерпретируя короткий вариант системы, предложенный Менделеевым и состоящий из восьми групп, он поднимает на щит закон октав, предложенный его соотечественником Ньюлендсом в 1864—1865 гг. — 95

⁵ По-видимому, имеется в виду Н. Н. Бекетов, работавший в Харькове. — 95

⁶ Бейльштейн Ф. Ф. (1838—1906) — родился в Петербурге, образование получил в немецкой школе в Петербурге, а затем в Германии. В течение 30 лет заведовал кафедрой химии Технологического института. (См. статью: Ю. С. Мусабеков и Л. А. Шмулевич в сб. «Вопросы истории естествознания и техники» 1969, вып. 3 (28), стр. 61—66, а также брошюру Л. А. Шмулевич, Ю. С. Мусабеков. Федор Федорович Бейльштейн. М., «Наука», 1971, стр. 50—59).

Известен некоторыми работами по органической химии, а главным образом — знаменитым руководством «Handbuch der organische Chemie», изданным в Лейпциге. Имя Бейльштейна часто упоминается в связи с оценкой открытий Менделеева, сделанных за границей, чему Бейльштейн при его больших научных контактах мог немало содействовать (см. упомянутую брошюру Л. А. Шмулевич и Ю. С. Мусабекова, стр. 32). Личные отношения этих двух ученых вряд ли могли быть дружественными, ибо они были слишком разными по убеждениям. Приняв руководство химической лабораторией Технологического института осенью 1866 г., Бейльштейн писал А. М. Бутлерову: «... — преемник Менделеева в Технологическом институте и стараюсь стоять на высоте возложенных на меня обязанностей. Это не легкая задача, особенно, если учесть, что мой предшественник, как Вы знаете, никогда не был практическим химиком... В каком запустении я нашел здесь все, Вы легко можете себе представить...». (Да, и ученые ничем не отличались от простых смертных! — *Сост.*). — 95

⁷ См. газету «Голос» от 7 декабря 1880 г. — 93

К воспоминаниям Н. А. Меншуткина. — 97

Меншуткин Н. А. (1842—1907) — известный русский химик, один из активных деятелей Русского химического общества. Учился в Петербургском университете у А. А. Воскресенского, Д. И. Менделеева и Н. Н. Соколова. В течение длительного времени был деканом физико-математического факультета университета, с 1902 г. — декан металлургического отделения и профессор Политехнического института, основанного тогда в Петербурге.

Дружеские и научные контакты с Менделеевым продолжались в течение многих лет совместной работы в университете, в Русском физико-химическом обществе (подробные сведения об этом можно найти в книге: Б. Н. Меншуткин. Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина, Спб., 1909).

К воспоминаниям Ф. М. Флавицкого. — 100

Флавицкий Ф. М. (1848—1917) — один из видных химиков России, профессор Казанского университета (с 1873 г.), член-корреспондент Российской академии наук.

В 1870—1873 гг. работал в Петербурге у А. М. Бутлерова, многие работы по органической химии выполнены в Казанском университете. Возглавив кафедру химии в Казанском университете, занялся исследованиями в области физической и неорганической химии. Развивал учение Менделеева о формах соединений (см. подробнее: Л. А. Чугаев. «Журнал Русского физико-химического общества», 49, 626 (1917); Г. С. Воздвиженский. Страница из истории казанской химической школы. Казань, 1957; А. Е. Арбузов. В сб. «Казанская школа химиков». Казань, Татарское книжное изд-во, 1971, стр. 49.

К воспоминаниям Б. Н. Чичерина. — 101

Чичерин Б. Н. (1828—1904) — юрист, историк и философ, профессор Московского университета (1861—1868), видный деятель либерального движения, в 1882—1883 гг. был московским городским головой.

Б. Н. Чичерин оставил несколько томов воспоминаний, которые интересны для характеристики эпохи. Приводимые здесь воспоминания о Д. И. Менделееве завершают его рассказ о том, что привело его к математическому анализу величин атомных весов и изучению системы элементов («Воспоминания Б. Н. Чичерина. Земство и Московская дума». М., «Север», 1934, стр. 311—313).

¹ См.: «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу». М., «Север», 1932, стр. 89. — 101

² 4 февраля 1888 г. «Д. И. Менделеев сообщает из письма бывшего профессора Б. Н. Чичерина, касающегося системы щелочных металлов, что по взглядам и расчетам автора щелочные металлы могут быть рассматриваемы как основная материя, уплотненная с потерей объема...» («Журнал Русского физико-химического общества», 20, 181 (1888)]. В начале февраля Менделеев был в Москве по дороге в Донбасс. — 101

³ Работа Б. Н. Чичерина была напечатана в «Журнале Русского физико-химического общества» в 1888 и 1889 гг., а впоследствии издана отдельной книгой. — 102

⁴ Б. Н. Чичерин был предложен в члены Отделения химии Д. И. Менделеевым, Н. А. Меншуткиным и И. М. Сеченовым [«Журнал Русского физико-химического общества», 20, 361 (1881)]. — 102

⁵ Столетов А. Г. (1839—1896) — выдающийся русский физик, в описываемый Чичериным период занимавшийся изучением «актино-электрических явлений», известных теперь как «эффект Столетова». — 102

⁶ Судя по многим опубликованным и архивным документам, интерес к подобным исследованиям у Менделеева уменьшился в 90-е годы (так, о Чичерине он писал в конце жизни: «Я уважал его, как мыслителя, но в химии он только чудил»). — 102

К воспоминаниям Е. А. Роговского. — 102

Роговский Е. А. (1855—1912) — профессор физики Харьковского университета (с 1904 г.); образование получил в Технологическом институте и Санкт-Петербургском университете (по математическому отделению, 1882 г.), в 1887 г. принимал участие в работе комиссии по наблюдению за солнечным затмением.

С воспоминаниями о Д. И. Менделееве Е. А. Роговский выступил на экстренном заседании Общества физико-химических наук при Харьковском университете 28 января 1907 г. Это заседание было посвящено памяти Д. И. Менделеева, и кроме Роговского выступили И. П. Осипов, П. Д. Хрущев, А. П. Грузинцев.

В настоящем издании опущено начало воспоминаний Роговского, где говорится о лекциях Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова, и содержится описание личности двух выдающихся русских ученых, так как об этом более подробно говорится в воспоминаниях В. Е. Тищенко.

¹ См. комментарии к воспоминаниям С. Л. Толстого. — 102

² Егоров Н. Г. (1849—1919) — русский физик, окончил Петербургский университет, преподавал в ряде учебных заведений Петербурга, принимал участие в научных экспедициях с участием Д. И. Менделеева, был привлечен им в 1894 г. на службу в Главную палату мер и весов, стал управляющим Палатой после смерти Д. И. Менделеева. — 103

³ Кованько А. М. (1856—1919) — известный деятель в области воздухоплавания, в описываемый период полковник, впоследствии генерал-майор, с 1885 г. командовал первой русской военно-воздухоплавательной частью. Добивался организации производства аэростатов и дирижаблей в России.

Описываемый эпизод освещен также в заметке Вл. Гиляровского «Солнечное затмение под Москвой» («Русские ведомости, № 216, 8 авг. 1887 г.). — 103

⁴ Незадолго до этого появились работы Резерфорда и Содди (имеется в библиотеке Менделеева), которая вызвала оживленный обмен мнениями в кругах русских ученых. — 104^{1/2}

К воспоминаниям М. Ф. Фрейденберга *. — 105

Фрейденберг М. Ф. (1858—1920) — русский изобретатель, писатель и журналист.

Архив изобретателя по завещанию его дочери проф. О. М. Фрейденберг хранился у Р. Р. Орбели. В настоящее время Р. Р. Орбели передала архив М. Ф. Фрейденберга в дар Центральному музею свя-

* Комментарии составлены журналисткой М. И. Солоухиной.

зи им. А. С. Попова. Отрывки из воспоминаний М. Ф. Фрейденберга публикуются впервые по рукописям.

¹ Цепелин Ф. (1838—1917) — немецкий конструктор, дирижаблей. — 105

² Сантос-Дюмон А. (Santos-Dumont) (1873—1932) — бразильский aeronaut. Работал над усовершенствованием воздушного шара и совершал полеты, сначала на управляемом шаре, а потом на аэроплане во Франции. — 105

³ По словам дочери М. Ф. Фрейденберга, письмо Д. И. Менделеева к ее отцу пропало во время блокады Ленинграда. — 105

Письмо М. Ф. Фрейденберга к Д. И. Менделееву от 14 апреля 1880 г. с пометкой ученого: «Отв. 24 апреля» хранится в архиве Д. И. Менделеева (1-В-15-1-29). — 105

⁴ «Маяк», № 27, 28 и 30 (1881). — 105

⁵ Лаврентьев М. Т. — крестьянин по происхождению — стал воздухоплавателем. О нем и его полетах сообщалось в журнале «Воздухоплаватель» (№ 1 за 1880 г.) и в книге «История воздухоплавания и авиации в СССР», под ред. В. А. Попова (М., Оборонгиз, 1944). — 105

⁶ По-видимому, автор воспоминаний ошибся: Д. И. Менделеев совершил полет на воздушном шаре в Клину в 1887 г. Вероятно, имелся в виду подъем Менделеева на привязанном аэростате в 1878 г. на Всемирной выставке в Париже. — 106

К воспоминаниям С. Л. Толстого. — 106

Толстой С. Л. (1863—1947) — сын Л. Н. Толстого, литературовед, автор известных воспоминаний об отце, которые, по свидетельству редакторов его книги «Очерки былого», свободны «от вымысла, которым грешат мемуары некоторых лиц из окружения писателя».

¹ В конце жизни Менделеев писал: «1887... Был перед полетом у Олсуфьева. Он сводил с Л. Н. Толстым, но я уклонился». (Архив Д. И. Менделеева, т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 21, 22). — 107

² Портреты Д. И. Менделеева в мантии доктора Эдинбургского университета написаны И. Е. Репиным и Н. А. Ярошенко. — 107

³ С. Л. Толстой пишет в своих воспоминаниях, что их поездка была исключительно интересной благодаря тому, что Менделеев дал рекомендательные письма. — 109

⁴ В библиотеке Д. И. Менделеева имеются сочинения Л. Н. Толстого; на полях многих из них сохранились заметки Менделеева. — 109

К воспоминаниям В. Е. Чехихина. — 110

Чехихин В. Е. (1866—1923) — сын писателя Е. В. Чехихина; образование получил в Петербургском университете и Лесном институте; журналист и литературовед; печатался под псевдонимом Ветринский (эта подпись стоит и под приведенными здесь воспоминаниями). Участвовал в студенческом движении, в 1897 г. был сослан на три года в Вятскую губернию. Впоследствии опубликовал ряд статей о А. И. Герцене, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском, собрал интересные материалы о Н. Г. Чернышевском.

¹ Действительно, в эти годы Менделеев не раз заявлял о своем несогласии со многими положениями университетского устава 1884 г. — 111

К воспоминаниям В. Я. Курбатова. — 111

Курбатов В. Я. (1878—1957) — известный русский физико-химик, ученик Д. П. Коновалова.

Его перу принадлежит несколько работ о Д. И. Менделееве, а также неопубликованные воспоминания о своих учителях, часть которых впервые приводится в настоящем издании.

Та часть воспоминаний, где говорится об интересе В. И. Ленина к работе Д. И. Менделеева, была впервые опубликована Ю. С. Мусабековым [см.: Ю. С. Мусабеков, А. А. Макареня, В. А. Поздышева. Владимир Ильич Ленин о трудах и идеях Д. И. Менделеева «Журнал ВХО им. Д. И. Менделеева». 15, № 6, 704, 705 (1970)].

К воспоминаниям И. Е. Репина. — 116

Репин И. Е. (1844—1930) — знаменитый русский художник-передвижник, один из идейных вдохновителей «Товарищества передвижников». Принимал участие в «Менделеевских средах» (см. подробнее воспоминания А. И. Менделеевой). Встречался с Д. И. Менделеевым и на других собраниях художников, принимал его у себя в Пенатах. Репин написал два портрета Менделеева: один в 1886 г. (Менделеев в мантии доктора Эдинбургского университета — находится в Государственной третьяковской галерее), другой в 1907 г. (находится в помещении Президиума АН СССР в Москве). Кроме того, известно, что И. Е. Репин присутствовал при старте аэростата «Русский», на котором Менделеев поднимался во время полного затмения Солнца в начале августа 1887 г. Сохранились свидетельства о том, что тогда же Репин сделал наброски с изображением этих событий, однако местонахождение этих рисунков неизвестно.

¹ Петрушевский Ф. Ф. (1828—1904) — видный русский физик, с 1865 г. (после смерти Э. Х. Ленца) занимавший кафедру физики Петербургского университета, известен работами по электричеству, магнетизму и оптике; был председателем физического отделения Русского физико-химического общества. О работах Ф. Ф. Петрушевского по цветоведению см.: В. Л. Ченкал. Федор Фомич Петрушевский и его работы по оптике и цветоведению. «Успехи физических наук», 36, вып. 2, 210—218 (1948). — 116

² Куинджи А. И. (1842—1910) — известный русский художник, поражавший своих современников удивительным умением передачи цвета; большой друг Менделеева и его семьи. Картина Куинджи «Ночь на Днепре» произвела на Менделеева исключительно сильное впечатление (см.: Д. И. Менделеев. Перед картиною Куинджи. «Голос» от 13 ноября 1880 г.). — 116

³ Этот отрывок взят из книги М. П. Неведомского и И. Е. Репина «А. И. Куинджи», изданной в 1913 г. Обществом им. А. И. Куинджи. Соавтор И. Е. Репина М. П. Неведомский (настоящая фамилия Миклашевский) — критик и публицист. — 116

Ясинский И. И. (1850—1931) — русский писатель и журналист, учился в Киевском и Петербургском университетах. Печатался под псевдонимами Максим Белинский и Независимый. Краткое описание отмеченного события приведено также в «Литературном журнале И. Ясинского» в заметке «Магический сеанс у А. И. Куинджи» [«Ежемесячные сочинения», № 12, 369 (1901)]. — 116

К воспоминаниям И. Я. Гинцбурга. — 118

Гинцбург И. Я. (1859—1939) — скульптор-реалист, ученик М. А. Антокольского, друг В. В. Стасова и многих других передовых деятелей русской культуры. Известен как автор литературных работ и мемуаров. Из его работ наиболее известны скульптуры В. В. Стасова, Г. В. Плеханова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и др. И. Я. Гинцбург является также создателем скульптурного портрета Д. И. Менделеева, находящегося в Музее Д. И. Менделеева при Ленинградском университете, а также памятника Д. И. Менделееву, установленного во дворе Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева (бывшая Главная палата мер и весов).

¹ Ушков П. К. (1839—1897) — крупный промышленник, основавший ряд химических предприятий в Прикамье (неподалеку от Елабуги). Менделеев и Ушков неоднократно встречались. Узнав о кончине Ушкова, Менделеев написал заметку, посвященную памяти одного из зачинателей отечественной химической промышленности. — 119

К воспоминаниям Я. Д. Минченкова. — 119

Минченков Я. Д. (1871—1938) — русский художник-передвижник. Его книга воспоминаний заслужила высокую оценку искусствоведов. Публикуемый нами отрывок из воспоминаний Минченкова взят из главы, посвященной К. В. Лемоху.

¹ Лемох К. В. (1841—1910) — художник-передвижник. Принимал участие в «Менделеевских средах». На дочери Лемоха, Варваре Кирилловне, был женат старший сын Д. И. Менделеева Владимир (1865—1898), морской офицер. — 119

² Максимов В. М. (1844—1911) — художник-передвижник. Посвятил свое творчество описанию жизни крестьянства, отстаивал идейные позиции Товарищества художников-передвижников. Друг Д. И. Менделеева. — 120

К воспоминаниям В. А. Яковлева. — 120

Яковлев В. А. (1865—1924) — химик, ученик Д. П. Коновалова. Окончил физико-математическое отделение Петербургского университета, но, увлекшись химией, поступил практикантом в химическую лабораторию. Инициатор создания Малого химического общества при университете. Работал на Охтенских пороховых заводах (с 1894 г.), Обуховском сталелитейном заводе (с 1900 г.) и в Главной палате мер и весов (с 1918 г.). Хорошо знал как Д. И. Менделеева, так и многих лиц, близких к Менделееву.

Список литературных источников, где содержатся воспоминания о Менделееве-лекторе, достаточно обширен: 1) К. В. Харичков. Заслуги Д. И. Менделеева в области изучения нефти и нефтяной техники. Труды I Менделеевского съезда. Спб., 1909, стр. 147; 2) Н. А. Резцов. «Писчебумажное дело», № 1, 5 (1907); 3) М. Богданова. Газ. «Биржевые ведомости» № 47, 1904 (утр. вып.), стр. 2 (подчеркивается мнение Менделеева о том, что «физика и химия должны лечь в основу программ средней школы»); 4) В. Н. Оглобин. Памяти Д. И. Менделеева (некролог). «Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», 10, № 8, 334 (1907); 5) А. П. Мертваго. Не по торному пути. Изд. 3. Спб., 1900, стр. 41.

К воспоминаниям В. Е. Грум-Гржимайло. — 122

Грум-Гржимайло В. Е. (1864—1928) — чл.-корр. АН СССР, известный металлург. Родился и учился в Петербурге, где окончил в 1885 г. Горный институт. С 1907 г. адъюнкт, а затем профессор Политехнического института в Петербурге. С 1885 по 1907 г. и с 1918 по 1924 г. работал на Урале, последние четыре года жизни — в Москве. Его воспоминания хотя и касаются лекционной деятельности Д. И. Менделеева, но представляют и более широкий интерес, так как в них изложено мнение специалиста другой области знаний, хотя и близкой к химии, и, наконец, мнение ученого, которому не чужды были вопросы развития образования в нашей стране.

¹ Сушин К. Д. — профессор химии Горного института, автор нескольких монографий по неорганической и физической химии. — 122

К воспоминаниям Б. П. Вейнберга. — 124

Вейнберг Б. П. (1871—1921) — физик, работал главным образом в области геофизики. В 1889—1893 гг. — студент Петербургского университета; в 1909—1924 гг. — профессор Томского технологического института, с 1924 г. — директор Главной геофизической обсерватории, руководитель отдела Института земного магнетизма.

Еще студентом составил стенограмму лекций Д. И. Менделеева — последнего курса, прочитанного им в университете. Можно предполагать, что Менделеев оказал большое влияние на научную деятельность Вейнберга.

Кроме работ, посвященных лекциям Д. И. Менделеева, Вейнберг написал несколько статей, в которых дал анализ некоторых сторон научной деятельности великого ученого.

Достоинства лекций Менделеева, как уже отмечалось выше, рассматривала в своих воспоминаниях А. А. Байков, В. И. Вернадский и др. Более подробная их характеристика дана в книге «Д. И. Менделеев. Избранные лекции по химии» (М., «Высшая школа», 1968).

Чтобы не увеличивать объема воспоминаний, мы в значительной степени сократили цитаты из стенографической записи.

¹ Марков А. А. (1856—1922) — известный математик, академик, профессор Петербургского университета. — 125

* Поссе К. А. (1847—1928) — профессор математики. — 125

* Хвольсон О. Д. (1852—1934) — известный физик, автор капитального курса физики. — 125

К воспоминаниям С. П. Вуколова. — 131

Вуколов С. П. (1863—1949) — химик, профессор Военно-морской академии (с 1925 г.) Ленинградского университета (с 1926 г.) и Технологического института (с 1932 г.). В 1887 г. окончил Петербургский университет, с 1889 г. работал под руководством Д. И. Менделеева, сначала в университетской лаборатории, а затем в научно-технической лаборатории Морского ведомства (с 1891). Участвовал в создании пироколлоидного пороха, а в дальнейшем в работах по созданию взрывчатых веществ.

¹ См. подробнее: А. Я. Авербух. Д. И. Менделеев и научно-техническая лаборатория Морского ведомства. «Труды Ин-та истории естествознания и техники». Т. 39. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 222—247; П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России. Т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1961. — 132

К воспоминаниям У. Рамзая. — 133

Рамзай У. (1852—1916) — один из крупнейших ученых конца XIX и начала XX в., открыл инертные газы, проводил исследования по радиоактивности, известен исследованиями в области физической химии. Один из пропагандистов периодического закона и других идей Менделеева в Англии.

У. Рамзай и Д. И. Менделеев неоднократно встречались во время поездок Менделеева в Англию (с 1884 г.) и на некоторых собраниях химиков в других странах, в частности на праздновании 200-летия Берлинской академии наук (см. подробнее: Ю. И. Соловьев, Л. П. Петров. Вильям Рамзай. М., «Наука», 1972).

К воспоминаниям Г. К. Джонса. — 134

Джонс Г. К. (1865—1916) — известный американский физико-химик; вскоре после окончания университета Джона Гопкинса в Балтиморе (1889 г.) переезжает в Европу (1892 г.) и работает в лабораториях Оствальда в Лейпциге, Аррениуса в Стокгольме, Вант-Гоффа в Амстердаме; весной 1894 г. побывал в Лондоне, где встретился с Д. И. Менделеевым. Автор книги «Новая эра в химии», опубликованной в Лондоне в 1913 г. (см. подробнее: Ю. И. Соловьев, К. А. Капустинская. Из истории развития сольватной теории растворов. «Труды ин-та истории естествознания и техники». Т. 30. М., Изд-во АН СССР, стр. 48-70, 1960). В библиотеке Д. И. Менделеева имеется около десяти статей Г. Джонса с дарственными надписями автора.

Описанная Джонсом встреча состоялась весной 1894 г., когда Д. И. Менделеев ездил за границу по вопросам метрологии (он на-

ходился в Лондоне с 23 апреля по 29 мая по ст. стилю). Встреча состоялась, по-видимому, на заседании Химического общества или на одном из обедов химиков, данных в честь Менделеева.

К воспоминаниям А. К. Макарова. — 134

Макаров А. К. (1852—?) — издатель и редактор «Шахматного журнала», автор ряда историко-статистических работ, сотрудник «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона.

¹ Скиндер А. И. (1831—1895) — товарищ Менделеева с юношеских лет. Они вместе преподавали во 2-м кадетском корпусе, в 1861 г. Скиндер уехал на Урал, встречался с Менделеевым во время редких поездок в Петербург; в конце 80-х годов возвратился в Петербург, где работал на Обуховском заводе. — 134

² Менделеев действительно серьезно интересовался шахматной жизнью России и литературой. Он посещал Петербургский шахматный клуб, приобретал учебники шахматной игры. — 135

³ Ржешотарский А. А. (1847—1904) — металлург. В 1875 г. окончил Петербургский технологический институт и служил на Обуховском заводе; в 1902 г. заведовал кафедрой металлургии только что основанного Политехнического института в Петербурге. — 135

К воспоминаниям В. И. Ковалевского. — 136

Ковалевский В. И. (1844—1934) — занимал пост директора департамента торговли и мануфактур (1893—1900 гг.) и товарища министра финансов (1900—1902 гг.). Высшее образование В. И. Ковалевский получил в Земледельческом институте в Петербурге (1865 г.). Автор многочисленных работ по обработке сельскохозяйственных продуктов. После победы Октябрьской революции принимал участие в работе ряда научных учреждений и был удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники.

По свидетельству С. Ю. Витте, «Ковалевский все время был под неблагоприятными взглядами высшего начальства как человек политически неблагонадежный». (Воспоминания, Т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 211).

Воспоминания Ковалевского были впервые опубликованы в 1962 г. [С. М. Шпицер. Д. И. Менделеев по воспоминаниям В. И. Ковалевского. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 13, 103—105 (1962)].

¹ Справедливости ради следует указать, что подобные предложения не раз высказывали ученые, в том числе и Д. И. Менделеев, еще в 70-е годы. — 136

² См. подробнее: «Д. И. Менделеев. Научный архив». Освоение Крайнего Севера. М., Изд-во АН СССР, 1961. — 138.

³ Рошер В. (1817—1894) — известный немецкий экономист, считается одним из основателей исторической школы в политэкономии. В библиотеке Менделеева имеется сочинение В. Рошера «Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte» (Изд. 3, 1878 г.) — 139

Витте С. Ю. (1849—1915) — министр финансов (1892—1903 гг.), известный государственный деятель России, убежденный сторонник самодержавия.

В течение длительного времени Менделеев поддерживал с Витте деловые отношения, порою переходившие в дружеские. Однако после расстрела 9 января 1905 г. между ними произошел разрыв (см. также комментарий к воспоминаниям В. И. Ковалевского).

¹ С. Ю. Витте приписывает себе полностью инициативу постройки ледокола «Ермак». На самом деле инициатором постройки ледокола был С. О. Макаров, а Д. И. Менделеев его поддержал (см.: «Д. И. Менделеев. Научный архив». Освоение Крайнего Севера. Т. 1. М. — Л., 1960). — 140.

² 26 апреля 1901 г. А. Н. Крылов (впоследствии академик, известный советский математик и кораблестроитель), посетив Д. И. Менделеева, писал С. О. Макарову: «Был вечером у Д. И. Менделеева, передал ему вашу книгу, которую, он принял с большой радостью... Дм. Ив. разрешил взять магнитный теодолит Неймаера, весьма удобный для работ...» (ЦГАВМФ, оп. 2, д. 67, л. 63). Этот документ указывает на ту помощь, которую Менделеев с готовностью оказывал полярной экспедиции Макарова. — 141

К воспоминаниям Л. Мальцева. — 141

Мальцев Л. — историк и краевед.

Воспоминания Мальцева были написаны к 30-летию со дня смерти Менделеева.

¹ В Тобольск Д. И. Менделеев приехал в июле 1899 г. после посещения Урала (см.: Д. И. Менделеев. Уральская железная промышленность в 1899 г. Спб., 1900, стр. 429—432). — 142

² Эта фотография сохранилась в архиве Д. И. Менделеева. — 142

К воспоминаниям А. Г. Архангельского. — 142.

Архангельский А. Г. был, по-видимому, преподавателем физики среднего учебного заведения в Варшаве. Приведенные здесь воспоминания являются частью его выступления, сделанного в Варшавском кружке преподавателей физики и математики.

¹ Другой участник съезда, К. К. Баумгарт, впоследствии профессор физики Ленинградского университета, рассказывал одному из составителей настоящей книги некоторые подробности о приеме гостей в Палате мер и весов: «На XI съезде русских врачей и естествоиспытателей в 1901 году, происходившем в Петербурге, я был одним из студентов-распорядителей. Главная палата мер и весов, где работал Менделеев, входила в число институтов и лабораторий, которые были предложены участникам съезда для осмотра. В назначенный день и час «распорядители», которые должны были проводить гостей, были приняты в Палате Менделеевым. Он кратко объяснил значение Палаты, сказал, что надо показать. Потом был подан чай.

За столом и во время рассказа Менделеев непрерывно курил, пальцы были прокурены, усы длинные и желтые от табака. Он часто кряхтел, бросал короткие фразы, у него был резкий голос — как будто разносит, хотя разговор был мирный». — 143

К воспоминаниям И. Ф. Пономарева. — 143

Пономарев И. Ф. (род. 1882 г.) — профессор химии Новочеркасского политехнического института, крупный специалист по химии силикатов, почетный член ВХО им. Д. И. Менделеева.

¹ Киевский политехнический институт был основан в 1898 г. В его создании активное участие принимал Д. И. Менделеев. — 143.

² См. докладную записку Д. И. Менделеева (Соч., т. 23. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 156—160). — 143

К воспоминаниям Д. Марголина. — 145

Марголин Д. — химик-технолог.

¹ В автобиографических заметках Д. И. Менделеев пишет: «1903... В конце года худо вижу, катаракт определил д-р Иоррофей Васильевич Костенич». 27 ноября 1903 г. и 7 января 1904 г. Д. И. Менделееву были сделаны две операции левого глаза (Архив Д. И. Менделеева. Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 27). — 145

² Действительно, в материалах, отражающих работу Менделеева над подготовкой 8-го издания «Основ химии», сохранились подобные таблицы. — 146

К воспоминаниям Б. М. Филиппова. — 147

Филиппов Б. М. (род. 1903) — литератор, сын известного русского ученого и общественного деятеля, редактора журнала «Научное обозрение» М. М. Филиппова (см.: Б. М. Филиппов. Тернистый путь русского ученого. Жизнь и деятельность М. М. Филиппова. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 24, 25).

К воспоминаниям О. Э. Озаровской. — 148

Озаровская О. Э. (ум. 1935 г.) — писательница и театральная деятель. После обучения на Высших женских курсах некоторое время состояла в штате Главной палаты мер и весов, впоследствии увлеклась театральной и литературной деятельностью, была знакома со многими деятелями русской науки и культуры.

Здесь приведен отрывок из воспоминаний О. Э. Озаровской, опубликованный в журнале «Красная Нива» № 42 и 51, 1926; в более полном виде они были изданы отдельной книгой в 1929 г. под названием «Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской».

¹ Чельцов Иван Михайлович (1848—1904) — русский химик, ученик Д. И. Менделеева, начальник научно-технической лаборатории Морского ведомства, где под руководством Менделеева был создан пироколлоидный порох. С семьей Чельцовых Озаровская была хорошо знакома. — 149

² Речь идет, по-видимому, о М. Л. Гроссман, работавшей у Менделеева в 80-е годы. — 149

³ В. Д. Сапожников. — 151

К воспоминаниям В. А. Патрухина. — 155

Патрухин В. А. (1865—1942) — сотрудник Главной палаты мер и весов (с сентября 1900 г.); до этого служил в Департаменте торговли, Пробринном управлении и других учреждениях.

К воспоминаниям А. В. Скворцова. — 163

Скворцов А. В. (1885—1961) — сотрудник Главной палаты мер и весов, в течение нескольких лет близко знавший Менделеева. Впоследствии принял деятельное участие в организации Музея Д. И. Менделеева (1928 г.) во ВНИИМ им. Д. И. Менделеева и заведовал им в 1944—1961 гг.

Воспоминания А. В. Скворцова, приведенные с сокращениями, охватывают период с 14 апреля 1902 г. до дня смерти Д. И. Менделеева.

¹ А. И. Кузнецов — секретарь Главной палаты мер и весов в описываемый автором период. — 163

К воспоминаниям Н. Г. Егорова. — 170

Егоров Н. Г. (1849—1919) — русский ученый, профессор физики, сначала в Варшаве, затем в Петербурге. В 1894 г. был привлечен Д. И. Менделеевым на службу в Главную палату мер и весов, где заведовал Термометрической лабораторией; управляющий Палатой с 1907 до 1919 г.

Н. Г. Егоров был свидетелем последних дней Д. И. Менделеева и в письме на имя делопроизводителя Русского химического общества сообщил те сведения, которые приведены в публикуемой заметке.

¹ И. А. Больцани — русский физик, в описываемый период — декан физико-математического факультета Казанского университета. — 170

² Ф. П. Завадский (1850—1922) — метролог, один из ближайших сотрудников Д. И. Менделеева, помощник управляющего Главной палатой мер и весов. Под руководством Д. И. Менделеева занимался изготовлением основного эталона русских мер массы. — 171

³ Б. П. Гушин — сотрудник Менделеева, помогавший ему при выполнении работы «К познанию России». — 171

К воспоминаниям П. И. Вальдена. — 173

Вальден П. И. (1863—1957) — известный химик, академик Российской академии наук, почетный член Академии наук СССР (с 1927 г.). Латыш по национальности, он немало содействовал развитию науки в Прибалтике. Неоднократно встречался с Д. И. Менделеевым, особенно в начале 900-х годов, когда оба они принимали участие в организации Политехнического института в Петербурге.

Перу П. И. Вальдена принадлежит несколько работ по истории учения о растворах, где немало страниц посвящено деятельности Менделеева. Несколько статей Вальден посвятил творчеству Менделеева в целом (см. подробнее: Я. П. Страдынь. К биографии Пауля Вальдена. В сб. «Из истории естествознания и техники Прибалтики», т. I (7), Рига, 1968).

К воспоминаниям Б. Браунера. — 175

Браунер Б. (1855—1935) — один из видных химиков-неоргаников конца XIX — начала XX в., работал в Австро-Венгрии и в Англии, был знаком со многими химиками Европы, посещал и Россию. Сотрудничество Менделеева и Браунера описано в книге: Б. Кедров, Т. Ченцова. Браунер — сподвижник Менделеева. М., Изд-во АН СССР, 1955.

¹ Б. Браунер имел в виду себя. — 177

К воспоминаниям Т. Е. Торпа. — 178

Торп Т. (1845—1925) — видный английский химик и историк химии, биограф Менделеева.

Учился у Г. Роско и Р. Бунзена, друг В. Мейера. Ученый широких интересов и блестящий педагог, он исследовал атомный вес золота и кремния, написал учебники по неорганической и аналитической химии, а также словарь прикладной химии.

Неоднократно встречался и переписывался с Д. И. Менделеевым. Поместил в английских журналах и газетах несколько статей о Менделееве (см. подробнее: Ю. И. Соловьев, Л. П. Петров. «Химия и жизнь», 1967, № 12, с. 23).

¹ Д. И. Менделеев не присутствовал на торжественном вручении награды. Получив телеграмму о тяжелой болезни младшего сына, он тотчас покинул Англию. — 179

К воспоминаниям Н. Я. Капустиной-Губкиной. — 181

Капустина-Губкина Н. Я. (1855—1922) — племянница Д. И. Менделеева, писательница.

Первая часть воспоминаний была опубликована при жизни Д. И. Менделеева (находится в библиотеке Д. И. Менделеева. Т. 1052/21). Вторую часть воспоминаний Н. Я. Капустиной-Губкиной составили отрывки из ее книги «Семейная хроника в письмах матери,

отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве». (Спб., 1908).

¹ Это имя Д. И. Менделеев купил в 1865 г. вместе со своим другом профессором Технологического института Н. П. Ильиным.—182

² Н. Я. Капустина-Губкина по памяти описывает, каким был кабинет Д. И. Менделеева в первые годы ее жизни в Петербурге (конец 60-х — начало 70-х годов). — 184

К воспоминаниям А. И. Менделеевой. — 192

Менделеева А. И., урожденная Попова (1860—1942) — вторая жена Д. И. Менделеева, художница.

Ею опубликована книга воспоминаний «Д. И. Менделеев в жизни», отрывки из которой приводятся в настоящем сборнике. Ее перу принадлежит также статья «Ал. Блок» [«Всемирная иллюстрация», № 11, 12—18 (1923)], в которой говорится о знакомстве Блока с семьей Менделеевых.

В последнее время изучение взаимоотношений А. А. Блока и семьи Менделеевых нашло отражение в литературе [Вл. Орлов. Пути и судьбы. М.—Л., «Советский писатель», 1963, стр. 579—667; А. Екимов. Д. И. Менделеев в жизни и творчестве А. Блока. «Русская литература», № 1, 156—160 (1960); Т. С. Кудрявцева. Александр Блок — актер. «Театр», № 3, 77, 78 (1967)].

К воспоминаниям О. Д. Менделеевой-Трироговой. — 199

Менделеева-Трирогова О. Д. (1868—1950) — старшая дочь Д. И. Менделеева. Она является автором книги воспоминаний «Д. И. Менделеев и его семья». (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947), отрывок из которой здесь публикуется.

В предисловии к своей книге О. Д. Менделеева писала: «В 1918 г. управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич передал мне, что Владимир Ильич Ленин поручил ему сказать, что я, как дочь Дмитрия Ивановича Менделеева, должна написать о моем отце свои воспоминания, так как ни одна черта из жизни Дмитрия Ивановича не может быть забыта и представляет собой общественный интерес».

Академик Б. М. Кедров опубликовал письмо В. Д. Бонч-Бруевича [«Природа», № 4, 3—4 (1967)], который по просьбе Б. М. Кедрова рассказал подробно об этом факте: «Он (В. И. Ленин. — *Ред.*) ставил его (Д. И. Менделеева. — *Ред.*) как деятеля науки очень высоко, в память о нем заботился о его семье; просил всех, кто общался с ним, записывать свои воспоминания и говорил, что все это немедленно надо печатать».

¹ Подробнее об этом см. в книге Д. И. Менделеева «Материалы для суждения о спиритизме» (Спб., 1876), где приведенный О. Д. Менделеевой факт описывается несколько иначе. — 201

К воспоминаниям И. Д. Менделеева. — 204

Менделеев И. Д. (1883—1936) — старший сын Д. И. Менделеева от второго брака, метролог, профессор ВНИИМ им. Д. И. Менделеева.

См. о нем некролог, составленный М. Н. Младенцевым [«Журнал прикладной химии», 10, № 3, 600—603 (1937)]. Рукопись И. Д. Менделеева «Воспоминания об отце Дмитрие Ивановиче Менделееве» находится в архиве Д. И. Менделеева в ЛГУ. В сокращенном виде она была опубликована в «Вечерней Красной газете» в августе — сентябре 1934 г.

¹ Об одной из своих встреч с И. С. Тургеневым Д. И. Менделеев упоминает в книге «Заветные мысли» (Спб., 1903—1904, стр. 223, 224). — 204

² Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 11. Л., ГИЗ, 1929, стр. 40, 41, 153—156. — 204

³ В библиотеке Д. И. Менделеева имеется много книг Л. Н. Толстого с многочисленными пометками ученого, свидетельствующими о его критическом отношении к философской концепции Л. Н. Толстого. — 205

⁴ Свою статью «Оправдание протекционизма» Д. И. Менделеев начинает следующим образом: «Когда господство пессимизма и безучастности ко всеобщему заставляет оправдывать само «добро», тогда едва ли может быть излишним оправдание протекционизма» (Д. И. Менделеев. Соч., т. 21. Л.—М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 283). — 205

⁵ О взаимоотношениях Д. И. Менделеева и А. А. Блока см.: «Александр Блок. Записные книжки». М., Изд-во худож. лит., 1965. — 205

К воспоминаниям М. Д. Менделеевой. — 212

Менделеева М. Д. (1886—1952) — младшая дочь Д. И. Менделеева от второго брака. Окончила Высшие женские сельскохозяйственные Стебутовские курсы в Петербурге, по специальности — агроном. Преподавала в нескольких средних учебных заведениях. С 1934 г. — директор Музея Д. И. Менделеева. Занималась разработкой научно-го наследия Д. И. Менделеева.

¹ В 1861 г. в журнале «Русский вестник» была напечатана повесть Леонида Федоровича де Роберти «Гурин», в которой автор с большой симпатией и теплотой в образе Давыда Андреевича показал представителя «новых» людей — шестидесятников. В этом герое многие современники узнали Д. И. Менделеева (см. подробнее И. Филимонова, Забытая повесть. «Нева», 1968, № 1, стр. 217—218). — 212

К заметкам Ф. М. Достоевского *. — 214

Достоевский Ф. М. (1821—1881) — выдающийся русский писатель. В 70-е годы, вернувшись из-за границы, жил в Петербурге, где несколько раз встречался с Д. И. Менделеевым. В своих воспоминаниях, публикуемых в настоящем издании, старший сын Д. И. Менделеева от второго брака И. Д. Менделеев (1883—1936) пишет, что

* Публикация и комментарии И. Л. Волгина и В. Л. Рабиновича.

Д. И. Менделеев «встречался с Достоевским... Эти встречи относились более к эпохе расследования отцом спиритических явлений», т. е. к 1875—1876 гг. Однако взаимоотношения Достоевского и Менделеева проявились главным образом опосредованно: в связи с их публичными выступлениями по поводу спиритизма, ставшего в середине 70-х годов прошлого века предметом чрезвычайно острых дискуссий в среде русской интеллигенции.

Попытка исторической реконструкции этого столь же любопытно-го, сколь и поучительного «антиспиритического диалога» между Достоевским и Менделеевым предпринята авторами данного комментария в статье: И. Л. Волгин, В. Л. Рабинович. Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог. «Вопросы философии». 11 103—115 (1971).

¹ «Комиссия для рассмотрения медиумических явлений» под председательством Д. И. Менделеева была учреждена 6 мая 1875 г. на очередном собрании физического общества при Петербургском императорском университете и закончила свое существование в марте 1876 г. Комиссия должна была заключить, не принадлежит ли что-либо в спиритизме «к разряду ныне необъяснимых явлений, совершающихся по неизвестным еще законам природы». Всего было проведено девятнадцать заседаний. Протоколы этих заседаний приведены в книге «Материалы для суждения о спиритизме», (издание Д. Менделеева, Спб., 1876). Выручка от реализации тиража этой книги предназначалась для постройки воздушного шара метеорологического назначения. — 214

² Крукс У. (1832—1919) — выдающийся английский химик и физик, заслуги которого высоко ценил Менделеев. Ему принадлежит ряд крупных открытий: так, им открыт элемент таллий, изобретены радиометр, спинтарископ. В рассматриваемый период находился под сильным влиянием спиритизма. — 214

³ Полонский Я. П. (1819—1898) — известный русский лирический поэт. Был хорошо знаком с Ф. М. Достоевским. — 215

⁴ С публичными лекциями о спиритизме Менделеев выступал трижды: 15 декабря 1875 г. в Инженерном русском техническом обществе (ИРТО) и дважды — 24 и 25 апреля 1876 г. — в Соляном городке (Петербург). Чтение было устроено Петербургским славянским комитетом, а сбор назначался в пользу славян, пострадавших во время антитурецкого восстания в Боснии и Герцоговине (см. отчет об этом чтении в газете «Голос», № 329, 1875). Сбор пошел в пользу нуждающихся литераторов и ученых, а также школ ИРТО. В данном фрагменте Достоевский говорит лишь о первом публичном выступлении Менделеева по поводу спиритизма. Полные тексты этих выступлений можно найти в уже упоминавшихся «Материалах для суждения о спиритизме» (см. также: Д. И. Менделеев. Собр. соч., т. 24, Л. — М., 1954, стр. 171—191). — 217

⁵ Менделеев подчеркивал, что в публичных своих выступлениях он говорит лишь от своего собственного имени. — 220

⁶ В апрельском выпуске «Дневника...» так или иначе уже нашли отражение отклики русской прессы на апрельские чтения Менделеева в Соляном городке (см., например, апрельские номера «Нового времени», газеты «Голос» за 1876 г., а также журнал «Отечественные записки»). — 220

⁷ Суворин А. С. (1834—1912) — известный русский журналист, издатель. С 1876 г. владелец газеты «Новое время». — 220

⁸ Боборыкин П. Д. (1836—1921) — известный русский беллетрист-бытописатель. В 1863—1865 гг. издавал «Библиотеку для чтения», сотрудничал многие годы в «Вестнике Европы». — 220

⁹ Достоевский несколько неточно цитирует выступления Менделеева 24 и 25 апреля 1876 г. — 220

¹⁰ Хотя Достоевский и не называет здесь своего оппонента по имени, ясно, что речь идет об апрельских публичных чтениях, о спиритизме в Соляном городке, где Менделеев заявил о приверженности Достоевского к спиритизму, проявившейся, по его мнению, в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год. — 221

¹¹ Этот фрагмент публикуется впервые и представляет собой отрывок из рукописи Ф. М. Достоевского, являющейся скорее всего самостоятельной главой майско-июньского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. — она не вошла в окончательный текст «Дневника»: ее начало хранится в Москве в Государственной ордена Ленина библиотеке Союза ССР им. В. И. Ленина (ф. 93, л. 2, 12), а продолжение — в Ленинграде, в Институте русской литературы — Пушкинский дом (ф. 100, № 29479, ССХБ, 12). — 221

К заметкам А. А. Блока. — 221

Блок А. А. (1880—1921) — выдающийся русский поэт, внук известного ботаника А. Н. Бекетова.

Многие записи в дневнике Блока, его письма и произведения свидетельствуют о влиянии личности Д. И. Менделеева и его идей на молодого поэта (подробно см.: А. Екимов. Д. И. Менделеев в жизни и творчестве А. Блока. «Русская литература», № 1, 156—160 (1960).

К заметкам В. А. Гиляровского. — 222

Гиляровский В. А. (1853—1935) — известный журналист и писатель. Журналистскую деятельность начал в 80-е годы прошлого столетия. Сотрудничал во многих московских газетах. С 1882 г. В. А. Гиляровский — сотрудник газеты «Русские ведомости», где в это время печатались Л. Толстой, Г. Успенский, Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский, Д. Мамин-Сибиряк. Его корреспонденции и очерки всегда были сенсационными, но вместе с тем отличались точностью фактов и тщательностью литературной обработки.

¹ Гиляровский присутствовал при старте воздушного шара «Русский», на котором поднимался Д. И. Менделеев для наблюдения солнечного затмения. В тот же день в газете «Русские ведомости» появилась корреспонденция В. Гиляровского «Солнечное затмение под Москвой».

В 80-е годы Гиляровский сам совершает полет на воздушном шаре с известным русским воздухоплавателем В. Бергом. — 222

К статьям М. О. Меньшикова. — 224

Меньшиков М. О. (1859—1918) — известный публицист и гидрограф. Писать начал в 1879 г. поместив в газетах «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Кронштадский вестник» несколько очерков о заграничном плавании по Атлантическому океану и Средиземному морю на фрегате «Князь Пожарский» (вышли отдельной книгой «По портам Европы», 1879). С середины 80-х годов Меньшиков пишет в «Неделе», где в 90-х годах становится главным сотрудником. Меньшикова занимают преимущественно вопросы нравственности (он находится под заметным влиянием Л. Н. Толстого). Он интересуется и государственными вопросами, особенно народным образованием.

М. О. Меньшиков неоднократно писал о Д. И. Менделееве. Заслуживает внимания его статья, написанная в связи с японскими событиями 1904 г. («Л. Толстой, Менделеев, Верещагин» в газете «Новое время», 4 июля 1904 г.).

К статье В. В. Протопопова. — 227

Протопопов В. В. (1866—1916) — театральный критик, драматург. С 1909 г. — сотрудник еженедельной театральной иллюстрированной газеты «Театральный день», с № 13 — ее редактор. Иногда печатался под псевдонимом ЭН-Эн.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая библиография работ о жизни и деятельности Д. И. Менделеева, написанных его современниками

В настоящую сводку включены основные работы о Д. И. Менделееве, написанные его современниками не только при жизни Д. И. Менделеева, но и после его смерти. Сам Д. И. Менделеев незадолго до смерти составил автобиографические заметки и комментарии к своим трудам (см. Архив Д. И. Менделеева. Т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1951). Одна из первых биографических заметок о Д. И. Менделееве была напечатана в журнале «Всемирная иллюстрация» (№ 44, 282, 1869). Подробная библиография о Д. И. Менделееве подготавливается к печати сотрудниками Библиотеки АН СССР в Ленинграде.

Алексеев П. П. Обзоры русской химической литературы. «Печатались в «Киевских университетских известиях», начиная с 1874 г.; см. также «Натуралист» за 1865 г.).

Баракoв П. Ф. Развитие сельскохозяйственного опытного дела у нас со времени первых опытов, организованных Императорско-Экономическим обществом под руководством Д. И. Менделеева. (Реферат). Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 415, 416. См. также в «Записках Ново-Александрийского института», 1908, т. XX.

Бекетов Н. Н. Значение периодической системы Д. И. Менделеева. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 33—35.

Бутлеров А. М. Представление к избранию в экстраординарные академики Д. И. Менделеева. В кн. «А. М. Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность». Сборник документов. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 225—233.

Вальден П. И. О трудах Д. И. Менделеева по вопросу о растворах. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 58—88.

Вальден П. И. Очерк истории развития химии в России. В кн. «А. Ладенбург. История развития химии». Одесса, 1917, стр. 550.

Вальден П. И. Памяти Д. И. Менделеева. «Природа», № 5—6, 570—591 (1917).

Вальден П. И. Из истории химических открытий. Л., ГИЗ, 1925.

Вейнберг Б. П. Работы Д. И. Менделеева по капиллярности и температуре абсолютного кипения. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 89—106.

Вейнберг Б. П. Химик или физик. Менделеев? «Научное слово», № 6—7, 63—79 (1928).

Воейков А. И. Работы Д. И. Менделеева по метеорологии. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 134—146.

Горбов А. И. Дмитрий Иванович Менделеев и «Основы химии» «Журнал прикладной химии», 7, 1544—1554 (1934).

Густавсон Г. Г. Д. И. Менделеев и органическая химия. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 50—57.

Егоров Н. Г. Труды Д. И. Менделеева в Главной палате мер и весов. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 162—171.

Жуковский Н. Е. О работах Д. И. Менделеева по сопротивлению жидкостей и воздухоплаванию. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 116—124.

Капусгин Ф. Я. О трудах Д. И. Менделеева по вопросам об изменении объема газов и жидкостей. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 107—115.

Коновалов Д. П. «Основы химии» и их автор. В кн. «Д. И. Менделеев. «Основы химии». Т. 1. Изд. 9 М.—Л., ГИЗ, 1927, стр. XXVII—XI.

Коновалов Д. П. Периодическая система Д. И. Менделеева и природа химических элементов. В кн. «Д. И. Менделеев. «Основы химии». Т. 2. Изд. 9 М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 680—692.

Курбатов В. Я. Общий обзор научной деятельности Д. И. Менделеева. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 36—45.

Лисенко К. И. «Основы химии» Д. Менделеева, проф. Спб., университета. «Горный журнал», № 9, 482—484 (1871); см. также: «Д. И. Менделеев. Научный архив». Т. 1. Периодический закон. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 762, 763.

Меншуткин Б. Н. Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. Спб., 1908.

Меншуткин Н. А. Очерки развития химических воззрений. Спб., 1888.

Меншуткин Н. А. Четверть века периодического закона. (Сообщение в заседании отделения химии Русского физико-химического общества 3 марта 1894 г.).

«Журнал Русского физико-химического общества», 26, вып. 2, 59 (1894).

Ракузин А. М. Взгляд Д. И. Менделеева на генезис и строение нефтей и его влияние на развитие нефтяной химии. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 281—283.

Рубцов П. П. Очерк деятельности Д. И. Менделеева в области изучения взрывчатых веществ. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 152—161.

Рюмин В. В. Д. И. Менделеев (К 70-летию со дня рождения). «Физик-любитель», № 14—15, 196, 197 (1905).

Савченко Ф. Н. Отношения между атомными весами элементов. «Горный журнал», № 5, 234—251 (1871); см. также: «Д. И. Менделеев. Научный архив». Т. 1. Периодический закон. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 749—761.

Тищенко В. Е. Краткий биографический очерк Д. И. Менделеева. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии Спб., 1909, стр. 8—32.

Тищенко В. Е. Дмитрий Иванович Менделеев (Биографический очерк). В кн.: «Д. И. Менделеев. «Основы химии». Т. 1. Изд. 9 М.—Л., ГИЗ, 1927, стр. V—XXVI.

Тищенко В. Е. А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев в их взаимной характеристике. (Речь, произнесенная на втором общем собрании Менделеевского съезда 17 июня 1928 г. в г. Казани). «Журнал Русского физико-химического общества», 41, вып. 4, 641—653 (1929).

Харичков К. В. Заслуги Д. И. Менделеева в области изучения нефти и нефтяной техники. Труды I Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. Спб., 1909, стр. 147—151.

Чельцов И. М. Д. И. Менделеев. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869—1894 гг.) Т. 2. Спб., 1898, стр. 17—21.

Чугаев Л. А. Д. И. Менделеев. Жизнь и деятельность. Л., ГИЗ, 1924.

Основные даты жизни и деятельности Д. И. Менделеева

Дмитрий Иванович Менделеев родился 27 января (8 февраля н. с.) 1834 г.

1841 — поступление в Тобольскую гимназию.

1847 — смерть отца Д. И. Менделеева — Ивана Павловича Менделеева.

1849 — окончание гимназии.

1850, май — поступление в Главный педагогический институт в Петербурге.

1850, 20 сентября — смерть матери Д. И. Менделеева — Марии Дмитриевны Менделеевой.

1854, июнь — выход в свет первой печатной работы «Химический анализ ортита из Финляндии».

1855, июнь — окончание Главного педагогического института.

1855, август — октябрь — преподавание в симферопольской гимназии.

1855, октябрь — переезд из Симферополя в Одессу для преподавания в гимназии при Ришельевском лицее.

1856, май — возвращение в Петербург.

1856, 9 сентября — защита магистерской диссертации на тему «Удельные объемы».

1857, январь — утверждение в звании приват-доцента и начало преподавания в Петербургском университете.

1859, апрель — отъезд в научную командировку в Германию.

1860, 3—5 сентября — участие в работе конгресса химиков в Карлсруэ.

- 1861, февраль — возвращение в Россию.
1861 — выход в свет учебника «Органическая химия».
1861—1867 — работа над «Технической энциклопедией».
1863, август—сентябрь—октябрь — первая поездка на Кавказ, в Баку, для изучения нефтяного дела.
1864—1872 — профессор Петербургского технологического института.
1865, 31 января — защита докторской диссертации «Рассуждение о соединении спирта с водой».
1865, ноябрь — избрание ординарным профессором по кафедре технической химии Петербургского университета.
1867—1869 — участие в сельскохозяйственных опытах по программе Вольного экономического общества.
1867 — поездка на Парижскую выставку и опубликование книги «О современном развитии некоторых химических производств в применении к России и по поводу Всемирной выставки 1867 г.».
1867, 18 октября — избрание профессором общей химии Петербургского университета.
1867, 28 декабря — 1868, 4 января — участие в Первом съезде русских естествоиспытателей и врачей.
1868 — основание Русского химического общества, одним из организаторов которого был Д. И. Менделеев
1868—1871 — опубликование первого издания «Основ химии».
1869, 17 февраля — открытие периодического закона и разработка первого варианта периодической системы химических элементов.
1869, 6 марта — сообщение Н. А. Меншуткина на заседании Русского химического общества об открытии Д. И. Менделеевым периодического закона.
1871, июль — завершение работы над статьей «Периодическая законность для химических элементов».
1871, декабрь — начало работ над газами.
1872—1873 — опубликование второго издания «Основ химии».
1875 — издание монографии «Об упругости газов».
1875 — работа в комиссии Русского физического общества по изучению «спиритических» («медиумических») явлений.
1876 — поездка в США для ознакомления с американской нефтяной промышленностью.
1877, 13 января — сообщение о гипотезе происхождения нефти на заседании Русского химического общества.
1877 — издание книги «Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе».
1877 — опубликование третьего издания «Основ химии».
1880 — вторая поездка на Кавказ.
1880 — издание труда «О сопротивлении жидкостей и в воздухоплавании».
1880—1881 — чтение лекций по земледельческой химии на Высших женских курсах.
1881 — опубликование четвертого издания «Основ химии».
1881 — издание книги «Где строить нефтяные заводы?»
1882, 1 июня — выступление на промышленном съезде в Москве с докладом «Об условиях развития заводского дела в России».
1886, май и август — третья и четвертая поездки в Баку.
1886 — издание книги «Бакинское нефтяное дело в 1886 г.».

1887, 7 августа — полет на воздушном шаре во время солнечного затмения.

1887, сентябрь — участие в съезде Британской ассоциации наук в Манчестере.

1887 — издание монографии «Исследование водных растворов по удельному весу».

1888, февраль—апрель — поездка в Донецкий бассейн для изучения состояния каменноугольной промышленности.

1888—1889 — издание труда «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца».

1889, 23 мая — Фарадеевское чтение «Периодическая законность химических элементов».

1889 — начало работы по пересмотру таможенного тарифа России.

1889 — опубликование пятого издания «Основ химии».

1890 — уход из Петербургского университета.

1890—1895 — работа по пироколлоидному бездымному пороху.

1892 — издание труда «Толковый тариф».

1893 — назначение управляющим Главной палатой мер и весов и начало крупных метрологических работ.

1895 — опубликование шестого издания «Основ химии».

1897 — издание труда «Основы фабрично-заводской промышленности».

1899, июнь—август — поездка на Урал для исследования металлургического производства.

1900 — издание труда «Уральская железная промышленность в 1899 г.».

1900—1901 — редактирование «Библиотеки промышленных знаний» и выпуск в ней труда «Учение о промышленности».

1903 — опубликование седьмого издания «Основ химии».

1903—1905 — издание книги «Заветные мысли».

1906 — выход 8-го (последнего прижизненного) издания «Основ химии».

1906—1907 — издание труда «К познанию России».

Дмитрий Иванович Менделеев скончался 20 января (2 февраля н. с.) 1907 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус М. П. 78
Авогадро Амедео 58, 114
Авсеев 46
Аксаков А. Н. 217
Аксаков С. Т. 45
Алексеев П. П. 27, 28
Анциферов 29, 30, 31
Аррениус С. А. 175
Артемьев Н. А. 144
Архангельский А. Г. 142

Базлов Д. И. 83
Байков А. Л. 54
Байрон Дж. 188, 198, 211
Бейльштейн Ф. Ф. 25, 95

Бекетов А. Н. 170, 189, 192, 205
Бекетов Н. Н. 69
Бельй А. 197
Бертолле К. Л. 59, 131
Берцелиус И. Я. 178
Бетлинг 50
Бирилев А. А. 137
Блок А. А. 189, 205
Блок Л. Д. 205
Блумбах Ф. И. 79, 80, 82, 172, 196
Боборыкин П. Д. 220
Богданов М. Н. 69
Бородин А. П. 16, 17, 88, 230
Боткин М. П. 205
Бранд Ф. Ф. 86
Браунер Б. Ф. 40, 175

- Бунзен Р. В. 25, 52, 54, 92, 127
 Буренин В. П. 46
 Бутлеров А. М. 19, 34, 35, 36, 40, 44,
 54, 64, 69, 94, 95, 100, 200
 Вагнер Н. П. 69, 192, 200, 218
 Валуев П. А. 226
 Вальден П. И. 173, 197
 Вандорф 162
 Вант-Гофф Я. 40, 41, 54, 176
 Васильков М. И. 142
 Васнецовы (худ.) 192
 Вейнберг Б. П. 124
 Вельман 190
 Верещагин В. В. 193
 Верн Ж. 188, 191, 198
 Вернадский В. И. 68
 Вессель 192
 Вешняков В. И. 100, 101
 Винклер К. 36, 40, 177, 233
 Вислиценус И. 40
 Витте С. Ю. 83, 136, 138, 143, 145,
 156, 159, 160, 162, 204
 Владиславлев М. И. 48
 Вовчок Марко 17
 Воейков А. И. 69, 192
 Волков Е. Е. 192
 Вольхард Я. 176
 Воскресенский А. А. 27, 87
 Вуколов С. П. 82, 204
 Вюрц А. 24, 114
 Галилей Г. 152
 Гапон Г. А. 203
 Гарач 161
 Гарин Н. М. 109
 Гете В. 188, 211
 Гильден 154
 Гняляровский В. А. 222
 Гинцбург И. Я. 119, 197, 205
 Глинка С. Ф. 94
 Гоголь Н. В. 211
 Голубев 84
 Гончаров И. А. 17
 Горбзв А. И. 82
 Горчаков А. М. 226
 Грум-Гржимайло В. Е. 122
 Гурко И. В. 93, 94
 Густавсон Р. Г. 27, 230
 Гюго В. 188
 Давыдов И. И. 51
 Дальтон Д. 114
 Делянов И. Д. 46, 60, 61, 194
 Демидов П. П. 27, 28, 232
 Джонс Г. К. 134
 Добровольский С. М. 28
 Докучаев В. В. 69
 Доре 197
 Достоевский Ф. М. 204, 214
 Драгомиров М. И. 158, 159
 Дьюар Дж. 40, 42
 Деви Г. 96, 179
 Дюма А. 178, 211
 Дюма Ж.—Б. 40
 Егоров К. Н. 82
 Егоров Н. Г. 103, 161, 162
 Елагин А. 148
 Елисеев 42
 Жуковский В. А. 188
 Жуковский Н. Е. 72
 Завадский Ф. П. 82, 171
 Зайцев А. М. 40
 Зверев А. П. (Алеша) 49, 112
 Зелинский Н. Д. 85
 Здекауер Н. Ф. 51
 Зинин Н. Н. 94^m
 Золя Э. 211
 Иностранцев А. А. 69, 192, 23.
 Ионин А. С. 211
 Каблуков И. А. 229
 Кавендиш Г. 171
 Капустина Е. И. 181, 198
 Капустина Н. Я. 192
 Карпинский А. П. 72
 Каррик 196
 Кекуле А. 24
 Кирпичев В. Л. 123
 Киселев А. А. 192
 Кистяковский В. А. 65
 Клевер Ю. Ю. 201
 Клодт М. П. 192, 193
 Ковалевский В. И. 83, 136, 159, 160,
 170
 Кованько А. М. 103, 223
 Коковцев 163
 Кольбе А. 25
 Комаров В. Л. 70
 Коновалов Д. П. 37, 69, 162, 204
 Копп Г. 54
 Костенич И. В. 16
 Костычев П. А. 69
 Котарбинский 193, 205
 Краевич К. Д. 87, 192, 199, 229
 Крамской И. Н. 192, 196, 197, 201, 205
 Кремлев А. М. 82
 Крукс У. 26, 231
 Кузнецов А. И. 155, 163, 164, 165, 192
 Куинджи А. И. 82, 116, 117, 150, 192,
 199, 201, 205
 Кундт А. 64, 114
 Курбатов В. Я. 111
 Курнаков Н. С. 68
 Курциус Т. 61, 62
 Куторга С. С. 87
 Лаврентьев М. Т. 105
 Лавуазье А. 114, 120, 131
 Лагода О. А. 192
 Ладенбург А. 52
 Ламанский Я. И. 89
 Лебель А. Ж. 40
 Лемох К. В. 119, 192, 198
 Ленин В. И. 116
 Ленц Э. Х. 87, 192
 Либих Ю. 35
 Литке Ф. 95
 Ломоносов М. В. 225
 Лугинин В. Д. 25
 Львов М. Д. 35
 Любавин Н. Н. 35
 Майков А. П. 188, 198
 Макаров А. К. 134
 Макаров С. О. 132, 137, 138, 140, 141
 Максимов В. М. 120, 192
 Маковский Вл. 192
 Мальцев И. П. 142

Мальцев Н. П. 142
Мариньяк Ш. 41
Марков А. А. 125
Мейер В. 53
Мейер Л. 95
Менделеев И. Д. 204
Менделеева А. И. 192
Менделеева М. Д. (дочь Д. И.) 212
Меншуткин Н. А. 35, 40, 44, 53, 69, 192
Меньшиков М. О. 224
Мечников И. И. 15, 158
Милль 186
Минченков Я. Д. 119
Михальцева (худ.) 192
Михельсон В. А. 72
Младенцев М. Н. 75
Мопассан Г. 211
Морозов Н. А. 73
Мрозовская 196
Мясоедов Г. Г. 192

Нансен Ф. 211
Некрасов Н. А. 161
Нильсон Л. Ф. 177
Нобель А. 43
Норденшельд О. 211
Норов А. С. 51
Ньюлендс А. 95
Ньютон И. 67

Овсянников Ф. В. 69
Олсуфьевы 102, 103, 106, 108
Остроградский М. В. 87
Остроухов И. С. 192

Павлов В. Е. 15, 36, 233
Павлов Д. П. 35, 36, 37, 38, 49, 232
Павлов И. П. 73, 232
Папков М. А. 86
Пассек Т. П. 16, 17
Патрухин В. А. 166, 172
Петрушевский Ф. Ф. 69, 72, 116, 192, 193
Пирогов Н. И. 51, 52
Писарев Д. И. 100
Платон 211
Плеске В. Д. 83, 84
Плутарх 211
Позен Л. В. (худ.) 192, 193
Покровский А. П. 79, 171, 172, 190
Полонский Я. П. 215
Пономарев И. Ф. 143
Попова А. М. 203
Попова М. И. 190
Поссе В. А. 93
Поссе К. А. 125
Праут У. 26
Прахов А. В. 192
Протопопов В. В. 227
Пузыревский П. 27
Пушкин А. С. 188, 198
Рагозин В. И. 42, 43, 44, 85
Радлов Э. Ф.
Рамзай У. 40, 133
Резерфорд Э. 104
Резцов Н. А. 162
Рейнольдс Э. 95
Репин И. Е. 118, 150, 158, 192, 196, 197, 201, 205
Рескин Д. 84

Ржешотарский А. А. 135
Роговский Е. А. 102
Роско Г. 40, 42
Рошер В. 139
Рубцов П. А. 204
Рундалицев М. В. 162
Рупрехт Ф. И. 86
Рюмин В. В. 88

Сабинин 87
Савицкий К. А. 192
Савич А. Н. 87
Савич В. 16
Саллерон 16
Сапожников В. Д. 62, 79, 80
Семечкина М. А. 150
Сент-К. Девилье 59
Сервантес М. 211
Сеченов И. М. 69, 72, 230
Скиннер А. И. 134, 135, 199
Скворцов А. В. 164
Смирнов А. И. 87
Содди Ф. 104
Соколов И. А. 142
Соколов Н. Н. 28
Соловьев В. 205
Спенсер Г. 186
Стас Ж. 26
Стасов В. В. 88
Стасюлевич М. М. 46
Столетов А. Г. 26, 72, 102
Стэнли Г. 211
Суворин А. С. 220
Суриков И. И. 192
Сушин К. Д. 122, 123

Тильден В. 194
Тимашев 226
Тимирязев К. А. 163
Тищенко В. Е. 132, 204
Толстой Л. Н. 108, 110, 205, 211
Толстой С. Л. 106
Торп Т. Е. 178
Тройников М. П. (Михайло) 76, 81, 83, 163, 167
Тургенев И. С. 161, 204, 210
Тютчев Ф. И. 188, 198, 210

Урубков Г. А. 142
Урубков М. Е. 142
Ушков П. К. 119

Фаминцын А. С. 69, 93, 94, 170
Федоров Е. С. 72
Федоров М. М. 81
Федоров Н. А. 54
Филиппов М. М. 147
Философов Д. А. 16, 190
Флавицкий Ф. М. 100
Флобер Г. 211
Фогт К. 15
Фохт К. В. 81
Франкланд Э. 40, 42
Фрейденберг М. Ф. 105

Хвольсон О. Д. 125
Храповицкий П. П. 93

Цингер В. Я. 67
Циолковский К. Э. 147

Чебышев П. Л. 153, 154
Чельцов И. М. 46, 47, 149, 151, 204
Чешихин В. Е. 110
Чистович Н. Я. 34, 35
Чичерин Б. Н. 17, 101
Чугаев Л. А. 13, 229

Шекспир В. 188, 211
Шиллер Ф. 188, 211
Шишкин И. И. 45, 192, 201, 205
Шиншков Л. Н. 25
Шмидт Г. А. 38
Штреккер А. 24

Эйдименова Е. Д. 154
Эрленмейер Э. 16, 40

Юнге 17
Ювенал 208

Яковлев В. А. 120
Янкевич Н. К. 50
Яновский М. В. 172, 191
Ярошенко М. И. 150
Ярошенко Н. А. 150, 196, 197,
201, 205
Ясинский И. И. 116, 117

СОДЕРЖАНИЕ

<p>Предисловие 5</p> <p>От составителей 9</p> <p>Воспоминания друзей и учеников Д. И. Менделеева 13</p> <p style="padding-left: 20px;">Л. А. Чугаев 13</p> <p style="padding-left: 20px;">И. М. Сеченов 16</p> <p style="padding-left: 20px;">Г. Г. Густавсон 18</p> <p style="padding-left: 20px;">К. А. Тимирязев 24</p> <p style="padding-left: 20px;">А. А. Иностранцев 26</p> <p style="padding-left: 20px;">В. Е. Тищенко 33</p> <p style="padding-left: 20px;">А. Ладенбург 52</p> <p style="padding-left: 20px;">А. А. Байков 54</p> <p style="padding-left: 20px;">Д. П. Коновалов 64</p> <p style="padding-left: 20px;">В. А. Кистяковский 65</p> <p style="padding-left: 20px;">И. А. Каблуков 67</p> <p style="padding-left: 20px;">Н. С. Курнаков 68</p> <p style="padding-left: 20px;">В. И. Вернадский 69</p> <p style="padding-left: 20px;">В. Л. Комаров 70</p> <p style="padding-left: 20px;">К. Э. Циолковский 72</p> <p style="padding-left: 20px;">А. П. Карпинский 72</p> <p style="padding-left: 20px;">Н. А. Морозов 73</p> <p style="padding-left: 20px;">М. Н. Младенцев 75</p> <p style="padding-left: 20px;">Н. Д. Зелинский 85</p> <p>Воспоминания лиц, встречавшихся с Д. И. Менделеевым 86</p> <p style="padding-left: 20px;">М. А. Папков 86</p> <p style="padding-left: 20px;">В. В. Стасов 88</p> <p style="padding-left: 20px;">В. В. Рюмин 88</p>	<p style="padding-left: 20px;">В. А. Поссе 93</p> <p style="padding-left: 20px;">С. Ф. Глинка 94</p> <p style="padding-left: 20px;">Н. А. Меншуткин 97</p> <p style="padding-left: 20px;">Ф. М. Флавицкий 100</p> <p style="padding-left: 20px;">Б. Н. Чичерин 101</p> <p style="padding-left: 20px;">Е. А. Роговский 102</p> <p style="padding-left: 20px;">М. Ф. Фрейденберг 105</p> <p style="padding-left: 20px;">С. Л. Толстой 106</p> <p style="padding-left: 20px;">В. Е. Чешихин (Ветринский) 110</p> <p style="padding-left: 20px;">В. Я. Курбатов 111</p> <p style="padding-left: 20px;">И. Е. Репин 116</p> <p style="padding-left: 20px;">И. Я. Гинцбург 118</p> <p style="padding-left: 20px;">Я. Д. Минченков 119</p> <p style="padding-left: 20px;">В. А. Яковлев 120</p> <p style="padding-left: 20px;">В. Е. Грум-Гржимайло 122</p> <p style="padding-left: 20px;">Б. П. Вейнберг 124</p> <p style="padding-left: 20px;">С. П. Вуколов 131</p> <p style="padding-left: 20px;">У. Рамзай 133</p> <p style="padding-left: 20px;">Г. К. Джонс 134</p> <p style="padding-left: 20px;">А. К. Макаров 134</p> <p style="padding-left: 20px;">В. И. Ковалевский 136</p> <p style="padding-left: 20px;">С. Ю. Витте 139</p> <p style="padding-left: 20px;">Л. Мальцев 141</p> <p style="padding-left: 20px;">А. Г. Архангельский 142</p> <p style="padding-left: 20px;">И. Ф. Пономарев 143</p> <p style="padding-left: 20px;">Д. Марголин 145</p> <p style="padding-left: 20px;">Б. М. Филиппов 147</p> <p style="padding-left: 20px;">О. Э. Озаровская 148</p> <p style="padding-left: 20px;">В. А. Патрухин 155</p> <p style="padding-left: 20px;">А. В. Скворцов 163</p> <p style="padding-left: 20px;">Н. Г. Егоров 170</p> <p style="padding-left: 20px;">П. И. Вальден 173</p>
---	--

Б. Браунер	175	Ф. М. Достоевский	214
Т. Е. Торп	178	А. А. Блок	221
Воспоминания родных		В. А. Гиляровский	222
Д. И. Менделеева	181	М. О. Меньшиков	224
Н. Я. Капустина-Губ-		В. В. Протопопов	227
кина	181	Комментарии	229
А. И. Менделеева	192	Приложение	262
О. Д. Менделеева-Три-		Краткая библиография	262
рогова	199	Основные даты жизни	
И. Д. Менделеев	204	и деятельности	
М. Д. Менделеева	212	Д. И. Менделеева	264
Заметки о Д. И. Менде-		Именной указатель	266
лееве писателей и жур-			
налистов	214		

**Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Редактор Пчелинцева Г. М.

Переплет художника Румянцева Н. Н.

Технический редактор Власова Н. А.

Корректоры Буй О. В., Герасимова О. М.

Сдано в набор 5.VII.1972 г. Подписано к печати 4.X.1972 г. Т-15981. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 14,28.+0,84 вкл. Уч.-изд. л. 16,4 с вкл. Тираж 70 000 экз. Заказ изд. 70089. Зак. тип. 466. Цена 66 коп.

Атомиздат, .103031, Москва, К-31, ул. Жданова, 5/7.

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.

